

LITERARY
STUDIES &
PHILOLOGY

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ВИКТОРА ЕСИПОВА:

ЦАРСТВЕННОЕ СЛОВО:
СТАТЬИ О ТВОРЧЕСТВЕ
А. С. ПУШКИНА И АННЫ АХМАТОВОЙ.

ПУШКИН В ЗЕРКАЛЕ МИФОВ.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ГЛАГОЛ:
ПУШКИН. БЛОК. АХМАТОВА.

ОТ БАРКОВА ДО МАНДЕЛЬШТАМА.
МИФЫ И РЕАЛИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ.

ПУШКИН И НИКОЛАЙ I.
ИССЛЕДОВАНИЕ И МАТЕРИАЛЫ.

ПЕРЕПИСКА А. С. ПУШКИНА
С А. Х. БЕНКЕНДОРФОМ.

ОБ УТРАЧЕННОМ ВРЕМЕНИ.

ВСТРЕЧИ И ПРОЩАНИЯ:
ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛИИ АКСЕНОВЕ,
БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ,
ВЛАДИМИРЕ ВОЙНОВИЧЕ

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ВАСИЛИЯ АКСЁНОВА.

ПУШКИН. ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

ВИКТОР ЕСИПОВ

**ПУШКИН.
ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ**

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2023

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Е83

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберуим»

Миссия «Флоберуима» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Произведение издается в авторской редакции

Есипов, В.

Е83 Пушкин. Тридцатые годы / В. Есипов. — М.: Флоберуим /
RUGRAM, 2024. — 328 с. — (Literary Studies & Philology).

ISBN 978-5-517-11493-8

Предмет книги — окончательно сформировавшиеся в тридцатые годы XIX века взгляды Пушкина на те или иные насущные проблемы русской жизни указанного времени, в которых он чаще всего предстает убежденным консерваторм. Пушкин — как «певец империи», монархист, дворянин, помещик — очень редко становился объектом изучения в отечественной пушкинистике, в которой чаще всего выглядел гением, вырванным из контекста своего времени, как фигура вневременная и внесоциальная.

BIC FA
BISAC FIC000000

© В. Есипов, текст, 2024
© А. Кудрявцев, дизайн обложки, 2020
© ООО «Флоберуим», 2024
© RUGRAM, 2024

ISBN 978-5-517-11493-8

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Пушкин и Николай I. Хроника отношений	10
Царь и Бенкендорф в противостоянии	
Пушкина с Булгариным	141
Царь или князь? (К истории публикации стихотворения «Анчар»)	151
Пушкин и польский вопрос	166
Беседа с К. Фрэнклендом	
(Пушкин о положении крестьян)	186
«Последняя туча рассеянной бури ...»	198
«Напрасно я бегу к Сионским высотам...»	212
«Демократическим копытом...»	
(Политические воззрения Пушкина)	223
Александровская колонна или	
Александрийский маяк?	235
О языке Пушкина	248
Проблемы текстологии	
«С Гомером долго ты беседовал один...» ...	256
«Крив был Гнедич поэт...»	275
Примечания	280
Указатель имен	316
Литература	323

ОТ АВТОРА

Основу настоящей книги составляют пушкиноведческие статьи последних четырех лет, почти все они опубликованы в журналах «Вопросы литературы» или «Новый мир», за что автор выражает признательность упомянутым изданиям.

Исключение составляет глава «Пушкин и Николай I. Хроника отношений», являющаяся извлечением из монографии 2019 года «Пушкин и Николай I. Исследование и материалы» (СПб.: Нестор-История, 2019)¹, где она представлена в качестве вступительной. Также и в нынешней книге в результате некоторой переработки она носит характер вводной в тему, остальные главы, следующие за ней, являются развитием основных ее положений.

В книге рассматриваются окончательно сформировавшиеся в тридцатые годы XIX века взгляды Пушкина на те или иные насущные проблемы русской жизни указанного времени, в том числе на польский вопрос в целом и на Польское восстание 1830–1831 гг., в частности («Пушкин и польский вопрос» и в какой-то степени «„Царь или князь?“. К истории публикации стихотворения „Анчар“»), на положение русских крестьян («Беседа с К. Фрэнлендом»), на ужесточе-

ние цензуры («Последняя туча рассеянной бури...»), на демократические тенденции, набирающие силу в Европе и в Америке («„Демократическим копытом...“ (Политические воззрения Пушкина)»).

Взгляды Пушкина достаточно консервативны, уместно вспомнить здесь утверждение коллеги о том, что «по мере созревания своего таланта Пушкин в своих общественно-политических воззрениях все сильнее сближается с позицией Карамзина и в конце концов разделяет ее едва ли не полностью»².

Но в каждом отдельном случае суждения Пушкина по перечисленным проблемам предстают результатом биения живой творческой мысли, исследование и анализ которой представляет необычайный интерес для автора настоящей книги. Тем более, что Пушкин — «певец империи», монархист, дворянин, помещик — очень редко становился объектом изучения в отечественной пушкинистике, в которой чаще всего выглядел гением, вырванным из контекста своего времени, как фигура вневременная и внесоциальная³.

Глава «Александровская колонна или Александрийский маяк?», посвященная известной проблеме, возникающей при трактовке этого итогового пушкинского стихотворения, написана и опубликована значительно раньше, но хорошо вписывается в проблематику предшествующих глав.

Особняком стоят в книге рассмотрение невнятной биографической проблемы двух последних лет жизни Пушкина («Напрасно я бегу к Сионским высотам...») и выявление отдельных существенных отличий языка пушкинского времени от современного («О языке Пушкина»), приводящих порой к не-

оправданным «открытиям» элементов фантастики в повестях «Пиковая дама» и «Выстрел».

Завершает книгу глава «Проблемы текстологии», критически касающаяся некоторых текстологических решений советского времени. Как и глава «Александровская колонна или Александрийский маяк?», она посвящена произведениям Пушкина тридцатых годов, но написана и опубликована ранее остальных глав.

ПУШКИН И НИКОЛАЙ I. ХРОНИКА ОТНОШЕНИЙ⁴

«Дворянское самочувствие Пушкина является <...> драгоценнейшим социологическим ключом, открывающим не одну дверь художественного творчества Пушкина, разрешающим, как нам представляется, немало загадок его творческой эволюции».

Д. Благой.

Социология творчеств Пушкина, 1931, с. 5.

Освобождение из ссылки

Эпоха императора Николая I началась 14 декабря 1825 года около трех часов пополудни — после разгона картечью нескольких мятежных воинских подразделений, которые с утра 14 декабря находились на Сенатской площади Петербурга, не совершая никаких действий.

Поэт находился в это время в своем родовом имении сельце Михайловском Опочецкого уезда Псковской губернии и был увлечен новым поэтическим замыслом — поэмой о графе Нулине. В заметке о ней,

написанной пять лет спустя, Пушкин вспоминает «довольно слабую поэму Шекспира⁵ „Лукрецию”», где самоубийство героини вызывает политические потрясения, и рассуждает в связи с этим о роли случая в истории. А завершает заметку сообщением: «„Граф Нулин“ писан 13 и 14 декабря (то есть одновременно с восстанием декабристов. — В. Е.). Бывают странные сближения».

«Странные сближения» сопровождали поэта всю жизнь. Мы будем касаться их по мере развития нашего сюжета.

Пока же заметим, что приблизительно в это время, то есть между 5 и 13 декабря, Пушкин получил от своего ближайшего лицейского друга Ивана Пущина⁶, участвовавшего в заговоре, письмо с призывом ехать в Петербург⁷. Письмо не сохранилось, и, вообще, мы знаем о нем лишь по записи декабриста Н. И. Лорера⁸ в его «Записках». Трудно сказать, какой мыслью руководствовался Иван Пущин в эти роковые дни: то ли рассчитывал приездом Пушкина воодушевить восставших, то ли слишком оптимистически оценивал перспективы готовящегося восстания и собирался превратить возвращение опального поэта в революционную столицу в триумфальное событие.

Если письмо было получено Пушкиным 5 января 1826 года, более вероятным становится первое предположение; если 13 января, то второе (путь до Петербурга, как известно, занимал несколько дней). К сожалению, более точными сведениями о времени получения письма Пушкиным мы не располагаем.

Не будем останавливаться на легендах, связанных с предполагаемым самовольным отъездом Пушкина

из Михайловского в начале декабря по подложному билету, поскольку они не имеют прямого отношения к нашей теме, а также и потому, что, украшенные многочисленными и порой малодостоверными подробностями, они много раз воспроизводились в различных популярных книгах о поэте.

Пушкин же, как упомянуто, был занят в эти дни литературными трудами, не откликнулся на призыв друга и не решился в нарушение ограничений в свободе передвижения, наложенных на него ссылкой, поехать в Петербург в столь драматичный для истории России момент.

Дело здесь не в том, поздно или рано получил он письмо Пущина, причина отстраненности поэта от восстания в другом. И не в том даже, что он никогда не принадлежал ни к одному тайному обществу, хотя имел дружеские связи с немалым количеством активных участников заговора, каковыми были К. Ф. Рылеев⁹, А. А. Бестужев¹⁰, И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер¹¹ и др., а в том, что в пору михайловской ссылки он уже не разделял сами идеи декабризма, еще близкие ему, по всей видимости, во время южной ссылки. Этим объясняется его предложение Дельвигу¹² в письме от начала февраля 1826 года взглянуть на поражение восстания 14 декабря объективно, «взглядом Шекспира»: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира»¹³. Чтение Шекспира во время михайловского заточения оказало, как известно, большое влияние на Пушкина и способствовало переоценке ряда воззрений.

А чуть раньше, в том же письме Дельвигу, Пушкин признается: «...но никогда я не проповедовал ни воз-

мущений, ни революции — напротив». То же в письме Вяземскому¹⁴ от 10 июля 1826 года: «Бунт и революция мне никогда не нравились» (13, 286).

Интересны в этом смысле показания Пущина, когда его допрашивал лично Николай I: «Общеизвестно, что Пушкин, автор „Руслана и Людмилы“, был всегда противником тайных обществ и заговоров. Не говорил ли он о первых, что они крысоловки, а о последних, что они похожи на те скороспелые плоды, которые выращиваются в теплицах и которые губят дерево, поглощая его соки»¹⁵.

То есть показания Пущина полностью подтверждают признания Пушкина в письмах Дельвигу от начала февраля 1826 года и Вяземскому от 10 июля того же года (13, 285–286).

При этом показания Пущина кардинально отличались от показаний некоторых декабристов, признававшихся, что на борьбу с самодержавием они вдохновлены были неопубликованными, но распространенными в списках стихотворениями юного Пушкина «К Чаадаеву» (1819), «Деревня» (1819), «Кинжал» (1820). Следует отметить в этой связи, что все эти стихи были написаны до ссылки, последовавшей в 1820 году.

В Михайловском же мы видим совсем другого Пушкина, который под влиянием Карамзина¹⁶ и друзей (Вяземского, Жуковского¹⁷, Дельвига), придерживавшихся либеральных воззрений, а также в результате углубленного чтения русской и западной литературы (в первую очередь Шекспира) в определенной степени перешел на либеральные позиции, обусловленные и логикой развития собственного творчества. При этом во взглядах, касающихся путей исторического развития

России и ее положения в мире, он окончательно сформировался как государственный, что особенно ярко проявится во время Польского восстания 1831 года, которого мы коснемся позднее. И это еще более отдалило его от идей декабризма и не могло не сблизить по ряду политических вопросов с властью.

Суть идейных расхождений Пушкина с декабристами очень убедительно и ярко сформулировал в свое время не пушкинист, не профессиональный исследователь биографии и творчества поэта, а замечательный русский писатель А. П. Платонов в своем историческом очерке «Пушкин — наш товарищ» (1937):

«...существуют доказательства, что декабристы сами не привлекали Пушкина к активной роли в движении, отчасти ради сохранения его великого поэтического дара, отчасти из понимания, что Пушкин не годится для их мужественной работы по особенностям своей личности. Это со стороны декабристов. А как думал Пушкин? *Считал ли он декабристов* — не только по их мировоззрению, но и по их объективному значению, по их связи с исторической судьбой русского народа — вполне подходящими для себя, *вполне соответствующими его знанию и чувству исторической жизни России...*

Мы хотим поставить вопрос, *не обладал ли Пушкин более точным знанием и ощущением действительности, чем декабристы...*» (курсив мой. — В. Е.)¹⁸.

Ученые-пушкинисты просто не могли останавливаться на идейных расхождениях поэта с декабристами ни в 1937 году, ни позже, потому что идеологические установки времени требовали от них решения противоположной задачи: показать близость Пушкина к де-

кабристам, сделать его по убеждениям революционером и противником монархии, что они с тем или иным тщанием и делали вплоть до краха советской политической системы.

Но, несмотря на идейное разномыслие с декабристами, судьба их после разгрома восстания волнует Пушкина: 4–10 января 1826 года в черновиках главы пятой «Евгения Онегина» (строфы V–X) он рисует портреты Пестеля¹⁹, Рылеева, Пушина, Кюхельбекера²⁰. Меньше чем через месяц после получения известия о неудаче мятежа и арестах его участников, в его письмах к друзьям сквозит беспокойство за участников заговора и за собственную судьбу.

Беспокойство за судьбу арестованных, а впоследствии за судьбу сосланных в Сибирь, — это естественное чувство сострадания к попавшим в беду друзьям и знакомым, та «милость к падшим», иначе говоря, то милосердие, которым был щедро наделен Пушкин и проявлением которого пронизано все его творчество.

Об арестованных он пишет Плетневу письмо не позднее 25 января 1826 года (13, 256): «Надеюсь для них на милость царскую». О себе Пушкин в том же письме — через Плетнева — просит Жуковского узнать, можно ли ему, вот уже шесть лет из 26 лет жизни находящемуся в опале, надеяться на высочайшее снисхождение:

«Ужели молодой наш Царь²¹ не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а?» — вопрошает он Плетнева (13, 256).

И это первые упоминания нового императора в пушкинской переписке.

Вообще, в письмах Пушкина, начиная с отмеченного нами письма П. А. Плетневу²² (не позднее 25 января 1826 года по 4 сентября того же года), письма П. А. Осиповой²³ из Пскова в Тригорское (13, 294), можно выделить три основных мотива: постоянное подчеркивание непричастности к восстанию, беспокойство за судьбу арестованных, желание примириться с властями. Чаще всего эти мотивы взаимосвязаны.

С беспокойством за судьбу подсудимых, которым отмечены письма этого времени, проходит еще одна сквозная тема: надежда на великодушие нового царя.

Эти ожидания Пушкина в отношении пяти главных обвиняемых не оправдались, хотя царь в процессе суда смягчил наказания значительному количеству осужденных. В частности, Николай I Указом от 10 июля 1826 года заменил смертную казнь вечной каторгой для 25 подсудимых 1-го разряда, приговоренных Верховным уголовным судом (протокол от 5 июля 1826 года) к смертной казни²⁴.

По завершении работы суда смертная казнь была оставлена лишь для пяти осужденных, поставленных вне разрядов: Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу²⁵, Михаилу Бестужеву-Рюмину²⁶ и Петру Каховскому²⁷.

При этом председателю суда П. В. Лопухину²⁸ было передано, что «Его Величество никак не соизволяет не только на четвертование, яко на казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь, одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и, словом, ни на какую казнь, с пролитием крови сопряженную»²⁹.

В результате 11 июля 1826 года все пять декабристов, осужденных на смертную казнь, были приговорены к повешению (выписка из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 года)³⁰.

Ожидания Пушкина на смягчение участи остальных мятежников оправдались далеко не в той мере, на какую он рассчитывал: «...для всех осужденных декабристов указом 22 августа 1826 г., по случаю коронации Николая I, были лишь уменьшены размеры наложенных на них наказаний, помилован же никто не был»³¹.

Вместе с тем император Высочайшим манифестом от 13 июля 1826 года гарантировал неприкосновенность родственникам всех осужденных по делу декабристов:

«Наконец, среди сих общих надежд и желаний, склоняем Мы особенное внимание на положение семейств, от коих преступлением отпали родственные их члены. Во все продолжение сего дела сострада искренно прискорбным их чувствам, Мы вменяем Себе долгом удостоверить их, что в глазах Наших союз родства предает потомству славу деяний, предками стяжанную, но не омрачает бесчестием за личные пороки или преступления. Да не дерзнет никто вменять их по родству кому-либо в укоризну: сие запрещает закон гражданский и более еще претит закон Христианский»³².

Суровые наказания, выпавшие на долю подавляющего большинства осужденных заговорщиков, не могли не вызвать разочарования в просвещенных кругах русского общества. Имеются только косвенные свидетельства того, какое тяжелое впечатление произвела на Пушкина казнь пятерых декабристов, прямые высказывания на сей счет до нас не дошли. Но этот пробел

может быть восполнен мнением Вяземского, который писал жене в июле 1826 года:

«О чем не думаю, как не развлекаюсь, а все прибывает меня невольно и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место. Знаешь ли лютые подробности казни? Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский — еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости, и их после того возвели на вторую смерть. Народ говорил, что, видно, Бог не хочет их казни, что должно оставить их, но барабан заглушил вопль человечества — и новая казнь совершилась»³³.

Тогда же в Записной книжке он отметил: «...13-е число жестоко оправдало мое предчувствие! Для меня этот день ужаснее 14-го декабря. По совести, нахожу, что казни и наказания несоразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оно»³⁴.

Насколько можно судить о политической позиции Пушкина по письмам этого времени, вряд ли его оценка прошедшего сильно отличалась от оценки Вяземского. Из этого не следует, однако, неприятие власти как таковой. Критическое отношение к определенным ее действиям — нормальная реакция любого свободно мыслящего человека.

Но вернемся немного назад.

Судя по переписке, с середины января 1826 года Пушкин начинает надеяться «на высочайшее снисхождение» и предпринимает в связи с этим недвусмысленные шаги навстречу правительству.

Сначала он обращается к Жуковскому (20-е числа января 1826 года), советуясь с ним: «Кажется, можно сказать Царю: „Ваше Величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?“» (13, 258). Затем (в начале февраля) — к Дельвигу, сообщая, что желал бы «вполне и искренно помириться с Правительством» (13, 259). В начале марта с тем же вопросом обращается он к Плетневу, а затем вновь к Жуковскому, уже прямо прося его ходатайствовать об освобождении.

11 мая Пушкин в Пскове дает подписку о том, что не принадлежал к тайным обществам — в соответствии с рескриптом царя от 21 апреля 1826 года, обязывающим всех «находящихся в службе и отставленных чиновников и не служивших дворян» засвидетельствовать это³⁵.

Наконец, в промежутке времени от 11 мая до 15 июня Пушкин пишет прошение Николаю I, мотивируя свою просьбу, кроме прочего, расстройством здоровья (13, 283).

Мы не располагаем сведениями о том, когда это письмо в соответствии с установленным порядком было направлено Пушкиным псковскому гражданскому губернатору Б. А. фон Адеркасу³⁶, но известно, что псковский генерал-губернатор Ф. О. Паулуччи³⁷ получил от Адеркаса соответствующий рапорт со всеми необходимыми приложениями 24 июля 1826 года. Известно также, что Паулуччи 30 июля 1826 года отправил министру иностранных дел К. В. Нессельроде специальное письмо, излагающее суть вопроса, и просил «повергнуть оное на Всемиловитейшее Его Императорского Величества воззрение и о последующем почтить» его уведомлением³⁸.

Оставшееся время до коронации нового императора Пушкин с волнением ждет решения своей участи. Надежда на скорое освобождение не была беспочвенной, об этом говорит, в частности, письмо Дельвига в Тригорское, в котором он еще 7 июня 1826 года пророчил: «Пушкина верно отпустят на все четыре стороны; но надо сперва кончиться суду»³⁹ (суду над декабристами. — В. Е.).

С другой стороны, мать поэта Н. О. Пушкина⁴⁰ еще 27 ноября 1825 года обратилась с письмом⁴¹ к генералу И. И. Дибичу⁴², приближенному императоров Александра I, а затем и Николая I, с просьбой разрешить ее сыну покинуть Псковскую губернию, где ему не может быть оказана надлежащая медицинская помощь. Весь путь прохождения письма нам не известен, известно лишь, что в канцелярию Главного штаба, которым руководил Дибич, письмо Н. О. Пушкиной поступило 3 февраля 1826 года⁴³ и не сыграло никакой роли в освобождении сына.

Но она не оставляла своих надежд на успех, и поэтому в самом конце августа 1826 года Вяземский пишет по ее просьбе новое письмо в «Комиссию прошений, на Высочайшее Имя приносимых», в котором от имени матери Пушкина, в частности, сообщается, «что ветреные поступки по молодости вовлекли сына ее в несчастье заслужить гнев покойного Государя, и он третий год живет в деревне, страдая аневризмом без всякой помощи; но ныне, сознавая ошибки свои, он желает загладить оные, а она, как мать, просит обратить внимание на сына ее, даровав ему прощение»⁴⁴. Письмо это поступило в Комиссию 31 августа 1826 года. Но опоздало, потому что решение о судьбе Пушкина уже было принято царем.

За три дня до этого дежурным генералом Главного штаба А. Н. Потаповым⁴⁵ была записана следующая резолюция Николая I: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем псковскому гражданскому губернатору. 28 августа»⁴⁶.

31 августа начальник Главного штаба барон И. И. Дибич направил псковскому гражданскому губернатору Б. А. фон Адеркасу письмо следующего содержания: «По Высочайшему Государя Императора повелению, *последовавшему по Всеподданнейшей просьбе*, прошу покорнейше Ваше Превосходительство: находящемуся во вверенной Вам Губернии Чиновнику 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным Фельдъегерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже, свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только Фельдъегеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к Дежурному Генералу Главного Штаба Его Величества» (13, 293) (курсив мой. — В. Е.).

Выделенные нами слова распоряжения имеют чрезвычайно важное значение, так как непреложно свидетельствуют о том, что вызов Пушкина в Москву является ответом на его «Всеподданнейшую просьбу» и, следовательно, уже решено, что ему будет дозволено пользоваться услугами столичных докторов (именно в этом его просьба и состояла) и что он будет освобожден.

Поэтому 4 сентября, уже из Пскова, Пушкин отправил П. А. Осиповой в Тригорское письмо, напи-

санное в довольно-таки приподнятом тоне: «...еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца; лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце» (13, 294, *франц.*).

«В надежде славы и добра...»

Первая встреча и личное знакомство Пушкина с императором Николаем I состоялись 8 сентября 1826 года в Чудовом монастыре Кремля.

Мы исключаем из рассмотрения легенду о якобы имевшемся у Пушкина в кармане сюртука антимонархическом стихотворении, которое он якобы собирался вручить императору в случае неблагоприятного исхода аудиенции и от которого якобы сохранилось лишь заключительное четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...». Во-первых, потому, что текст четверостишия, имеющий несколько неоднозначно читаемых вариаций, по своим эстетическим свойствам не может принадлежать Пушкину и его принадлежность Пушкину никак не доказана. Во-вторых, потому, что упомянутая легенда, искусственно раздутая ведущими советскими пушкиноведами в духе идеологических установок времени, основывается лишь на воспоминаниях нескольких современников, тесно связанных между собой дружеским общением, и не имеет никаких документальных подтверждений. Причем воспоминания эти были записаны через десятилетия после смерти поэта⁴⁷.

Исключив из рассмотрения легенды и домыслы современников, обратимся к реальному положению вещей.

О чем говорили поэт и царь, доподлинно неизвестно, потому что разговор происходил без свидетелей. В разное время о разговоре этом размышляли и анализировали имеющиеся о нем косвенные свидетельства корифеи советского пушкиноведения П. Е. Щеголев, М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, Н. Я. Эйдельман, В. С. Непомнящий и другие известные пушкинисты. Содержание разговора вызывало необычайный интерес и у современников, но все сведения о нем, появившиеся сразу же после освобождения поэта, были получены, как отметил в свое время В. Э. Вацуро, «из вторых рук»⁴⁸. Таковы и более поздние мемуары. Всего же, по утверждению Н. Я. Эйдельмана⁴⁹, разного рода воспоминаний о том, кто что и от кого слышал, насчитывалось на тот момент, когда он писал книгу, двадцать девять.

В виде исключения из правила не использовать воспоминания современников, принятого в настоящей монографии, приведем пересказ М. А. Корфом⁵⁰ рассказа Николая I о встрече с поэтом 8 сентября 1826 года, учитывая, что сведения свои рассказчик получил из «первых рук», от одного из участников исторического разговора:

«Я впервые увидел Пушкина, — рассказывал нам⁵¹ Его Величество, — после коронации, в Москве, когда его привезли ко мне из его заточения, совсем больного и в ранах — от известной болезни. „Что вы бы сделали, если бы 14 декабря были в Петербурге?“ — спросил я его между прочим. „Был бы в рядах мятежников“, — отвечал он, не запинаясь. Когда потом я спрашивал его, переменился ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать впредь иначе, если я пушу его на волю, *он наговорил мне*

пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался и только после длинного молчания протянул мне руку с обещанием сделаться иным» (курсив мой. — В. Е.)⁵².

Мы не можем судить, насколько точен мемуарист и насколько объективен и точен Николай I, вспоминающий встречу с поэтом, произошедшую 22 года назад. Во всяком случае, нет оснований связывать положительный ответ Пушкина на вопрос, будет ли он «действовать впредь иначе», с выступлением декабристов, то есть с его признанием, что, окажись он в Петербурге в день восстания, он непременно оказался бы «в рядах мятежников». Во-первых, он не был в рядах мятежников, а во-вторых, по собственному его признанию, он никогда «не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив»⁵³. Мы склонны видеть в ответе Пушкина обещание не повторять антиправительственных выпадов, которые он позволял себе в царствование Александра I и за которые подвергся наказанию от последнего.

Но на этом воспоминании Корфа следует еще остановиться, потому что те части его текста, которые здесь выделены курсивом, в советских изданиях нередко стыдливо опускались⁵⁴. Например, в популярном двухтомнике «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников»⁵⁵. По существу же следует заметить, что «известная болезнь» не оставляет никаких «ран» на теле и тем более на лице, которое, надеемся, только и было доступно взгляду императора. Поэтому «раны» эти остаются на совести Корфа, не испытывавшего, как известно, теплых чувств по отношению к своему не сановному и не титулованному, но прославленному в России и в мире соученику по Лицею.

Что же касается «пропасти комплиментов» в адрес Николая I, то это утверждение Корфа хорошо согласуется с признаниями самого Пушкина, например, в письме Дельвигу от 20 февраля 1826 года: «Меры правительства доказали его решимость и могущество» (13, 262). «Решимость и могущество» правительства — читай Николая I. Пушкин действительно, как уже отмечено нами, был против бунта и революции, кровопролитие отвергалось им принципиально. Сравним с записью Вяземского от 4 декабря 1830 года, в которой он в связи с польскими событиями обращается памятью к восстанию на Сенатской площади, произошедшему пять лет назад: «В мятежах страшно то, что пакты с злым духом, пакты с кровью чем далее, тем более связывают. Одно преступление ведет к другому или более обязывает на другое»⁵⁶.

Здесь восстание декабристов совершенно однозначно названо преступлением.

Но продолжим нашу тему.

Об освобождении друга Вяземский письмом известил А. И. Тургенева⁵⁷, узнав все это, несомненно, от самого освобожденного: «Пушкин здесь и на свободе <...> Государь посылал за ним фельдъегеря в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею <...> Государь обещал сам быть его цензором»⁵⁸. Свидетельство Вяземского достоверно по всем пунктам. Пушкин действительно был возвращен из ссылки, и Николай I вызвался быть его цензором. О том, что царь принял его «самым любезным образом»⁵⁹, Пушкин сообщил своей тригорской соседке по Михайловскому П. А. Осиповой письмом от 16 сентября 1826 года (13, 296).

Через три недели после конфиденциальной аудиенции ссыльного поэта у императора Николая I во дворце Чудова монастыря в Кремле Бенкендорф⁶⁰ написал Пушкину письмо. Это письмо от 30 сентября 1826 года явилось началом их многолетней переписки.

В письме, написанном по поручению Николая I, официально подтверждалась устная договоренность между императором и поэтом, достигнутая во время упомянутой личной встречи, касающаяся цензуры: царь в вежливой форме обязывал Пушкина знакомить его со всеми новыми произведениями и при этом брал на себя функции цензора. Не менее важным выглядит в письме следующий призыв императора к поэту: «... употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше»⁶¹. То есть, по мнению императора, только воспевание славы Отечества гарантирует поэту бессмертие. При этом Отечество, конечно, представлялось ему тождественным системе управления Россией, системе власти, которая существовала в это время. Следует заметить, что все последующие правители России, включая коммунистических, рассматривали искусство исключительно под тем же углом зрения.

Пушкин же, как известно, имел отличный от императорского взгляд на свое творчество (и на искусство вообще), в частности на обеспечивающие бессмертие его имени основания; он позднее сформулирует это в своем итоговом «Памятнике»⁶²:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Это концептуальное противоречие между императором и поэтом будет постоянно отбрасывать тень на их личные отношения, возникшие 8 сентября 1826 года и длившиеся вплоть до трагической смерти поэта.

В том же письме Бенкендорф передает Пушкину поручение царя «заняться предметом о воспитании юношества» (13, 298).

Исполнением этого поручения явится записка «О народном воспитании», которую поэт напишет полтора месяца спустя, находясь в Михайловском (13, 314).

Друзья и поклонники Пушкина торжествовали, и сам поэт был счастлив вернуться к нормальной жизни. Есть свидетельство современника, свидетельство «из первых рук» (приведем его опять-таки в качестве исключения), что и Николай I сразу же после встречи отозвался о поэте необычайно лестно. Это через много лет после гибели Пушкина рассказал первому пушкинисту П. И. Бартеневу граф Д. Н. Блудов, сам лично слышавший поразивший его отзыв царя о Пушкине. Обратившись к Блудову⁶³ во время бала, происходившего в тот же день, 8 сентября, в Кремле, Николай I сказал: «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?»⁶⁴

Отметим, однако, что как бы лестно ни отозвался царь о Пушкине в разговоре с Блудовым, в гоф-фурьерском журнале посещение Пушкиным дворца не зафиксировано. Это свидетельствует о том, что Николай I, прежде всего, руководствовался дворцовым этикетом — встречу царя с человеком, не имеющим ни должности, ни звания, в гоф-фурьерский журнал заносить не надлежало! В дальнейшем, когда Пушкину будет пожаловано звание камер-юнкера, он ощутит на

себе все тяготы этой мелочной приверженности Николая I к исполнению формальных правил. Нельзя не отметить также, что за поэтом сразу же после освобождения из ссылки было установлено тайное наблюдение, осуществлявшееся агентами III Отделения.

Николай I произвел на Пушкина самое благоприятное впечатление, что через несколько месяцев вдохновило поэта на «Стансы» (22 декабря 1826 г. — первая редакция), где острота восприятия в обществе недавно свершившейся казни декабристов снималась сопоставлением с казнями стрельцов в начале петровского царствования, а царю предлагалось брать пример с Петра I:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прашуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

«Стансы» были опубликованы лишь через год в № 1 «Московского вестника», и в этом нет никакой скрытой подоплеки. Просто Пушкин не мог представлять на просмотр царю, вызвавшемуся быть его цензором, отдельное стихотворение. Поэтому лишь в середине 1827 года он передал ему через III Отделение и Бенкендорфа сразу несколько произведений, среди которых была и окончательная редакция «Стансов». Ответ пришел через Бенкендорфа 22 августа 1827 года (13, 335). Вот почему № 1 «Московского вестника» со «Стансами» вышел из печати только 15–18 января 1828 года⁶⁵.

Само сопоставление Николая I с Петром I в пушкинском стихотворении, конечно, поднимало царя и в собственных глазах, и в общественном представлении.

Не только во враждебных Пушкину кругах, но даже и среди части друзей «Стансы» были восприняты как измена поэта прежним идеалам, как лезть императору. На самом деле в этих стихах, обращенных непосредственно к Николаю I, разговор ведется «на равных», автор ощущает себя личностью, во всяком случае, равновеликой адресату стихотворения, обращается к царю на «ты» и даже позволяет себе давать ему советы, что будет продолжать делать и в дальнейшем.

В возможности хоть в какой-то мере влиять на царя в соответствии со своими представлениями о пользе

отечеству, творить таким образом общественное добро, в частности способствовать освобождению сосланных в Сибирь декабристов, состояла теперь принципиальная позиция Пушкина.

Именно в таком ключе следует рассматривать и стихотворение «Во глубине сибирских руд...», написанное буквально через несколько дней (26 декабря 1826 года) после возникновения первой редакции «Стансов» и трактовавшееся в советское время как чрезвычайно радикальное.

На самом деле связь двух этих стихотворений не случайна. В послании к декабристам, которое 2 января 1827 года увезет с собой А. Г. Муравьева⁶⁶, едущая к мужу в Сибирь, содержится «система намеков на возможное в обозримом будущем освобождение»⁶⁷ по милости царя. Пушкин всерьез надеялся на такой исход.

В таком же духе следует воспринимать завершающую строку послания — «И братья меч вам отдадут» — как «возвращение дворянского достоинства, полное восстановление в правах»⁶⁸.

Но возвратимся к «Стансам» — они явились несколько отсроченным результатом того впечатления, которое произвел на Пушкина Николай I во время встречи в Чудовом монастыре 8 сентября 1826 года, когда поэт был очарован великодушием и простотой поведения монарха, обладавшего, по воспоминаниям современников, хорошими артистическими данными⁶⁹. Это «очарование» сохранялось долго, чуть ли не до 1833 года.

Однако своеобразный договор с царем, заключенный во время личной встречи, был устным, и некоторые вещи были восприняты сторонами по-разному,

что уже в ближайшее время стало проявляться и давать о себе знать.

В уже упомянутом письме от 30 сентября 1826 года Бенкендорф сообщал Пушкину с определенной долей придворного лукавства, что царь не только не запрещает ему посещать Петербург, но и предоставляет ему полную свободу в этом вопросе, «с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешения через письмо» (13, 298). То есть поехать можно, но не так, как мог поехать любой российский верноподданный: только получив разрешение.

А 22 ноября 1826 года Бенкендорф запрашивает Пушкина, верны ли дошедшие до него сведения о том, что он «изволил читать в некоторых обществах сочиненную им вновь трагедию», имея в виду «Бориса Годунова» (13, 307), и рассматривает этот факт как нарушение поэтом обещания представлять все вновь написанное на просмотр Николаю I.

Пушкину письмом от 29 ноября 1826 года приходится оправдываться. Он признается, что «читал свою трагедию некоторым особам («...конечно не из послушания, но только потому, что худо понял Высочайшую волю Государя») (13, 308), и обязуется представить «Бориса Годунова» на рассмотрение императору.

Пушкин не мог знать тогда и, вероятнее всего, так и не узнал до своей кончины, какое впечатление произвело это его письмо на императора. И мы бы об этом, возможно, никогда не узнали, если бы заведующий императорской библиотекой Р. А. Гримм⁷⁰ не сделал по приказанию императора Николая II выписку из писем А. Х. Бенкендорфа к императору Николаю I, касающихся Пушкина. Как следует из этих вы-

писок, Николай I написал Бенкендорфу следующее: «Я очарован письмом Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распространилась»⁷¹.

Этим «верным» для Бенкендорфа был Ф. В. Булгарин⁷², который и подготовил отзыв о пушкинской трагедии для Николая I.

И как бы ни был царь «очарован» упомянутым письмом Пушкина, его отзыв о трагедии не принес радости ее автору. Высочайший отзыв о трагедии Бенкендорф сообщает Пушкину в письме от 14 декабря 1826 года. Вместе с рядом пометок в тексте трагедии ему было предложено переделать ее в «историческую повесть или роман, наподобие *Вальтера Скота*» (13, 313).

В ответном письме от 3 января 1827 года Пушкин выражает формальное согласие с критикой высочайшего читателя, но по сути ответ его тверд и непреклонен: «Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное» (13, 317).

А в письме от 23 декабря 1826 года Бенкендорф сообщает Пушкину мнение царя о его записке «О народном воспитании», где главной является следующая сентенция Николая I: считать «просвещение и гений... исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия» (13, 314).

Этому письму Бенкендорфа предшествовало его донесение царю о пушкинской записке: «...он (Пушкин. — В. Е.) мне только что прислал свои заметки на общественное воспитание, которые при сем прилагаю. Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу»⁷³.

Бенкендорфу понравилось отсутствие радикализма в пушкинском сочинении, но царь, прочитав его, оказался проникательнее своего верного служаки...

Для Пушкина критический отзыв царя не был неожиданностью, но он брался за написание этой записки не для того, чтобы снискать высочайшее одобрение. В разговоре с А. Н. Вульфом⁷⁴ в 1827 году он скажет: «Мне легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро»⁷⁵. Здесь ощутим тот же принцип общения Пушкина с царем, как и в «Стансах».

Таким образом, с самого начала отношения с Николаем I отнюдь не безоблачны, и Пушкину придется лавировать в определившемся для него коридоре возможностей между опасностью навлечь высочайшее неудовольствие и невозможностью поступиться своими убеждениями.

При этом поэт находится под постоянным надзором агентов Бенкендорфа, о чем свидетельствует следующее его донесение царю: «Пушкин автор в Москве и всюду говорит о Вашем Императорском Величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью; за ним все-таки следят внимательно»⁷⁶.

Пушкинское простодушие явно контрастирует с глубоко продуманным и по-прежнему недоверчивым отношением к нему при дворе. Так же, как Пушкин намерен при возможности влиять на царя в сторону либерализации его позиций («делать добро»), царь и Бенкендорф надеются использовать гений поэта в своих целях (направлять его), исходя из своего понимания государственных интересов. Это четко сформулировано в следующем донесении Бенкендорфа царю: «Отец поэта Пушкина здесь»⁷⁷; его сын придет

сюда на днях⁷⁸. В день моего отъезда⁷⁹ из Петербурга этот последний, после свидания со мной, говорил в Английском клубе с восторгом о Вашем Величестве и заставлял лиц, обедающих с ним, пить здоровье Вашего Величества. Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно»⁸⁰.

В заключительной фразе — квинтэссенция всегдашнего в России исключительно прагматичного отношения власти к художнику: сам он из себя ничего для них не представляет, но его творчество может быть полезно, если удастся повернуть его талант в сторону государственных, в понимании власти, интересов.

Между тем продолжается еще дело о распространении стихов «На 14 декабря» (не пропущенные цензурой в 1825 году строки из стихотворения «Андрей Шенье»), начавшееся одновременно с вызовом Пушкина в Москву Николаем I.

13 января 1827 года московский обер-полицмейстер поручает привлечь к следствию самого поэта, чтобы получить его личные разъяснения по поводу «возмутительных» стихов. 27 января такие разъяснения в письменном виде были от Пушкина получены⁸¹. Этого оказалось недостаточно, и 29 июня того же года Пушкиным были вновь даны в письменном виде разъяснения, что речь в этих стихах идет о Французской революции и они никоим образом не связаны с восстанием декабристов⁸². И, наконец, 24 ноября того же года Пушкин письменно свидетельствует, что отрывок из «Андрея Шенье» стал известен публике, потому что все стихотворение ходило по рукам еще до представления стихотворения в цензуру⁸³.

На этом дело было прекращено.

15 октября 1827 года Пушкин сделал запись у себя в дневнике о случайной встрече с Кюхельбекером. Накануне, 14 октября, на станции Залазы Псковской губернии, где он менял лошадей по дороге из Михайловского в Петербург, внимание Пушкина привлек один из арестантов, предположительно поляк, которых тоже везли через Залазы, но в обратном направлении. Арестант стоял, «опершись у колонны». «Увидев меня, — записал Пушкин в дневнике, — он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдгегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же?» (12, 307).

Сохранился рапорт фельдгегеря, руководившего перевозкой арестованных: «Господину дежурному генералу Главного штаба Его Императорского Величества генерал-адъютанту и кавалеру Потапову от фельдгегеря Подгорного.

РАПОРТ

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнее отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции,

дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу Его Императорскому Величеству, как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег, сверх того не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между угрозами объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом, а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет. 28 октября 1827 года»⁸⁴.

Из этого рапорта, как и из других документов, которых мы коснемся позже, видно, что Пушкин в особых ситуациях рассчитывает на помощь царя и Бенкендорфа, что он ощущает свою приближенность ко двору.

Расследование о «Гавриилиаде»

В феврале 1828 года Пушкин посещает Бенкендорфа и передает на одобрение Николаю I шестую главу «Евгения Онегина» и стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»). Стихотворение «Друзьям» явилось реакцией поэта на критическое восприятие его «Стансов» в либеральных слоях

читающего общества. В новых стихах он открыто признается в благодарности и любви к царю: возвратил его из ссылки, стал его цензором, оживил общественную жизнь «войной, надеждами, трудами». Что касается войны, напомним, что за месяц до коронации Николая I персы вторглись в Закавказье и началась Русско-персидская война 1826–1828 годов. Кроме того, Николай I, в отличие от своего предшественника на троне, занял активную позицию по греческому вопросу. В октябре 1827 года Россия вместе с Англией и Францией участвовала в разгроме турецко-египетского флота (Наваринская битва), ослабившем Турцию. В ответ Турция выслала русских подданных и закрыла для России Босфор. Все это предвещало новую русско-турецкую войну.

В новом стихотворении, непосредственно связанном с персоной императора, Пушкин вновь поясняет свою позицию:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнание жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновение;
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиление,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

А позиция эта, как уже сказано, осознавалась Пушкиным в следующем: используя постоянную связь с царем как читателем и цензором его произведений, влиять на него в целях смягчения нрава самодержца, высказывать ему свои убеждения, облеченные в художественную форму, а иногда и в прямом диалоге — через Бенкендорфа или лично.

В частности, несмотря на отрицательный отзыв царя на важный тезис пушкинской записки «О народном воспитании», где просвещение провозглашалось, по мнению царя, «исключительным основанием к совершенству» (13, 314), Пушкин в стихотворении вновь возвращает этот вопрос царю упоминанием о плодах просвещения в предпоследней строфе!

Бенкендорф в своем письме от 5 марта 1828 года (14, 6) сообщил Пушкину, что царь остался доволен стихотворением «Друзьям», но не разрешил его печатать. Видимо, три последние строфы стихотворения задевали актуальную тему: «рабы и льстецы» находились в окружении императора в изобилии...

Во время упомянутого выше февральского посещения Бенкендорфа Пушкин, видимо, просил его сообщить императору о своем желании участвовать в начинающихся военных действиях против турок. Причем он собирался отправиться на войну вместе с Вяземским. Бенкендорф письмом от 20 апреля 1828 года извещает Пушкина, что царь не согласился определить его в действующую армию, но «воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные» его дарования «в пользу отечества» (14,11).

Точно такое же письмо, датированное 20 апреля, получил от Бенкендорфа Вяземский.

После отказа на просьбу участвовать в войне с Турцией, официально объявленной манифестом Николая I от 14 апреля 1828 года, Пушкин в письме Бенкендорфу от 21 апреля 1828 года (14, 11) обращается с новой просьбой: испросить у императора разрешения на поездку в Париж.

Но, судя по тому, что эта поездка не состоялась, вновь получает отказ.

Следующее письмо Бенкендорфу датируется второй половиной (не ранее 17) августа 1830 года. Пушкину приходится обратиться за защитой к царю в связи с неожиданно для него возникшим требованием обер-полицмейстера отдавать все новые произведения в обычную цензуру, вопреки установленному порядку, при котором царь сам являлся цензором Пушкина (14,25).

Но оказалось, что требование это было связано с расследованием по делу о «Гавриилиаде». Расследование было вызвано жалобой дворовых людей штабс-капитана В. Ф. Митькова на то, что он развращает их в понятиях православной веры, зачитывая развратное сочинение под названием «Гавриилиада».

25 июля 1828 года особая комиссия по расследованию доноса, созданная по указанию Николая I, постановила допросить Пушкина через петербургского генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова⁸⁵.

В первых числах августа 1828 года Пушкин был допрошен и на вопрос, им ли «писана поэма», ответил отрицательно⁸⁶.

Ответ не удовлетворил царя, и 12 августа 1828 года он дал указание вновь допросить Пушкина. 19 августа 1828 года Пушкин вновь письменно отрекся от своего авторства⁸⁷. Причем в черновом варианте ответа авторство поэмы он попытался приписать князю Д. П. Горчакову⁸⁸, известному для современников автору рукописных сатир. Однако вносить в официальный ответ заведомую неправду Пушкин не решился и исключил упоминание о Горчакове из окончательного текста. Позже он все-таки включит этот сочиненный им «слух» в письмо Вяземскому от 1 сентября 1828 года, зная, что письмо будет перлюстрировано (14, 26–27).

28 августа ответ Пушкина был отправлен Николаю I, который находился в это время в Варне, на театре военных действий против турок. Ответ Пушкина вновь не удовлетворил царя, и он начертил на том же листке резолюцию, в которой одному из членов особой комиссии П. А. Толстому⁸⁹ предписывалось вновь призвать Пушкина: «Г. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог Правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем»⁹⁰.

Ситуация становилась для Пушкина все более серьезной. Недаром в стихотворении «Предчувствие», которое возникло в августовские дни 1828 года, он признается:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Резолюция царя была получена Толстым в конце сентября, а 2 октября Пушкин был вызван к нему. Представ перед Толстым и выслушав резолюцию Николая I, Пушкин, буквально загнанный в угол, попросил разрешения написать лично царю. И, получив утвердительный ответ, тут же написал и передал Толстому письмо в запечатанном конверте. По-видимому, письмо царю содержало признание в авторстве «Гавриилиады». В дневнике Пушкина за 1828 год в записи от 2 октября значится: «Письмо к царю»⁹¹.

16 октября Пушкин вновь был вызван к Толстому, и тот объявил ему, что «дознание о „Гавриилиаде“ прекращается»⁹². В дневнике Пушкина за 1828 год в записи от 16 октября значится: «Граф Толстой от Государя»⁹³.

Но официальным закрытием расследования явилась резолюция Николая I от 31 декабря 1828 года: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено»⁹⁴.

«Обласкан царем»

Не получив от царя разрешения на зачисление в действующую армию, Пушкин решает поехать на Кавказ частным образом, якобы для того, чтобы повидаться с братом, который служил в это время под началом давнего друга поэта Н. Н. Раевского-сына. Предположительно 10 марта Пушкин едет из Петербурга в Москву, где останавливается на некоторое время.

21 марта 1829 года о намерении Пушкина ехать на Кавказ становится известно Бенкендорфу через его ближайшего помощника Фон-Фока⁹⁵, получившего об этом агентурные сведения. При этом Фон-Фок вполне благодушно заметил: «Господин поэт столь же опасен pour l'Etat⁹⁶, как не очиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его никто не возьмет в свои затеи. Это верно!.. Laissez-le courir le monde, chercher des filles, des inspirations poetique et — du jei»⁹⁷.

На следующий день Бенкендорф осведомляется у петербургского генерал-губернатора П. В. Голени-

щева-Кутузова, направил ли он предписание кавказскому начальству установить надзор за поэтом по его прибытии на Кавказ⁹⁸.

В ночь с 1 на 2 апреля Пушкин выезжает из Москвы. Буквально накануне отъезда он через Ф. И. Толстого (Американца)⁹⁹ просит руки Натальи Гончаровой¹⁰⁰, но получает от ее матери Н. И. Гончаровой¹⁰¹ уклончивый ответ: она не отказывает поэту, но, ссылаясь на молодость дочери, откладывает решение¹⁰².

До осени Пушкин выпадает из поля зрения Бенкендорфа и царя. В Москву он возвращается лишь 20 сентября, а в Петербург выезжает 12 октября с заездом в Тверскую губернию. Видимо, здесь и настигает его выдержанное в строгом тоне письмо Бенкендорфа от 14 октября 1829 года (14, 49), в котором он требует от Пушкина объяснений по поводу самовольной поездки в «закавказские страны».

Пушкин отвечает Бенкендорфу 10 ноября (14, 50), сразу по прибытии в Петербург. Ему приходится оправдываться не только за поездку, но и за участие в боевых действиях. «Раз я уже был там, — пишет поэт, — мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника». Завершается письмо просьбой к Бенкендорфу смягчить неудовольствие Николая I, вызванное его (Пушкина) опрометчивым поведением.

7 января 1830 года Пушкин (14, 56) через Бенкендорфа вновь просит царя отпустить его в Европу (во Францию или Италию), а если такая поездка не будет одобрена, просит «соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством». В том же пись-

ме Пушкин просит разрешить ему печатание «Бориса Годунова».

Царь отказывает Пушкину в поездках, а по поводу «Бориса Годунова» обещает ответить через несколько дней (14, 58).

Несмотря на неудовольствие царя и строгий тон последних писем Бенкендорфа, Пушкин, выполняя «священный долг» дружбы по отношению к семье Раевских, считает для себя возможным обратиться к шефу жандармов с ходатайством о помощи вдове героя Отечественной войны 1812 года генерала Н. Н. Раевского¹⁰³, оказавшейся в бедственном положении после смерти мужа. При этом он оправдывает свой поступок в глазах Бенкендорфа следующим соображением: «То, что выбор ее пал на меня, само по себе уже свидетельствует, до какой степени она лишена друзей, всяких надежд и помощи» (14, 58).

Для нас же ходатайство в пользу вдовы генерала свидетельствует о том, что с царем и Бенкендорфом Пушкин имеет вполне установившиеся отношения, что позволяет ему обращаться к ним с теми или иными просьбами. Особенно актуальным это становится для него во время женитьбы и в период подготовки к ней.

Между тем вместо ответа на просьбу Пушкина разрешить печатание «Бориса Годунова» он получает новый выговор. В письме от 28 января 1830 года Бенкендорф сообщает ему о неудовольствии Николая I в связи с его внешним видом на приеме у французского посланника, где он был «во фраке, между тем как все прочие приглашенные в сие общество были в мундирах». Пушкину указывается, что «в подобных собраниях» ему следует, как и «всем принадлежащим к дворянскому сословию», являться в мундире той гу-

бернии, в которой у него имеется имение или в которой он родился (14, 61).

В это же время до Пушкина, находящегося в Москве, доходят слухи о предстоящих социальных реформах, которые разрабатывал секретный комитет, учрежденный 6 декабря 1826 года Николаем I, вскоре после окончания следствия по делу декабристов. По новым законам невозможным должно было стать получение дворянства путем продвижения по службе, как это разрешалось «Табелью о рангах» Петра I, противником чего является Пушкин. Кроме того, предполагалось освобождение крестьян вместе с землей. Об этих слухах Пушкин сообщает Вяземскому в письме от 16 марта, в связи с чем объявляет о своем желании «пуститься в политическую прозу» (14, 69). Но реформам не суждено было осуществиться из-за нерешительности Николая I, усугубленной отрицательным отношением к ним великого князя Константина Павловича, с которым император согласовывал все свои действия.

Здесь уместно отметить, что Николай I, вопреки сложившимся в советское время представлениям, понимал пагубность крепостного права.

Известный российский правовед, общественный и государственный деятель либерального толка А. Ф. Кони так характеризовал Николая I в связи с крестьянской проблемой: «Император Николай был искренним противником того „клейма домашнего позора“ (слова Ивана Аксакова), которое как бы в насмешку над справедливостью, называлось крепостным п р а в о м . „Я не понимаю, — сказал он в 1847 году депутации смоленского дворянства, — каким образом ч е л о в е к сделался в е щ ь ю , и не могу себе объяснить этого иначе, как хи-

тростью и обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой“. Он ясно осознавал тот вред, материальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. „Этому должно положить конец“, — говорил он. Но общее настроение окружающих, возросших среди беззаботных выгод и удобств дарового труда, раболепные уверения, что все обстоит и будет обстоять благополучно, наряду с искусственно преувеличенными опасениями <...> — парализовали волю монарха, окутывая ее сомнениями и колебаниями»¹⁰⁴.

Но возвратимся к нашей теме.

Новое неудовольствие поведением Пушкина Бенкендорф высказывает в письме от 17 марта 1830 года. Теперь он выговаривает Пушкину за несогласованный с ним «внезапный» отъезд в Москву, на что Пушкин в ответном письме от 21 марта 1830 года напоминает Бенкендорфу, что с 1827 года он *«каждую зиму»* проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания» (14, 71).

Обострение отношений с Бенкендорфом в марте 1830 года, возможно, было вызвано начавшимся открытым (моральным и политическим) противостоянием Пушкина и Ф. В. Булгарина, в котором Бенкендорф по долгу службы (Булгарин являлся негласным агентом III Отделения) занял сторону пушкинского врага.

Конфликт начался после публикации в ноябре 1829 года в трех номерах журнала «Сын Отечества» романа Булгарина «Дмитрий Самозванец», в котором Пушкин обнаружил прямые заимствования из своей трагедии «Борис Годунов».

И тут Пушкин понял, кто рецензировал в 1826 году «Бориса Годунова» по заданию Бенкендорфа и чью формулировку переделать трагедию в «историческую повесть или роман наподобие *Вальтера Скота*» (13, 313) использовал царь при оценке пушкинского произведения.

Булгарин тоже понимал, что теперь его карты в интриге с «Борисом Годуновым» раскрыты, и поэтому приписал Пушкину уничтожающую рецензию без подписи на его роман «Дмитрий Самозванец», появившуюся в «Литературной газете» 7 марта 1830 года¹⁰⁵.

В статье, частности, отмечалось: «Не поименованных кукол, одетых в мундиры и чинно расставленных между раскрашенными кулисами, желает видеть в картине любитель живописи; он ищет людей живых и мыслящих, и вследствие их жизни и мысли действующих; а место и одежда их должны только довершать очарование искусством обманутого воображения. То же самое желали бы мы найти и в романе г. Булгарина <...>

Мы еще более будем снисходительны к роману „Дмитрий Самозванец“: мы извиним в нем повсюду выдающееся пристрастное предпочтение народа польского перед русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостью, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским.

Итак, мы не требуем невозможного, но просим должного. Мы желали бы, чтоб автор, не принимаясь

еще за перо, обдумал хорошенько свой предмет, измерил свои силы»¹⁰⁶.

Через четыре дня в «Северной пчеле» появился «Анекдот», злобный пасквиль на Пушкина и его африканское происхождение (хотя имя Пушкина, разумеется, не упоминалось), далеко выходящий за рамки приличия.

14 марта Пушкин ответил Булгарину эпиграммой:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Эпиграмма стала распространяться по Москве.

Чуть позже письмом от 24 марта 1830 года Пушкин, надеясь, как и прежде, на поддержку Бенкендорфа, извещает вельможного генерала о накаленности своих отношений с Булгариным и признается, что этот человек может причинить ему «бесконечно много зла» (14, 72).

Но, как станет видно в ходе развития интриги, Бенкендорф совершенно явно берет в этом конфликте сторону не Пушкина, а своего негласного сотрудника. Поддержку же Пушкину (интересно, знал ли об этом сам поэт) оказывает Николай I.

В том же письме Бенкендорфу Пушкин, вновь пытаясь вырваться из географического треугольника Петербург — Москва — Михайловское, просит испросить разрешение царя на поездку в Полтаву для встречи с другом юности Николаем Раевским.

Между тем конфликт с Булгариным развивается.

18–19 марта 1830 года выходит из печати седьмая глава «Евгения Онегина», и в связи с этим 22 марта 1830 года в «Северной пчеле», № 35, появляется статья Булгарина, в которой эта глава подвергается уничижительной критике, которая не понравилась Николаю I. Царь потребовал от Бенкендорфа призвать Булгарина и запретить ему впредь печатать критику на литературные произведения. Продолжение конфликта подробно рассмотрено в следующей нашей статье «Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина с Булгариным»¹⁰⁷.

Письмом от 3 апреля 1830 года Бенкендорф отвечает на пушкинское письмо от 24 марта, где заверяет поэта, что Булгарин никогда не имел с ним разговора о Пушкине и что, вообще, он видит Булгарина не чаще двух-трех раз в году. По поводу же просьбы поехать в Полтаву генерал сообщает, что император запрещает «именно эту поездку, так как у него есть основание быть недовольным поведением г-на Раевского за последнее время» (14, 75).

16 апреля Пушкин обращается к Бенкендорфу с новыми просьбами, связанными теперь с предстоящей женитьбой: «Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у Государя... Счастье мое зависит от одного благожелательного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность». Кроме того, он (извиняясь за «смелость своих возражений») вновь просит разрешение напечатать «Бориса Годунова» в том виде, как он (автор) считает это нужным, подчеркивая при этом и материальную необходимость для себя этой публикации в связи «с нынешними обстоятельствами» (14, 77).

Любопытно, что советы Вяземского и Жуковского Пушкину в связи с его предстоящей женитьбой, содержащиеся в письме Вяземского от 26 апреля 1830 года (14, 80), полностью совпадают с действиями Пушкина, с обоснованием вопросов и просьб к Николаю I в упомянутом его письме Бенкендорфу от 16 апреля.

Письмом от 28 апреля 1830 года Бенкендорф сообщает Пушкину, что царь с «благосклонным удовлетворением» воспринял известие о его женитьбе, а по поводу «личного положения», внушавшего некоторые сомнения будущей теще поэта Н. И. Гончаровой, заверяет, что «в нем не может быть ничего ложного и сомнительного». В связи с чем Пушкин в мае 1830 года обращается с письмом в Министерство иностранных дел, в котором просит выдать ему аттестат, не выданный ему при увольнении в 1824 году «из ведомства Государственной Коллегии иностранных дел» (14, 81).

И, кроме того, царь разрешает напечатать «Бориса Годунова» за его (Пушкина) «личной ответственностью».

Разрешение на издание трагедии Пушкин воспринимает с большим воодушевлением и письмом, написанным около 5 мая 1830 года, спешит поделиться своей радостью с Плетневым: «Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в первобытной красоте...» (14, 89).

А 7 мая 1830 года в письме Бенкендорфу (14, 90) Пушкин признается, что «всегда в должной мере ценил благожелательность <...> чисто Отеческую», которую проявлял к нему «Его Величество», и благодарит самого Бенкендорфа за внимание, постоянно оказываемое ему.

Но нельзя не отметить следующее лукавое заверение Бенкендорфа в упомянутом нами его письме Пушкину от 28 апреля 1830 года: «...никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор». Оно, конечно, не соответствует истине, что, разумеется, понимал Пушкин, хотя бы из некоторых писем самого Бенкендорфа к нему, в которых шеф III Отделения ставил ему на вид некоторые поступки, информацию о которых мог получать только от осведомителей. Но, зная, что письмо от 28 апреля Пушкин наверняка будет показывать Н. И. Гончаровой, которая испытывала определенные сомнения, выдавая свою дочь за человека, по мнению многих, неблагонадежного, Бенкендорф постарался представить Пушкина в наилучшем свете, дабы способствовать его же нитьбе, одобренной царем.

При этом война с Булгариным продолжалась. 26 апреля 1830 года в петербургском издании «Сын Отечества и Северный Архив» Булгарин опубликовал направленную против него пушкинскую эпиграмму «Не то беда, что ты поляк...» с провокационным искажением текста: вместо «Видок Фиглярин» в последней строке было напечатано «Фаддей Булгарин». Эпиграмма предварялась заметкой: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного Поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем оное»¹⁰⁸.

Таким образом, пушкинская эпиграмма приобрела характер низкопробного пасквиля.

Обеспокоенный создавшейся ситуацией Дельвиг пытался напечатать пушкинскую эпиграмму в под-

линной редакции, но цензура отказалась пропустить в печать имя Видока¹⁰⁹.

Брат поэта Л. С. Пушкин¹¹⁰ писал Жуковскому: «Цензура не пропускает эпиграмму с именем Видока; Фаддей же напечатан в СО по просьбе издателей, с Высочайшего разрешения. Не нужно вовсе брату попадать под ответственность, лежащую на сочинителей¹¹¹ пасквилей. Ради Бога, поговорите с Блудовым, он может приказать цензуре пропустить эпиграмму...»¹¹²

Дельвиг письмом от 8 мая 1830 года извещает обо всем Пушкина: «Не желая, чтобы тебя считали пасквильантом, человеком, делающим противузаконное, я подал в высшую Цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок, а тебя прошу оправдаться пред Его Величеством. Государю, тебя ласкающему, приятно будет найти тебя правым» (14, 90).

Мнение о том, что Пушкин обласкан царем, разделял не один Дельвиг, так же считала и Е. М. Хитрово¹¹³, которая в письме от середины мая 1830 года предлагала Пушкину попросить у царя какой-нибудь должности и прибавляла при этом: «Государь настолько к вам расположен, что вам тут не нужна ничья помощь...» (14, 91).

Отвечая Хитрово письмом от 19–24 мая 1830 года, Пушкин благодарит ее за то, что она принимает участие в его «положении по отношению к хозяину» (14, 93), но не видит никакого подходящего для себя места в государственной структуре и вдруг заключает: «Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что стал бы я делать при дворе? Мне не позволяют этого ни мои средства, ни занятия». И совершает тем

самым предвидение, касающееся его будущего, — опять то самое «странное сближение», которыми избилует его биография.

Став женихом, Пушкин оказывается вовлеченным в новые проблемы. Дед его невесты, Афанасий Николаевич Гончаров, испытывая недостаток в средствах накануне замужества своей внучки, решил получить деньги за бронзовую статую Екатерины II, хранившуюся в принадлежавшей ему усадьбе Полотняный Завод. Статуя была приобретена его отцом Николаем Афанасьевичем в Берлине в честь посещения Полотняного Завода императрицей Екатериной II, случившегося в 1775 году. Не надеясь продать статую как произведение искусства, А. Н. Гончаров решил пустить статую в переплавку, чтобы потом выручить деньги хотя бы за бронзу, из которой была отлита скульптура. Для этого необходимо было разрешение царя. И дед Натальи Николаевны попросил будущего зятя получить такое разрешение, рассчитывая на его связи при дворе.

С этой просьбой Пушкин обратился к Бенкендорфу письмом от 29 мая (14, 95) и 26 июня 1830 года получил ответ, в котором сообщалось о «соизволении» Николая I удовлетворить просьбу А. Н. Гончарова (14, 98).

Пушкин благодарит Бенкендорфа за содействие в решении вопроса с бронзовой статуей письмом от 4 июля (14, 100), в котором также сообщает, что на днях приедет в Петербурге и будет «иметь счастье» явиться к его превосходительству.

Пушкин был принят Бенкендорфом в промежутке времени между 28 июля и 9 августа 1830 года и получил выговор за публикацию в «Славянине»

28 июля стихотворения «19 октября 1827» с упоминанием во второй строфе отбывающих наказание декабристов:

Бог по́мочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

С 1 сентября по 5 декабря 1830 года Пушкин находится в Болдино, владение которым отец С. А. Пушкин¹¹⁴ решил передать сыну в связи с женитьбой. Переписка с Бенкендорфом и императором прекращается. Но Пушкин очень живо реагирует на приезд Николая I в холерную Москву. Об этом он упоминает в письме Вяземскому от 5 ноября 1830 года: «Каков Государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников¹¹⁵ простит — дай Бог ему здоровье» (14, 122).

Это же событие упоминается в его письме невесте от 26 ноября: «1-го октября, возвратившись домой, получаю известие, что холера добралась до Москвы, что Государь там...» (14, 126), а затем в письме Хитрово от 9 декабря 1830 года, когда Пушкин будет уже в Петербурге (14, 133).

Восхищением, которое вызвал у Пушкина поступок императора, вдохновлено стихотворение «Герой» с эпиграфом «Что есть истина?» и с многозначительным финалом.

Поэт

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности холодной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Друг

Утешся.

29 сентября 1830, Москва.

Дело в том, что дата под стихотворением и название города — скрытое указание на Николая I, который, несмотря на эпидемию холеры, приехал в этот день в Москву, чтобы морально поддержать жителей старой столицы.

Строки: «Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...» — перекликаются с напутствиями царю из «Стансов». Пушкин продолжает попытки воздействовать на царя в либеральном направлении.

Стихотворение было послано из Болдино Погодину¹¹⁶ с письмом от начала ноября, где Пушкин, в частности, написал: «Посылаю Вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях, но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять *никому* моего имени...» (14, 121).

Стихотворение было напечатано анонимно.

Уже после смерти Пушкина Погодин в письме Вяземскому от 11 марта 1837 года вспоминал об этих стихах: «Вот Вам еще стихотворение, которое Пушкин прислал мне в 1830 году из нижегородской деревни во время холеры <...>. В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному Царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему Пушкин, не хотевший, однако ж, продираться со лъстецами»¹¹⁷.

В Болдино застала Пушкина неприятная новость о запрещении «Литературной газеты». Запрещение было вызвано публикацией в тексте заметки «Смеси» стихов Казимира Делавиня, посвященных жертвам Июльской революции 1830 года во Франции¹¹⁸. На «Литературную газету» еще раньше обратил внимание Бенкендорф после доноса Булгарина. 13 ноября 1830 года газета была запрещена Николаем I. 19 ноября Дельвиг передал права редактору газеты О. М. Сомову¹¹⁹. Об этом Дельвиг сообщил Пушкину письмом от середины (не позднее 17) ноября 1830 года, где жалуется на несправедливость решения царя и обвиняет Булгарина: «Булгарин верным подданным является, ему выпрашивают награды за пасквилы, достойные примерного наказания, а я слышу карбонарием, я русской, воспитанный Государем, отец семейства и ожидающий от Царя помощи матери моей и сестрам, и братьям» (14, 124).

Уже возвратившись в Петербург, в письме Плетневу от 9 декабря 1830 года Пушкин сожалеет о происшедшем с «Литературной газетой». «Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу¹²⁰!» — пишет он, и считает, что Дельвиг все же должен оправдаться перед Николаем I (14, 133).

Холерные бунты (восхищение царем)

В конце декабря 1830 года вышла из печати трагедия «Борис Годунов». Дельвиг в рецензии, напечатанной в двух первых номерах «Литературной газеты» 1831 года, поставил ее выше всех произведений Пушкина, выходявших до этого времени. А письмом от 9 января 1831 года Бенкендорф сообщит Пушкину, что император поручил ему уведомить автора: сочинение его он «изволил читать с особым удовольствием» (14, 142).

В ответном письме от 18 января 1831 года Пушкин благодарит Николая I через Бенкендорфа за благосклонный отзыв о «Борисе Годунове», который «обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня Государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским...» (14, 146).

Поясним, что речь здесь идет не о свободе творчества в ее современном понимании, а об упорядочении литературных отношений в пушкинскую эпоху.

В приложении к письму Бенкендорфу от 27 мая 1832 года (15, 22) содержится необходимое для нас пояснение этого пушкинского утверждения: «Несчастные обстоятельства¹²¹, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего Императора, обратили внимание Его Величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

Ограждение сей собственности и цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования».

Как это ни парадоксально звучит сегодня, говоря о свободе, «дарованной писателям», Пушкин имел в виду Цензурный устав, впервые введенный в России 10 июня 1826 года Николаем I.

Пушкин ставил в заслугу императору установление четких правил в отношениях между российскими авторами, издателями и цензурой, которых до этого не существовало. При том, что устав основывался на идее предварительной цензуры, совершенно неприемлемой в современном мире...

Польский вопрос, начавшееся 29 ноября 1830 года Польское восстание горячо волновали Пушкина, что отразилось в его письмах Хитрово от 21 января (15, 147) и 9 февраля 1831 года (15, 149), где он хвалит царя, в частности его Манифест от 25 января того же года. Манифест был ответом Николая I на постановление польского сейма от 13 января 1831 года, в котором извещалось о прекращении царствования Романовых в Польше и польский престол объявлялся открытым.

В Манифесте недвусмысленно провозглашалось военное решение вопроса: «Россияне! В сей важный час, когда с прискорбием Отца, но с спокойной твердостью Царя, исполняющего священный долг Свой, Мы извлекаем меч за честь и целостность державы Нашей, соедините усердные мольбы с Нашими мольбами пред алтарем Всевидящего, Праведного Бога!»¹²²

В том же письме от 9 февраля Пушкин вновь, как и в упомянутом уже письме Бенкендорфу от 18 января 1831 года, признается Хитрово в своей искренней благодарности Николаю I за разрешение напечатать

«Бориса Годунова»: «...потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего Императора, Его великодушие, Его широкий и свободный взгляд¹²³ на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет».

Однако в письме Плетневу от 24 февраля 1831 года впервые звучит скрытая критическая нотка в адрес монарха, когда, говоря о любви к нему, Пушкин вдруг добавляет: «...всегда радуюсь, когда поступает он умно и по-царски» (14, 154). Из чего следует, что не всегда, по мнению Пушкина, царь поступает именно так.

В связи с польским восстанием у Пушкина возникает мысль добиться перевода брата Льва, продолжающего служить на Кавказе, в действующую в Польше русскую армию¹²⁴. Письмо, в котором он обратился с такой просьбой к царю, не сохранилось, но сохранился благожелательный ответ царя, переданный через Бенкендорфа письмом последнего от 7 апреля 1831 года (14, 160).

Приехав с женой на лето в Царское Село, Пушкин не забывает о Булгарине. Его он вспоминает в письме Вяземскому от 1 июня 1831 года (14, 169). Правда, сведения о высылке Булгарина из Петербурга не верны: его идейный враг просто уехал в свое имение Карлово под Дерптом. Но тут важно, что Пушкин мыслит (и небезосновательно), что царь на его стороне в этой схватке с Булгариным. В письме Пушкин упоминает эпиграмму, недавно сочиненную Вяземским (1831):

Фиглярин — вот поляк примерный,
В нем истинных сарматов кровь:
Смотрите, как в груди сей верной
Хитра к отечеству любовь.

То мало, что из злобы к русским,
Хоть от природы трусоват,
Он бегал под орлом французским
И в битвах жизни был не рад.
Патриотический предатель,
Расстрига, самозванец сей —
Уж не поляк, уж наш писатель,
Уж русский, к сраму наших дней.
Двойной присягою играя,
Поляк в двойную цель попал:
Он Польшу спас от негодя
И русских братством запятнал.

Впоследствии, после смерти поэта, этот текст будет приписан Пушкину и какое-то время печататься в собраниях его произведений.

В середине июня 1831 года в Царское Село доходит известие, что Петербурге началась эпидемия холеры. В народе распространились слухи о преднамеренном отравлении людей, вызвавшие холерные бунты. Вот отрывки из описания бунта на Сенной площади, сделанного Бенкендорфом: «Стали собираться в скопища, останавливать на улицах иностранцев, обыскивать их для открытия носимого при себе мнимого яда, гласно обвинять врачей в отравлении народа. Напоследок, возбудив сама себя этими толками и подозрениями, чернь столпилась на Сенной площади и, посреди многих других бесчинств, бросилась с яростью расвирепевшего зверя на дом, в котором была устроена больница. Все этажи в одну минуту наполнились этими бешеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больных, приколотили до полусмерти больничную прислугу и са-

мым бесчеловечным образом умертвили нескольких врачей»¹²⁵.

С утра по приказу Николая I все наличные войска были приведены в боевую готовность, а сам он прибыл из Петергофа на пароходе «Ижора» и, пересев в коляску, отправился на Сенную площадь. Но продолжим цитирование: «Государь остановил свою коляску в середине скопища, встал в ней, окинул взглядом теснившихся около него и громовым голосом закричал: „На колени!“ Вся эта многотысячная толпа, сняв шапки, тотчас приникла к земле. Тогда, обратясь к церкви Спаса, он сказал: „Я пришел просить милосердия Божия за ваши грехи, молитесь ему о прощении, вы его жестоко оскорбили <...>. За ваше поведение в ответе перед Богом — я. Отворите церковь. Молитесь в ней за упокой души невинно убитых вами“»¹²⁶.

Пушкин пишет о бунте в письме к Нащокину от 26 июня 1831 года, где снова, как и во время московской эпидемии, восхищается царем: «Государь сам явился на месте бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай Бог, чтоб и без кнута» (14, 181).

О подробностях бунта и о твердости и смелости царя сообщал Пушкину Е. Ф. Розен¹²⁷ в письме от 27 июня 1831 года: «Государь говорил с народом; будущий историк сохранит для потомства *Его* прекрасные слова... Коленопреклоненная чернь слушала... тишина... один царский голос на площади раздавался — *как звон святой!* Величественное зрелище!...» (14, 183).

То, как действия Николая I описал Розен, настолько понравилось Пушкину, что он чуть ли не слово в слово сообщает об этом в письме П. А. Осиповой от

29 июня 1831 года (14, 184). А 3 июля 1831 года пишет о холерных бунтах Вяземскому в Москву и снова хвалит царя (14, 186).

Тем временем все острее вставали перед Пушкиным житейские вопросы. Внял ли он совету Хитрово в ее письме от 19–24 мая 1830 года или в результате собственных размышлений о материальных проблемах семейной жизни пришел к такому решению, но письмом от 21 июля 1831 года он обращается к Бенкендорфу с явным намерением получить от царя какую-нибудь должность. Начинается письмо с сетования, что ему в свое время не было присвоено два чина по службе в Иностранной коллегии. Затем Пушкин предлагает себя в качестве редактора *«политического и литературного журнала»* и наконец выражает желание «написать Историю Петра Великого» (14, 252–254).

Интересно, что в письме к Нащокину, датированном тем же 21 июля, Пушкин пишет о занятиях историей Петра I как о решенном деле: «...зимую зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне Царем». И тут же добавляет, что царь с ним «милостив и любезен» (14, 196).

То же и в письме Плетневу от 22 июля 1831 года — Пушкин пишет, что царь «взял его в службу», дал жалованье, открыл архивы и, вообще, «очень мил» по отношению к нему (14, 197).

Все это говорит о том, что вопрос о работе в архивах был уже решен, и письмо к Бенкендорфу являлось лишь формальностью. Пушкин еще до этого письма встретился с Николаем I на прогулке в Царском Селе и обсудил с ним возможность получения доступа в архивы с целью написания истории Петра. Подтвержде-

нием этому служат воспоминания А. О. Смирновой-Россет¹²⁸.

На письме Пушкина Бенкендорф наложил резолюцию: «Написать гр. Нессельроде¹²⁹, что Государь велел его принять в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах...»¹³⁰.

Плетнев письмом от 25 июля 1831 года восхищается тем, что царь «балует» Пушкина, Глинка¹³¹ письмом от 28 июля просит «предстательствовать» за него перед царем (14, 200). То есть Пушкин окончательно воспринимается друзьями и знакомыми как человек приближенный ко двору.

Николай I, находящийся в это время, как и Пушкин, в Царском Селе, интересуется его стихами, по видимому, стихотворением «Клеветникам России», и посылает за ними к Жуковскому, о чем Жуковский сообщает в своем письме от второй половины (не ранее 16) августа 1831 года Пушкину и предлагает ему переписать их и для императрицы (14, 208). Значит, слух об этих стихах распространился по Царскому Селу, где находились в это время и двор, и Пушкин, и Жуковский. Как известно, Вяземский критически отозвался на это и другие патриотические стихотворения Пушкина, а стихи Жуковского «Певцу во стане русских воинов» и «Певец на Кремле» назвал «шинельной поэзией». И действительно, пушкинская позиция по польскому вопросу полностью совпадала в этих стихах с официальной¹³². Но не потому, что он был близок ко двору и старался соответствовать патриотической линии, эта позиция проистекала из его концепции истории России. И здесь он был государственным и даже, по определению Георгия Федотова¹³³, «певцом империи».

В это же время (конец июля — август 1831 года) Пушкин, по-видимому, передал Николаю I на прочтение две главы «Евгения Онегина»: «Путешествие Онегина» («Странствия»), убрав все политические места, и главу восьмую («Большой свет»). Царь забраковал в «Путешествии Онегина» всё, кроме отрывков, опубликованных при полном издании романа в марте 1833 года в виде приложения¹³⁴.

4 сентября 1831 года Пушкин записывает в своем дневнике последние сообщения из взятой еще 26 августа русскими войсками Варшавы: «Паскевич¹³⁵ ранен в бок, Мартынов¹³⁶ и Ефимович¹³⁷ убиты»¹³⁸, отличился Александр Суворов¹³⁹, внук легендарного полководца, и за это произведен царем в полковники Суворовского полка.

И здесь же запись о смерти Фон-Фока, осуществлявшего надзор над Пушкиным с помощью агентов III Отделения. Пушкин, как это ни покажется странным, пишет: «Человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное»¹⁴⁰. Характеристика, по-видимому, вполне оправданная в устах близкого ко двору Пушкина-государственника, преданного государственным интересам и царю.

И все же не так все просто, если вдуматься в слова Николая I о смерти своего преданного чиновника, которые запомнил и записал Пушкин: «Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть о себе, что не мог его любить» (*франц.*).

«Не мог его любить...» — этим многое сказано! Видимо, служебные обязанности дознавателя, сыскаря, ябедника, для которых Фок как нельзя больше подходил, наложили неизгладимый отпечаток на весь его облик и манеру поведения, которые, видимо, про-

изводили неприятное впечатление. Так что трудно судить, насколько в конечном счете искренна пушкинская характеристика Фон-Фока.

11–13 сентября 1831 года в Петербурге выходит брошюра «На взятие Варшавы», куда входят «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» Пушкина и «Старая песня на новый лад» Жуковского.

Вяземский 15 сентября 1831 года записывает в дневнике: «Будь у нас гласность печати¹⁴¹, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича <...> потому что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось наложить лапу на мышь...»

Тем временем холерные бунты в Петербурге прекратились, как и эпидемия холеры. Но начались волнения в военных колониях. В новгородских колониях были убиты несколько генералов, полковников и все офицеры «полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны» (запись в дневнике за 29 июля 1831 года)¹⁴².

Пушкин записывает в дневнике 29 июля 1831 года: «Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт, находившийся при нем, сказал им с негодованием: „Вам бы должно вынести кутью“. Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился ко кресту и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может их простить, и требовал, чтоб они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа Императора»¹⁴³.

Пушкин вновь восхищается поведением и выдержкой Николая I, но чуть раньше в записи за 26 июля 1831 года критически относится к героическим выездам

императора в горячие, говоря современным языком, точки и к его личному участию в прекращении бунта: «Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с Государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне Государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину; Государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж»¹⁴⁴.

На самом деле степень непосредственного участия Николая I в подавлении бунта была сильно преувеличена в придворной среде и образ бесстрашного императора романтизирован — именно в таком виде эти сведения дошли до Пушкина и были зафиксированы в его дневнике.

О бунте в новгородской военной колонии и об участии в его подавлении императора Пушкин сообщает Нащокину и Осиповой письмами от того же 29 июля 1831 года, которым датирована запись в дневнике, а Вяземскому письмом от 3 августа 1831 года. Осипова в письме от 21 августа 1831 года соглашается с критикой императора Пушкиным и добавляет, что царь, видимо, невнимательно читал (или вообще не читал) «Историю Восточной Римской империи» Сегюра и «многих других авторов, писавших о причинах падений империй» (14, 212).

Интересны рассуждения Пушкина о вреде «карантинов» при холере в его дневниковой записи от 26 июля 1831 года. Он считает, что карантин — «суть

только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию <...> Уничтожьте карантины, народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству»¹⁴⁵. По мнению Пушкина, при введении карантин холера, эта неведомая народом болезнь, воспринимается как умышленно занесенная кем-то зараза, осложняющая введенными ограничениями и без того тяжелую жизнь...

Воодушевленный неоднократно проявленной благожелательностью Николая I, Пушкин считает, что теперь он может печатать свои стихи, не спрашивая разрешения царя, под собственную ответственность, как это было с «Борисом Годуновым». Однако, проявляя осторожность, обращается за подтверждением такой возможности к Бенкендорфу письмом от середины октября 1831 года (14, 234), но получает отрицательный ответ.

Бенкендорф отвечает Пушкину письмом от 19 октября 1831 года: «...считаю не излишним заметить Вам, что сколь ни удостоверен Государь Император в чистоте Ваших намерений и правил, но со всем тем, однако же, мне неизвестно, чтобы Его Величество разрешил Вам все ваши сочинения печатать под одною Вашею только ответственностию. Упомянутое в письме Вашем сообщение мое к Вам 1829-го года относилось к одной лишь трагедии Вашей под названием „Годунов“ ...» (14, 234).

В конце ноября 1831 года незатухающий конфликт с Булгариным вновь выходит на высший уровень. Причиной послужило пушкинское стихотворение «Моя родословная». Мы не знаем, с какой целью Пушкин распространился о нем и о поводах к его написанию в письме Бенкендорфу от 24 ноября 1831 года: отвечал ли он на полученные свыше упрёки или пробовал поч-

ву для получения разрешения на его публикацию? В упомянутом письме читаем:

«Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья¹⁴⁶, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто» (14, 241, *франц.*).

Дальше Пушкин сообщает Бенкендорфу, что собирався напечатать стихотворение в «Литературной газете», но издатель газеты Дельвиг отсоветовал это делать:

«Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось» (14, 241, *франц.*).

10 декабря 1831 года Бенкендорф ответил Пушкину. В своем ответе он дословно воспроизвел мнение царя о происходящем конфликте:

«Вы можете сказать от моего имени Пушкину, что я всецело согласен с мнением его покойного друга Дельвига. Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их производит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них — *презрение*. Вот как я поступил бы на его месте. Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно *его ума* будет лучше, если он не станет распространять их» (курсив Бенкендорфа или Николая I. — В. Е.) (14, 247, *франц.*).

Таким образом, царь вновь оказался на стороне Пушкина, охарактеризовав выходку Булгарина как «низкие и подлые оскорбления», заслуживающие лишь презрения. Но, конечно, счел стихотворение непригодным для печати совсем по другой причине. Пушкинские строки:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,

— совершенно ясно, не намекали даже, а указывали на известные всем знатные фамилии.

Конец иллюзий

В январе 1832 года в отношениях Пушкина с Николаем I появляется новый акцент. В письме Нащокину от 8 и 10 января он пишет про жену: «...на балах пляшет, с Государем любезничает...» Пушкин с женой — постоянные участники великосветских балов. Проблема с не-

достаточностью средств, и без того имевшая место, теперь усугубляется необходимостью поддерживать соответствующий уровень в быту, в нарядах жены. А имеющихся средств не хватает. Приходится искать кредиторов.

Пушкин просит займы у Судиенки¹⁴⁷, «товарища холостой жизни», письмо от 15 января 1832 года (15, 4), в том же письме жалуется ему, что кроме него есть лишь два «крупных собственника», с которыми он «в сношениях более или менее дружеских: богач, картежный игрок Яковлев¹⁴⁸ и „Третий“», как завуалированно обозначает он Николая I. Но «Третий» уже обеспечил ему 6000 годового дохода¹⁴⁹, и он не вправе еще от него требовать денег. При этом недавно, 9 января, уже взято в долг у дальнего родственника Н. Н. Оболенского 10 000 с обязательством вернуть их через два месяца!

А тут начинаются неприятности из-за публикации стихотворения 1828 года «Анчар, дерево яда» в «Северных цветах на 1832 год»:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом;
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Бенкендорф в подчеркнуто официальном письме от 7 февраля 1832 года (15, 10) требует объяснений,

почему это стихотворение вместе с рядом других напечатано без высочайшего разрешения.

В тот же день, 7 февраля 1832 года, Пушкин пишет ответное письмо (15, 10), в котором излагает свой взгляд на условия договоренности 8 сентября 1826 года с Николаем I: «Я всегда твердо был уверен, что Высочайшая *милость*, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и *права*, данного Государем всем его поданным: печатать с дозволения цензуры». При этом он ссылается на то, что в течение прошедших шести лет стихотворения его печатались и перепечатывались с разрешения обычной цензуры и никогда не возникало какого-либо неудовольствия по этому поводу. В завершение Пушкин просит личной аудиенции у Бенкендорфа. Встреча, судя по резолюции, сохранившейся на этом письме Пушкина, состоялась 10 февраля¹⁵⁰. Во время разговора с Бенкендорфом Пушкин, по-видимому, более развернуто представил свои доводы с конкретными указаниями на осуществлявшиеся ранее публикации его стихотворений, пропущенные обыкновенной цензурой.

Но дело было не в нарушении установленного порядка, а в том, что Бенкендорф (с ведома царя или нет, мы не знаем) усмотрел в стихотворении «Анчар» политические аллюзии, например, в этих стихах:

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом...

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки...

А князь тем ядом напичкал...

В последнем стихе «князь», вообще, легко заменяется на «царь».

18–24 февраля 1832 года (15, 13), воспользовавшись необходимостью поблагодарить Николая I за необыкновенный подарок, которого коснемся чуть ниже, Пушкин пишет новое письмо Бенкендорфу в продолжение объяснения своих прав. Он указывает на то, что ему всегда было «тяжело и совестно озабочивать царя» рассмотрением отдельных стихотворений («стихотворными безделицами») и поэтому он обращался для их издания к обычной цензуре.

А далее он довольно твердо возражает против предложенного Бенкендорфом порядка отдавать свои произведения такого же рода, как те, о которых шла речь выше, на рассмотрение лично ему и высказывает ряд практически неопровержимых аргументов против этого.

В случае принятия такого порядка, пишет Пушкин, «я, вопреки права, данного Государем, изо всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре».

Не обходит Пушкин молчанием и возможные попытки истолкования стихотворения «Анчар» в таком духе, когда «под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие». И заключает, что для таких «обвинений в применениях и подразумениях» нет границ.

Все эти пушкинские возражения остались в черновике, а в беловом (отосланном) тексте, датированном 24 февраля 1832 года (15, 14), сохранилась лишь благодарность царю за подарок, которого царь его удостоил. Дело в том, что 17 февраля с сопроводительным письмом Бенкендорфа Пушкину было доставлено Полное собрание законов Российской империи»

в 55 томах¹⁵¹. Для его создания в 1826 году Николаем I было создано II Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое работало под неофициальным руководством М. М. Сперанского¹⁵² вплоть до 1830 года.

Благодаря за этот подарок, Пушкин пишет, что «драгоценный знак» царского к нему благоволения «возбудит» в нем силы для написания истории Петра I.

Подарок царя в разгар нелицеприятных объяснений с Бенкендорфом позволяет предположить, что выговор за публикацию «Анчара» был, скорее всего, личной инициативой Бенкендорфа или, во всяком случае, царь не придавал этому событию серьезного значения.

В том же письме от 24 февраля 1832 года Бенкендорфу Пушкин просит царя разрешить ему «рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера», содержащую немало редких книг и рукописей, которые были доставлены в свое время Вольтеру¹⁵³ для написания его «Истории Петра Великого». И 29 февраля 1832 года (15, 15) получает через Бенкендорфа высочайшее разрешение.

Но материальные заботы не дают покоя Пушкину. Так, еще в письме Нащокину от 22 октября 1831 года, целиком посвященном своим материальным проблемам, поэт не может сдержать своего возмущения по поводу нежелания деда Натальи Николаевны дать ей обещанное приданое: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает. Наталья Николаевна брюхата — в мае родит» (14, 236).

А 3 мая 1832 года он обращается к Бенкендорфу с просьбой разъяснить *«откуда и считая с какого*

дня» (15, 20) он должен получать свое жалованье историографа, назначенное ему по указанию царя.

Этой же проблемой продиктовано и письмо Пушкина к Бенкендорфу от 27 мая 1832 года (15, 22), в котором он прямо говорит, что семейное положение требует от него думать об увеличении своих доходов, в связи с чем он просит разрешить ему открыть политическую газету. При этом ссылка на Жуковского, воспитателя великого князя Александра, в конце письма говорит о том, что поэт пытался использовать все имеющиеся возможности для получения разрешения на открытие собственного издания.

По-видимому, Бенкендорф предложил изложить это более подробно, в результате чего появился еще один пушкинский текст от 27 мая 1832 года, который не имеет ни обращения к адресату, ни завершающих официальных фраз, извещающих о высоком уважении к адресату, и поэтому рассматривается нами как приложение к упомянутому письму.

Здесь необходимо указать, что замысел создания собственной газеты или журнала появился у Пушкина еще во время Михайловской ссылки. Этой мыслью он делился с Вяземским (письма от 19 февраля и от 10 августа 1825 года, 27 мая и 9 ноября 1826 года), с Катениным¹⁵⁴ (письмо от второй половины февраля 1826 года), с Плетневым (письма от 26 марта и 11 апреля 1831 года), снова с Вяземским (14 августа и 3 сентября 1831 года), с Нащокиным (письмо от 22 октября 1831 года).

В приложении к письму Пушкин сетует на то, что «Северная пчела», издаваемая Булгариным и Гречем, безраздельно доминирует на книжном рынке, имея 3000 подписчиков против нескольких сотен

подписчиков у любого чисто литературного издания. Это доминирование основывается на том, что лишь Булгарину и Гречу разрешено правительством публиковать политические известия, привлекающие внимание публики.

«Таким образом, — пишет Пушкин, — литературная торговля находится в руках издателей „Северной пчелы“, и критика, как и политика, сделалась их монополией. От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями „Северной пчелы“».

По-видимому, какая-то предварительная договоренность об открытии Пушкиным собственного издания была достигнута, о каком-то «обещанном позволении» Вяземский сообщал И. И. Дмитриеву¹⁵⁵ письмом от 3 июня 1832 года¹⁵⁶.

На основании этой предварительной договоренности Пушкин и сообщает в письме от 11 июля 1832 года Погодину, что царь разрешил ему политическую газету. А в начале сентября даже был составлен пробный номер с названием: «Дневник. Политическая и литературная Газета».

Редактором газеты должен был стать литератор и экономист Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805–1873), которому Пушкин около 16 сентября 1832 года выдает доверенность на все необходимые для издания газеты действия. В письме к жене из Москвы от 30 сентября, где Пушкин в это время находится (вероятно, с целью привлечения сотрудников в новое издание), он признается: «...покамест голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею. Дай Бог здоровье Отрыжкову; авось вывезет» (15, 33–34).

В отсутствие Пушкина Бенкендорф письмом от 1 октября 1832 года¹⁵⁷ известил жену поэта о готовности принять Тарасенко-Отрешкова для переговоров о газете и назначил день этой встречи.

Но по возвращении из Москвы Пушкин получил письмо А. Н. Мордвинова¹⁵⁸ от 21 октября 1832 года (15, 35), замещавшего в тот момент Бенкендорфа, в котором ему предлагалось воздержаться от каких-либо немедленных действий по изданию газеты до возвращения Бенкендорфа из Ревельской губернии.

Энтузиазм Пушкина постепенно поубавился, вопрос с разрешением на издание откладывался. Об этом Вяземский извещал Жуковского письмом от 11 декабря 1832 года: «Он (Пушкин. — В. Е.) поостыл, позволение как-то попрizaпуталось или поограничилось, и мы опять без журнала»¹⁵⁹.

Как резюмировал Пиксанов¹⁶⁰ в упомянутой работе «Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневник“», факты «настойчиво свидетельствовали о том, что в атмосфере, насыщенной страхами Июльской революции и Польского восстания, трудно было издавать журнал кому-либо иному, кроме прирожденных Булгариных»¹⁶¹.

Но возвратимся чуть назад. О полученном разрешении открыть газету Пушкин сообщил 11 июля 1832 года не только Погодину, но и Киреевскому (15, 26), издателю московского журнала «Европеец», успевшего выйти только в двух номерах. Письмо Пушкина связано с запрещением «Европейца» Николаем I за статью Киреевского «Девятнадцатый век», в которой усматривалось требование Конституции для России. Пушкин считает, что Киреевский напрасно не пытается оправ-

даться и призывает его написать письмо царю, чтобы защитить себя.

Но для него самого запрещение «Европейца» и выговор за стихотворение «Анчар» в момент начавшегося осуществления замысла о собственной газете создавали неблагоприятный психологический фон.

Денег же по-прежнему не хватает, вдобавок тема ухаживания царя за его женой продолжает отравлять Пушкину настроение. В письме Наталье Николаевне от предположительно 30 сентября 1832 года Пушкин иносказательно касается этой темы: «Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc. Знаешь русскую песню —

Не дай Бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит» (15, 33).

Приведенные в письме строки взяты из записи народных песен, которая была осуществлена Пушкиным во время Михайловской ссылки, а именно из песни 4:

Как за церковью, за немецкою,
Добрый молодец Богу молится:
Как не дай Боже хорошу жену, —
Хорошу жену в честной пир зовут,
Меня молодца не примолвили¹⁶².
Мою жену — в новы саночки,
Меня молодца — на запяточки.

Мою жену — на широкий двор,
Меня молодца — за вороточки.

Но дело в том, что такой песни не удастся обнаружить ни в одной другой из существовавших в пушкинское время записей русских народных песен. Сомнение в подлинности песни высказывал еще первый биограф Пушкина П. В. Анненков. Но обосновал и развил эту догадку Анненкова поэт Валентин Берестов (1928–1998). Он справедливо заметил, что немецкой церкви и близко не было в окрестностях села Михайловского и трудно себе представить, чтобы такую песню пели на ярмарке в Святых Горах. А в Петербурге Пушкины жили на Мойке именно за немецкой (лютеранской) церковью. По утверждению Берестова, Пушкин спрятал собственное стихотворение, написанное в народном духе, среди записей действительно народных песен. И отразилась в этих его стихах, написанных с горечью, ситуация его семейной жизни, омрачаемой ухаживанием царя за его красавицей женой.

Тема эта, к несчастью для Пушкина, будет иметь продолжение и в дальнейшем.

Все эти события 1832 года: выговор за стихотворение «Анчар», закрытие журнала «Европеец», противодействие власти созданию собственного печатного издания и, наконец, ухаживание царя за Натальей Николаевной — заставляют Пушкина по-новому увидеть свои отношения с царем. Период обольщения Николаем I, начавшийся со встречи во дворце Чудова монастыря 8 сентября 1826 года, постепенно уступает место трезвому осознанию своего действительного положения.

Пожалование в камер-юнкеры и «История Пугачевского бунта»

Но работа по поиску материалов для написания истории Петра I продолжается. На Масленицу (16 февраля 1833 года) Пушкин «улучает» момент, чтобы поговорить с Николаем I о привлечении Погодина к своей работе в архивах, потому что, как он заявляет царю, одному с таким количеством документов справиться невозможно. Об этом разговоре Пушкин сообщает Погодину письмом от 5 марта 1833 года (15, 53).

Однако уже летом, поглощенный новым творческим замыслом, он решает прервать работу в архивах, чтобы посетить Казань и Оренбург, о чем извещает Бенкендорфа письмом от 22 июля (15, 69). Новый замысел — история пугачевщины, возникший у Пушкина еще в пору работы над «Дубровским». Именно в связи с этим 6 февраля 1833 года работа над романом прерывается, и он остается неоконченным.

При этом тема частного лица, отдельного человека, стремящегося во что бы то ни стало защитить свое достоинство и независимость, начатая в «Дубровском», получит свое продолжение и развитие в так называемых петербургских повестях Пушкина — в «Пиковой даме» и «Медном всаднике». Все эти произведения вызваны к жизни собственным двусмысленным положением: с одной стороны, он приближен к царю, с другой — даже выехать за пределы Петербурга не может без его ведома, плюс к этому неразрешимые материальные проблемы, усугубленные близостью ко двору. И при этом высокоразвитое чувство собственного достоинства и чести...

А в письме от 29 июля 1833 года А. Н. Мордвинов (15, 69), сменивший на посту управляющего III Отделением умершего Фон-Фока, передает Пушкину вопрос царя: что побуждает его к поездке в Оренбург и Казань, ради которой он решил оставить «занятия», здесь на него «возложенные»?

Пушкин письмом от 30 июля отвечает Мордвинову (15, 69), что собирается дописать роман, «коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани», что именно художественное творчество (которое он в угоду царю вновь называет «суетными занятиями», «безделкою») доставляет ему необходимый денежный доход, что семья его растет (6 июля 1833 года родился второй ребенок, сын Александр), а «жизнь в столице дорога» и одно царское жалованье за работу в архивах не может покрыть всех расходов.

В ответном письме от 7 августа (15, 71) Мордвинов сообщает, что царь разрешает Пушкину поездку в Оренбург и Казань сроком на четыре месяца.

17 августа 1833 года Пушкин выезжает из Петербурга, а 20 августа уже пишет жене из Торжка письмо (15, 71), в котором, помимо прочего, просит ее не кокетничать с царем на балу 26 августа в честь Бородинского сражения, но потом спохватывается: царя в это время не будет в Петербурге — он отбудет из России на встречу с монархом Австрии и Богемии...

Во время поездки Пушкина везде ожидает радушный прием, в том числе у местного начальства, что вызвано его приближенностью к царю. Не обходится здесь и без курьезов. Так, оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский (1795–1857) получает утром 20 сентября 1833 года письмо от нижегородского генерал-губернатора М. П. Бутурлина (1786–1860), в котором

содержится предупреждение относительно Пушкина. «Я, зная, кто он, обласкал его, — писал Бутурлин, — но, должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях»¹⁶³. Перовский показывает письмо Пушкину. Этот эпизод Пушкин расскажет потом Гоголю, что подскажет «хитрому малороссу» сюжет «Ревизора»¹⁶⁴.

Как это ни парадоксально, в тот же день, 20 сентября 1833 года, петербургский обер-полицмейстер пишет отношение нижегородскому генерал-губернатору с сообщением о том, что по распоряжению петербургского генерал-губернатора за Пушкиным учрежден тайный полицейский надзор¹⁶⁵. Опять эти «странные сближения».

Таким образом, с одной стороны, Пушкин воспринимается окружением как лицо, приближенное к Николаю I, с другой — тайный надзор за ним не отменен, поэт по-прежнему на подозрении.

Посетив Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, Пушкин 1 октября оказывается в Болдино, где работает над «Историей Пугачева». Об этом он сообщает жене письмом от 8 октября 1833 года (15, 85–86), где называет «Историю Пугачева» Записками и надеется получить за нее «тысяч 30 чистых денег». А в письме от 11 октября (15, 86) снова просит жену не кокетничать с царем.

20 ноября 1833 года Пушкин через Москву возвращается в Петербург с «Историей Пугачева» и другими произведениями, написанными в так называемую вторую болдинскую осень, в том числе «Пиковой дамой» и «Медным всадником».

29 ноября 1833 года Пушкин рассуждает в дневнике по поводу назначения генерала И. О. Сухозанета¹⁶⁶ главным директором Пажеского и всех сухопутных корпусов, а затем о деле уличенного в воровстве гвардейского офицера фон Бринкена, которого Николай I решил выдать на суд курляндскому дворянству, вместо того чтобы предать его обычному суду. В обоих случаях Пушкин не одобряет решение Николая I, но оправдывает его в первом случае снисхождением к израненному воину, а во втором — проявлением рыцарства, которое в положении царя считает все-таки неуместным (12, 315).

3 декабря 1833 года Пушкин делает в дневнике запись, сочувственную по отношению к царю, для которого в Москве, ввиду неожиданности его приезда, не нашлось во дворце теплой комнаты и чашки чаю (12, 316).

6 декабря Пушкин обращается к Бенкендорфу с письмом (15, 97), в котором просит разрешения напечатать поэму «Медный всадник» и публиковать свои произведения в журнале А. Ф. Смирдина¹⁶⁷ «Библиотека для чтения» при условии, что издатель будет представлять пушкинские произведения в обычную цензуру. В том же письме Пушкин испрашивает разрешения представить на рассмотрение царю «Историю Пугачева». Он объясняет ее появление большим количеством материалов, оказавшихся в его руках в результате поездки в Казань и Оренбург, из-за которых задуманный им «вымысел» («Капитанская дочка») был отложен.

Этот день (6 декабря) Пушкин отмечает в дневнике как именины Николая I в несколько скептическом тоне: «На это некоторые смотрят как на торжество» (12, 316).

7 декабря Бенкендорф видится с Николаем I и, по-видимому, передает ему письмо Пушкина¹⁶⁸. 11 декабря Пушкин получает приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на следующий день (12, 317). Утром 12 декабря он получает рукопись «Медного всадника» с замечаниями царя. В частности, царю не понравились слово «кумир», относящееся к бронзовому Петру, и следующая строфа:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

«Всё это делает мне большую разницу» (12, 317), — замечает Пушкин в дневнике, и «Медный всадник» так и останется ненапечатанным.

Но во время этого же визита к Бенкендорфу Пушкин узнает, что царь желает ознакомиться с «Историей Пугачева». Пушкин должен передать ее, как обычно, через Бенкендорфа¹⁶⁹.

31 декабря 1833 года своим указом придворной конторе Николай I пожаловал Пушкину звание камер-юнкера двора. Об этом Пушкин записал в дневнике 1 января 1834 года: «Третьего дня¹⁷⁰ я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове» (12, 318).

А затем пишет, что доволен этим решением, «потому что Государь имел намерение отличить» его, а не сделать смешным». Вряд ли это признание искреннее, скорее похоже на попытку самоутешения¹⁷¹. В продолжение той же дневниковой записи от 1 янва-

ря 1834 года Пушкин утешает себя тем, что царь сделал его камер-юнкером из лучших побуждений. И это, скорее всего, действительно так. Просто императору России недосуг было вникать в соображения о том, какую психологическую реакцию может вызвать это назначение у Пушкина. Он действительно хотел его отметить, но не давать же звание камергера (как князю Вяземскому) титулярному советнику, каковым был Пушкин в чиновничьей табели о рангах! Пусть будет хотя бы камер-юнкером!

Это подтверждается и словами императора В. Ф. Вяземской¹⁷² (дневниковая пушкинская запись 7 января — 12, 319): он решил отметить Пушкина, потому что доволен им, потому что Пушкин сдержал свое слово, данное ему 8 сентября 1826 года. Иными словами, звание камер-юнкера — награда Пушкину за лояльность.

В той же дневниковой записи 7 января 1834 года упоминается о встрече в театре с великим князем Михаилом, который совершенно искренне поздравил Пушкина с назначением, на что Пушкин ответил без сарказма: «Покорнейше благодарю, Ваше Высочество; до сих пор все надо мною смеялись, Вы первый меня поздравили».

Эта тема продолжается в дневнике поэта и 17 января 1834 года. Здесь Пушкин записывает, что на бале у графа Бобринского царь не говорил с ним о камер-юнкерстве, а сам он царя не благодарил (12, 319). Значит, ни о каком «довольстве» новым назначением (см. дневниковую запись от 31 декабря 1833 года) не могло быть и речи.

Из пятничной записи от 26 января 1834 года мы узнаем о том, что царь в прошедший вторник высказал недовольство Пушкиным, уехавшим с бала в Аничко-

вом дворце переодеваться и не вернувшимся, его жене (12, 319). Царь вновь высказал недовольство жене Пушкина по этому поводу и в четверг (1 февраля) на траурном бале «по каком-то князе» у князя Трубецкого (12, 319).

Однако это царское неудовольствие, вызванное нарушением правил этикета, не помешало Пушкину письмом от 7–10 февраля (15, 108) обратиться к нему за ссудой в 15 тыс. руб. на печатание «Истории Пугачева». Оценив свою материальную ситуацию, Пушкин справедливо рассудил, что печатать книгу самостоятельно выйдет дешевле, чем через посредников. В таком случае Пушкин предполагал получить за продажу книги 40 тыс. руб., необходимых ему для выкупа части Болдина, наследства дяди Василия Львовича, умершего 20 августа 1830 года. Имение дяди было заложено в опекуновом совете, и Пушкин лелеял мечту выкупить его и соединить со своим имением. Свои соображения он собирался изложить в письме Бенкендорфу от 7–10 февраля 1834 года, но письмо осталось в черновом виде, потому что Пушкин 9 февраля, по-видимому, видел Бенкендорфа на балу у австрийского посланника¹⁷³ и договорился о встрече.

11 февраля Пушкин был принят Бенкендорфом, передал ему часть II «Истории Пугачева» для одобрения императором и попросил о ссуде, на что Бенкендорф порекомендовал ему подготовить официальное прошение на имя Николая I¹⁷⁴.

Забегая вперед, отметим, что расчеты Пушкина оказались не верны. Книга продавалась плохо, он выручил за нее вместо 40 всего 20 тыс. руб. А после его смерти в его квартире было обнаружено 1775 экз. из трехты-

сячного издания «Истории». Имение В. А. Пушкина¹⁷⁵ было продано с аукциона в 1835 году¹⁷⁶.

Но вернемся в год 1834-й. 12 февраля Пушкин по просьбе Н. М. Коншина¹⁷⁷ берет на себя труд защитить протоиерея Царскосельской придворной церкви Ф. Ф. Лебедева, исключенного из придворного ведомства за пьянство. Пушкин пишет письмо обер-прокурору синода С. Д. Нечаеву¹⁷⁸. В письме он высказывает удивление по поводу обращения протоиерея за помощью именно к нему и выражает сомнение, сможет ли его «слабый голос» удостоиться внимания начальства. Но сам факт этого ходатайства свидетельствует о том, что в глазах окружающих он представляется влиятельной при дворе фигурой.

26 февраля Пушкин посетил Бенкендорфа, который сообщил ему о положительном решении царя по поводу прошения о выдаче ссуды на печатание «Истории Пугачева» и по поводу печатания «Истории Пугачева» в типографии II Отделения, подведомственной М. М. Сперанскому¹⁷⁹.

Результатом встречи с Бенкендорфом стали два письма Пушкина от 26 и 27 февраля 1834 года на его имя, в которых Пушкин просит выделить ему ссуду в 20 тыс. руб. и дать указание типографии, подведомственной М. М. Сперанскому, начать печатание «Истории Пугачева». На письме от 26 февраля Бенкендорф начертал резолюцию министру финансов о выдаче Пушкину 20 тыс. руб. на издание «Истории Пугачева»¹⁸⁰.

Видимо, в связи с положительным ответом на пушкинские просьбы запись в дневнике от 28 февраля 1834 года (12, 320) выдержана в более теплой тональности по отношению к царю, чем предыдущие

дневниковые записи. Замечания царя на рукописи «Истории Пугачева» признаны «очень дельными». Кроме того, Пушкин записал, что 23 февраля «на бале в концертной» имел с царем продолжительный разговор, и замечает по этому поводу, что царь говорит хорошо, «не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения».

Запись эта комплиментарна по отношению к Николаю I. С другой стороны, из нее становится ясно, что Пушкину не так уж часто случается разговаривать с царем тет-а-тет.

4 марта 1834 года Бенкендорф письмом (15, 113) уведомляет Пушкина о том, что царь повелел выдать ему 20 тыс. руб. заимообразно на два года с процентами и что он, Бенкендорф, передал министру финансов повеление царя выдать деньги.

В тот же день Л. В. Дубельт¹⁸¹ письмом (15, 114) извещает Пушкина по поручению Бенкендорфа о том, что Сперанскому передано повеление царя печатать «Историю Пугачева» в одной из подведомственных ему типографий.

Письмами от 5 марта (15, 114) Пушкин выражает Бенкендорфу «чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство», имея в виду положительное решение царя по поводу денежной ссуды, а Дубельту (15, 115) сообщает, что получил его уведомление о том, что «История Пугачева» будет печататься в одной из типографий, подведомственных Сперанскому.

6 марта Пушкин отмечает в дневнике, что царь дал ему взаймы 20 тыс. руб. на печатание «Истории Пугачева», и пишет по этому поводу: «Спасибо» (12, 320).

А затем в дневнике идет запись рассказа А. О. Смирновой-Россет¹⁸² о 13 июля 1826 года, дне казни декабристов, которая свидетельствует об обеспокоенности Николая I, находящегося в Царском Селе, происходящим в Петербурге, об испытываемой им по поводу казни тревоге. Этот рассказ Пушкин услышал 7 марта 1834 года на вечере у Смирновых¹⁸³.

В записи от 8 марта подтверждается факт присутствия Пушкина накануне вечером у Смирновых, а также запечатлен эпизод, имевший место на балу у австрийского посланника 28 февраля 1834 года, когда Жуковский расспрашивал Скарятину¹⁸⁴, одного из участников дворцового переворота 1801 года, о подробностях убийства Павла I. Во время этого «занимательного» разговора явился Николай I и застал наставника своего сына Александра, «дружелюбно беседующего с убийцею его (Николая I. — В. Е.) отца!» (12, 321).

8 марта Бенкендорф получает от императора II том «Истории Пугачева» с его замечаниями и препровождает его Пушкину с письмом от того же числа (15, 115).

В этот же день Сперанский после разговора с царем пишет на письме Бенкендорфа к нему от 4 марта резолюцию: «Высочайше повелено напечатать без цензуры, как сочинение уже удостоенное Высочайшего прочтения, и на казенный счет»¹⁸⁵. Таким образом, можно констатировать, что обе просьбы Пушкина, впервые сформулированные в его черновом письме Бенкендорфу от 7–10 февраля 1834 года¹⁸⁶, были удовлетворены Николаем I.

Об этом Пушкин поделился с Нащокиным в письме от середины марта 1834 года, рассматривая при этом предоставленные Николаем I услуги как своего

рода компенсацию за запрет публикации «Медного всадника» и назначение камер-юнкером. Здесь Пушкин вновь фиксирует негативное отношение к недавнему назначению и вновь оправдывает решение царя добрыми побуждениями по отношению к себе.

17 марта Пушкин записывает в дневнике важное соображение, отмеченное значком нотабене, которое всегда стыдливо замалчивалось пушкинистами: «Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать»¹⁸⁷ (12, 322).

В самом деле, до октября 1917 года либеральное общественное мнение избегало непредвзятой оценки деяний и планов декабристов, а тем более не допускало возможности признать объективную логику в реакции властей, подвергших заговорщиков суровой каре.

В продолжение той же дневниковой записи сообщается, что Николай I не любит пользовавшегося безграничным доверием предыдущего императора Аракчеева (1769 – 1834), инициатора военных поселений, любителя муштры и фрунта, деятельность которого получила название аракчеевщины. Из записи узнаем, что Николай I в 1825 году называл Аракчеева извергом «после совместной с ним работы, возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме» (*франц.*).

Тем временем переписка по поводу денежной ссуды и издания «Истории Пугачева» продолжается. 21 марта директор канцелярии министерства финансов Д. М. Княжевич (1798–1873) уведомил Пушкина, что казначейству предписано выдать ему 20 000 рублей «в ссуду на два года без процентов». Тем самым

содержавшиеся в письме Бенкендорфа от 4 марта 1834 года (см. выше) условия выдачи ссуды под проценты были отменены.

По-видимому, это сделал Николай I при подписании 16 марта проекта указа о выдаче ссуды.

В ответном письме от 22 марта Пушкин благодарит Княжевича и в этот же день получает деньги.

24 марта Бенкендорф в письме Пушкину сообщает, что при подписании 16 марта 1834 года упомянутого нами проекта указа император собственноручно написал «вместо „История Пугачева“ — *„История Пугачевского бунта“*» (15, 121). Бенкендорф просит учесть изменение названия при печатании книги.

Таким образом, многократно повторенное в публикациях советского времени требование Николая I об изменении названия пушкинского произведения на самом деле сопряжено с рядом умалчиваемых советскими пушкинистами обстоятельств, важнейшим из которых является выдача Пушкину беспроцентной денежной ссуды.

Скорее всего, желание царя изменить название книги стало известно Пушкину еще до получения упомянутого письма Бенкендорфа, потому что уже в благодарственном письме Княжевичу от 22 марта (см. выше) он употребляет название «История Пугачевского бунта».

Сюжет с изданием «Истории Пугачевского бунта» завершен, но возникает новый, связанный с униженным для Пушкина исполнением придворных обязанностей камер-юнкера.

16 апреля 1834 года Пушкин записывает в дневнике о вызове к старшему обер-камергеру Литта¹⁸⁸ за то, что не явился в придворную церковь ни в Вербное

воскресенье, ни в субботу. Царь был недоволен отсутствием большого количества камергеров и камер-юнкеров и сказал: «...если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить». И Пушкин заключает: «Однако же я не поехал на головомытье, а написал изъяснение» (12, 326).

Об этом же Пушкин сообщает жене, накануне уехавшей в Полотняный Завод, письмом от 17 апреля. Он пишет, что извинился письменно и что выполнять предписание ходить парами, как институтки, с другими камер-юнкерами не будет «ни за какие благополучия» (15, 127).

В новом письме жене от 20 и 22 апреля Пушкин вновь признается в нарушении придворных обязанностей: он не поехал «с поздравлениями и приветствиями» по случаю совершеннолетия к наследнику, великому князю Александру Николаевичу. А затем делает важное признание: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку¹⁸⁹; второй меня не жаловал¹⁹⁰; третий¹⁹¹ хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут» (15, 129).

Он все никак не может пережить своего назначения камер-юнкером, хотя и постоянно оправдывает царя его благожелательным отношением к себе, но теперь еще и не может не признать, что царь делает для него действительно добрые дела.

Однако менее чем через месяц, в дневниковой записи от 10 мая 1834 года (12, 328–329), Пушкин пишет о царе, едва сдерживая негодование. Причиной послужила перлюстрация его письма к Наталье Николаевне от 20 и 22 апреля, в котором он признавался,

что, сказавшись больным, не поехал поздравлять наследника. Письмо было вскрыто и прочтено полицией, а затем и царем и истолковано как возмутительное. Пушкин узнал об этом от Жуковского и был оскорблен происшедшим. Жуковский сумел как-то успокоить царя, но Пушкиным этот инцидент был конечно же воспринят как оскорбление.

Преданный гласности факт перлюстрация письма, открыто подтверждающий существование тайного надзора за ним и его перепиской, участие в этом царя стали для Пушкина отрезвляющим ударом.

В уже упомянутой дневниковой записи от 10 мая читаем: «Государю неуютно было, что о своем камерюнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом — но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать Царю (человеку благовоспитанному и честному), и Царь не стыдится в том признаться и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным» (12, 329).

«Мудрено быть самодержавным» — эта раздраженная реплика Пушкина отражает новый взгляд на Николая I и отношения с ним. В дневниковой записи от 21 мая 1834 года (12, 330) после сравнения Николая с Александром, сделанного Полетикой¹⁹² («Император Николай положительнее, у него есть ложные идеи, как у его брата, но он менее фантастичен»), Пушкин претворяет этот новый взгляд на Николая I в афористичную формулу: «В нем много от прапорщика и не много от Петра Великого» (*франц.*).

В письме жене от 3 июня 1834 года Пушкин вновь возвращается к теме перлюстрации: «Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше». И завершает эту сентенцию нарочито демонстративной, вызывающей фразой, рассчитанной на перлюстрацию: «Это писано не для тебя...» (15, 154).

«Ух, кабы мне удрать на чистый воздух»

В письме Н. Н. Пушкиной от 8 июня 1834 года (15, 156) Пушкин осознает, в какую западню он попал, оказавшись приближенным к царю и, как следствие этого, привязанным к нему службой и материальными вспомоществованиями. Он считает, что не должен был вступать в службу в качестве историографа с жалованьем, а тем более брать денежную ссуду. «Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно», — пишет Пушкин. И повторяет слова Ломоносова, которые уже приводил в дневнике в гневной записи от 10 мая 1834 года: «Я, как Ломоносов¹⁹³, не хочу быть шутком ниже у Господа Бога». И затем винит себя за простодушие, коим «преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни» (12, 329). Его доверие к Николаю I и Бенкендорфу обернулось простодушием!

А в следующем письме жене от 11 июня (15, 157) Пушкин будто бы прощает царя за скандал с перлюстрацией письма от 20 и 22 апреля, но при этом сравнивает двор с нужником, полным зловонных испаре-

ний, и иронически называет его главу джентльменом. А самое главное, он вдруг понимает, что нужно вырваться из золотой — да не такой уж и золотой — клетки и пишет: «Ух, кабы мне удрать на чистый воздух».

И вот, решение созрело, и 25 июня 1834 года Пушкин в письме Бенкендорфу (15, 165) просит об отставке, но с сохранением за ним права посещать архивы, чтобы иметь возможность продолжать работать над историей Петра, которая увлекла его.

В письме жене от 28 (?) июня (15, 167) Пушкин сообщает: «Крепко думаю об отставке», а в следующем письме от 30 июня (15, 170) опять вспоминает о перлюстрации писем и этим объясняет свою сухость. «Погоди, в отставку выйду, тогда переписка нужна не будет», — завершает он письмо.

Но 2 июля известие об отставке Пушкина доходит до Жуковского, находящегося в это время на даче императрицы в Петергофе. Николай I говорит с ним об этом. Жуковский, взволнованный полученным известием, срочно пишет письмо Пушкину (15, 172) и передает его с Блудовым, отправляющимся в Петербург¹⁹⁴. Пушкин получает его на следующий день.

Жуковский, неизменный защитник своего младшего друга, признается, что не понимает причин поступка Пушкина, почему он и не смог ничего объяснить в разговоре с царем. Далее он сообщает, что, не зная ситуации, спросил царя, нельзя ли все это поправить. Царь ответил, что удерживать против воли никого не намерен, но охотно согласился вернуть ситуацию назад. И добавил при этом, что в случае отставки всё между ним и Пушкиным будет кончено. Отметим, что этим «всё» царь признал существование личных отношений с поэтом, что сегодня важно

для нас. Жуковский пока еще осторожно, без нажима, советует Пушкину отказаться от отставки.

В тот же день, 3 июля, Пушкин, не считая возможным не прислушаться к совету Жуковского, пишет Бенкендорфу (15, 172), что считает свой поступок «неблаговидным» и просит «не давать ходу» своему прошению. Но при этом указывает на необходимость для него отпуска на несколько месяцев.

В тот же день, 3 июля, Жуковский, всерьез озабоченный происходящим, пишет Пушкину новое письмо (15, 172), где называет поступок Пушкина глупостью и призывает его немедленно написать письмо самому императору с раскаянием и благодарностью за его доброе отношение и письмо передать Бенкендорфу. В заключение Жуковский объясняет Пушкину, что в противном случае он будет «щетиnistое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека», а главное, что он «повредит себе на целую жизнь» и заслужит неодобрение друзей.

Вечером 3 июля Пушкин получает письмо Бенкендорфа из Петергофа от 30 июня (15, 171) 1834 года с ответом на свою просьбу об отставке, в котором сообщается, что «Его Императорское Величество, не желая никого удерживать против воли», сделал соответствующее распоряжение вице-канцлеру. При этом уточняется, что пользование архивами станет для Пушкина невозможным, «так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства».

4 июля Пушкин пишет новое письмо Бенкендорфу (15, 174), понимая, что предыдущее письмо от 3 июля не сможет никого удовлетворить. В нем он

признает, что прошение об отставке «могло показаться безумной неблагодарностью и сопротивлением воле Того, кто доньше» являлся более «благодетелем, нежели Государем».

В тот же день, 4 июля, Пушкин получает через Хитрово¹⁹⁵ письмо Жуковского от 3 июля (см. выше) и пишет ответ на оба его письма (15, 173 и 174), где, ссылаясь на «хандру и досаду» в момент принятия решения, объясняет причины своего прошения об отставке: «Домашние обстоятельства мои затруднительны; положение мое не весело; перемена жизни почти необходима». Признается, что изъяснять все это Бенкендорфу «не хватило духу», что не имел намерения «произвести, что вышло» и что писать непосредственно царю — значит «снова просить», а царь и так уж много сделал для него.

В тот же день, 4 июля, Жуковский, получив письмо Пушкина, по-видимому, договаривается с Бенкендорфом о встрече по этому делу. И утром следующего дня, 5 июля, принят Бенкендорфом¹⁹⁶, который уже получил письмо Пушкина от 3 июля (см. выше). Возможно, Жуковский показал Бенкендорфу и письмо Пушкина к нему от 4 июля. Все это было признано Бенкендорфом неудовлетворительным, и он разъяснил Жуковскому, как следует написать царю¹⁹⁷.

Утром 6 июля прекраснодушный Жуковский отправляет с нарочным новое письмо Пушкину (15, 175), в котором возмущается сухостью его писем. Убеждает Пушкина в том, что государь огорчен его поступком, считает его неблагодарностью, что государь до сих пор искренне любил его и желал ему добра, настаивает на том, что писать нужно прямо государю. Жуковский не посвящен в обмен мнениями о поэте царя и Бен-

кендорфа, который произошел накануне, 5 июля 1834 года.

А 5 июля после встречи с Жуковским Бенкендорф переслал царю оба пушкинских письма при следующей сопроводительной записке: «Так как он сознается в том, что просто сделал глупость, и предпочитает казаться лучше непосредственным, чем неблагодарным, так как я еще не сообщал о его отставке ни князю Волконскому¹⁹⁸, ни графу Нессельроде, то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо (от 25 июня 1834 года с прошением об отставке. — В. Е.) как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека: лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе»¹⁹⁹.

Здесь Бенкендорф с солдатской прямоотой излагает истинное отношение к Пушкину: для власти нежелательно предоставлять поэту полную свободу.

Николай I, получив записку Бенкендорфа и прочитав письма Пушкина от 3 и 4 июля 1834 года, согласился с мнением своего служаки и ответил ему: «Я его прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить всю бессмысленность его поведения и чем это все может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства»²⁰⁰.

6 июля Пушкин отвечает (15, 176) на полученное утром письмо Жуковского. Он чувствует нависшую над ним опасность, но не понимает, что преступного в его желании уйти в отставку ради будущего семьи и собственного спокойствия. Если это выйдет в глазах царя преступлением, он остается и не подает в отставку. «Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед Государем», — пишет Пушкин. «Что

мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем?» — спрашивает он. Но учитывая обстоятельства, соглашается написать третье письмо.

Пишет он все-таки не царю, а Бенкендорфу в тот же день 6 июля (15, 176). Письмо состоит из красноречивых признаний благодарности царю за проявленные в течение восьмилетнего общения милости, не просит прощения, но отказывается от своего желания уйти в отставку.

11 июля Пушкин пишет жене: «На днях я чуть было беды не сделал: с *Тем*²⁰¹ чуть было не побранился — и трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею, хоть и он не прав» (15, 177).

То же и в письме от 14 июля: «На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и Богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так?» (15, 180).

А 22 июля завершает эту тему записью в дневнике: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, но всё перемололось. Однако это мне не пройдет» (12, 331).

Но отпуск Пушкин все-таки получил. 17 августа он выезжает из Петербурга в Москву, а затем в Полотняный Завод, где находятся Наталья Николаевна и дети. 6 сентября они всей семьей отправляются в Москву, откуда 10 сентября Пушкин уезжает в Болдино. В Петербург он возвращается 14 октября 1834 года²⁰².

23 ноября 1834 года Пушкин пишет первое со дня завершения кризисной ситуации с отставкой письмо Бенкендорфу (15, 201), в котором сообщает об отпечатании «Истории Пугачевского бунта» и просит

представить первый экземпляр книги императору, «присовокупив к ней некоторые замечания», которые не решился он напечатать, «но которые могут быть любопытны для Его Величества». Замечания были составлены незадолго до 23 ноября и состояли из 19 пунктов, каждый из которых имел отсылку к рассматриваемой странице «Истории Пугачевского бунта».

Ответ на это письмо Пушкин получает от Мордвинова 4 декабря (15, 202), в котором сообщается, что его письмо от 23 ноября «доложено» царю и тот назначит время, в которое ему «угодно будет» принять Пушкина.

28 ноября 1834 года (12, 331) Пушкин возвращается к ведению дневника «после трехмесячного перерыва», и первая же его запись о том, что он выехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской колонны, воздвигнутой Николаем I в память победы Александра I над Наполеоном. Таким образом, Пушкин избежал обязательного присутствия в качестве камер-юнкера в торжественной церемонии по поводу этого события и не общался с другими камер-юнкерами, чья молодость подчеркивала неуместность этого звания для него.

Здесь, конечно, сказалась его неприязнь к венценосному тезке, но, кроме того, и заявлена определенная оппозиционность по отношению к Николаю I. Недаром, продолжая эту тему, он записывает там же: «Церковь, а при ней школа полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет».

Далее идет запись о том, что «Истории Пугачевского бунта» напечатана и что он ждал в связи с этим

возвращения царя из Пруссии, который вернулся накануне вечером.

Судя по дневнику, опять продолжают досаждают Пушкину дворцовые обязанности. Так, 5 декабря он записывает (12, 333), что завтра, то есть в день именин Николая I, нужно явиться во дворец, но у него еще нет мундира, а главное, он не хочет представляться с другими камер-юнкерами, «молокососами 18-летними». «Царь рассердится — да что мне делать», — обреченно признается Пушкин. И далее занимается легким злословием в адрес царя: во время пребывания в Москве ухаживал за молодой княжной Долгоруковой²⁰³, «однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с московскими актрисами», в Нижнем Новгороде «был очень суров и встретил дворянство немилостиво». В завершение этой записи, сделанной уже после 5 декабря, сообщается, что 6 декабря он не явился во дворец, сказавшись больным, и царь собирался прислать за ним фельдъегеря или врача. То есть между Пушкиным и царем происходят мелкие стычки, касающиеся дворцового этикета.

Е. Н. Гончарова²⁰⁴, сестра Н. Н. Пушкиной, бывшая на балу 6 декабря вместе с нею, в письме брату сообщала: «Она (Н. Н. — В. Е.) танцевала полонез с Императором; Он, как всегда, был очень любезен с нею, хотя и немножко вымыл ей голову из-за мужа, который сказался больным, чтобы не надевать мундира»²⁰⁵.

17 декабря Пушкин пишет Бенкендорфу (15, 203), прося его дать указание на выдачу тиража «Истории Пугачевского бунта» из типографии.

18 декабря в пушкинском дневнике запись о бале в Аничковом дворце (12, 334), где царь был очень

прост в своем обращении, «совершенно по-домашнему».

22 декабря Пушкин записывает (12, 334), что в гостях у Хитрово разговаривал с великим князем Михаилом, младшим братом царя, который насмешливо отозвался о подобострастном освещении в болгаринской «Северной пчеле» приезда царя в Москву.

Потом следует длинная запись разговора о дворянстве. Тут Пушкин высказывает свою любимую мысль: «...или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе как по собственной воле Государя». А дальше следует продолжение разговора, часто цитируемое пушкинистами: «Что касается до третьего сословия, что же значит наше старинное дворянство с именными, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много» (12, 334–335).

Здесь Пушкин указывает на участь некогда знатных родов, обедневших в результате раздробления имений при наследовании, имея в виду и род Пушкиных. Именно эти дворяне, оказавшиеся в положении европейского третьего сословия, и вышли, по убеждению Пушкина, на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года.

Далее Пушкин высказывает известную мысль о том, что в России все государственные преобразования производятся сверху, и, таким образом, приходит к заключению, конечно, имея в виду прежде всего Петра I, что

все члены династии Романовых — «революционеры и уравниатели». Это, конечно, обдуманый комплимент великому князю, но и попытка настроить его мысль на либеральный лад, в том числе и в «вопросах воспитания». Недаром завершается запись этого разговора в дневнике пушкинским признанием: «Я успел высказать ему многое. Дай Бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!» (12, 335).

Он продолжает верить в предназначение поэта «истину царям с улыбкой говорить»²⁰⁶.

В дневниковой записи 8 января 1835 года (12, 335) Пушкин предлагает начать новый год «злословием, на счастье» и приводит, в частности, образчик язвительного юмора Николая I: ««Недавно Государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. „Дороже нет“, — отвечал Волконский. „Если так, делать нечего, — отвечал Государь, — я хотел тебе сделать подарок — возьми ее себе“. Вообразите себе рожу старого скряги» (12, 336).

26 января 1835 года Пушкин в письме Бенкендорфу (16, 7) просит позволения передать через него царю замечания к «Истории Пугачевского бунта», на что ранее было получено «Высочайшее соизволение»²⁰⁷. Значит, Николай I так и не нашел «угодного» для него времени, отметим мы, чтобы принять Пушкина с только что отпечатанной «Историей»²⁰⁸.

В том же письме Пушкин просит разрешения прочесть пугачевское дело, находящееся в архиве, с тем, чтобы составить краткую выписку из него, «если не для печати, то, по крайней мере, для полноты» своего труда.

29 января Бенкендорф передает Николаю I пушкинские «Замечания о бунте», а на пушкинском письме пишет: «29 января 1835 г. Государь принял и велел его благодарить; позволяет Пушкину читать все дело Пугачева и просит сделать выписку для Государя, дать знать, где следует, должно быть министру юстиции»²⁰⁹.

В феврале Пушкин делает в дневнике запись об отстранении протоиерея, профессора Петербургской духовной академии Павского²¹⁰ от занятий с наследником (12, 337). Это явилось результатом обвинения Павского митрополитом Филаретом²¹¹ в том, что в двух его книгах «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе» находятся «неблагонамеренные места». Царь не стал вмешиваться в дела духовные, «но ласково простился с Павским». Пушкину жаль умного и доброго священника (Павский был еще и крупным филологом)!

После этого следует запись: «В публике бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают».

Как уже отмечено выше, надежды Пушкина поправить свои материальные дела за счет издания «Истории Пугачевского бунта»²¹² не оправдаются.

Под гнетом долгов

Из чернового письма Бенкендорфу, написанного около (не позднее) 11 апреля 1835 года²¹³, видно, что материальная ситуация становится для Пушкина и его семьи все тяжелее. В мае ожидается рождение нового ребенка²¹⁴. Не получая предполагавшихся доходов от продажи «Истории Пугачевского бунта», Пушкин ищет новые способы поправить свое материальное по-

ложение. Теперь его надежды связаны с изданием собственной политической и литературной газеты, такой же, как он задумывал в 1832 году. Пушкин признается, что ремесло это «не его», но жизнь в Петербурге, «вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные», требуют от него или оставить исторические труды, которые «стали ему дороги», или опять обращаться за помощью к царю, рассчитывая на его щедрость.

Таким образом обосновывает он необходимость для него издания собственной газеты, в которой публиковались бы свежие мировые и российские политические новости, как это происходит в «Северной пчеле». Материалы же литературные Пушкин предполагает печатать раз в квартал отдельным изданием наподобие лондонской «Westminster Review».

Кроме того, Пушкин заранее ищет защиты от министра народного просвещения С. С. Уварова²¹⁵ и председателя цензурного комитета М. А. Дондукова-Корсакова²¹⁶. В связи с чем просит назначить цензора будущего издания из канцелярии III Отделения, как это установлено для «Северной пчелы».

Это письмо осталось в черновом виде, Пушкин не готов был его отправить.

Вместо этого он пишет Бенкендорфу 11 апреля другое письмо (16, 18), в котором просит предоставить на рассмотрение царю «Путешествие в Арзрум», которое он хотел бы напечатать в ответ на книгу французского дипломатического агента и писателя «Путешествия на Восток», позволившего себе представить в ней Пушкина в ироническом свете. Пушкин также просит Бенкендорфа о личной встрече — вероятно, чтобы обсудить вопросы, изложенные в упомянутом чуть выше черновом письме.

Утром 16 апреля²¹⁷ Пушкин принят Бенкендорфом и представляет ему свои соображения по поводу издания собственной газеты с ежеквартальным литературным приложением («Летописец»), в котором должен был принимать участие В. Ф. Одоевский²¹⁸, а также, вероятно, пожаловался на цензурные притеснения Уварова и Дондукова-Корсакова. Тогда же было передано для императора «Путешествие в Арзрум».

2 мая Пушкин подает в Министерство иностранных дел прошение на имя императора об отпуске на 23 дня для поездки в Псковскую губернию, а 3 мая увольняется в отпуск на 28 дней²¹⁹ и выезжает в Тригорское. 8–9 мая Пушкин находится там, в семье П. А. Осиповой, и производит впечатление утомленного жизнью человека²²⁰. Но 15 мая он уже опять в Петербурге, приехав на день позже рождения второго сына, названного Григорием. А 24 мая официально считается приступившим к работе²²¹.

Новая черновая редакция письма к Бенкендорфу, датируемая апрелем — маем 1835 года (16, 29) (ср. выше черновое письмо около, не позднее, 11 апреля 1835 года), позволяет понять: проект с изданием новой газеты, предложенный Пушкиным, был отвергнут. Пушкин признает, что этим решением царя с него «снято тяжелое бремя». Но отсутствие состояния у него и у жены, расстроенные дела отца не оставляют для него другой возможности, кроме как «прибегнуть к щедротам Государя, который теперь является» его «единственной надеждой». Пушкин просит предоставить ему займы 100 тыс. руб. на десять лет, без процентов, прекратив выплату ежегодного жалованья в 5 тыс. руб., которое он рассматривает как процент

с капитала в 125 тыс. руб. При удовлетворении этой просьбы, признается он, он был бы «совершенно счастлив и спокоен». Это письмо тоже, по-видимому, осталось неотправленным, потому что столь крупный заем у царя вряд ли был возможен. Пушкин, ища выход из материальной западни, решает просить у царя длительного отпуска на три-четыре года. Он пишет новое письмо Бенкендорфу 1 июня 1835 года (16, 31), где повторяет прежние формулировки из двух написанных ранее, но не отправленных Бенкендорфу писем (см. выше).

Ощущая необходимость покончить с расходами, необходимыми при проживании семьи в Петербурге, расходами, сулящими в будущем «не только беспокойство и хлопоты, а может быть, нищету и отчаяние», Пушкин просит предоставить ему возможность «уединенной жизни в деревне» в течение трех-четырех лет. Но оговаривает при этом, что хотел бы затем вернуться к продолжению работы над историей Петра I и сохранить за собой доступ в архивы. Письмо преисполнено благодарности к императору за предыдущие «благодетельства» и уверением, что при малейшем его неудовольствии новой просьбой об отъезде в деревню (после просьбы отставки в июне 1834 года) он предпочтет остаться в своем теперешнем положении, нежели потерять во мнении того, кто был его «благодетелем, не как монарх, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной».

Николай I написал на письме следующую резолюцию: «Нет препятствий ему ехать, куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласовать сие со службой; спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет воз-

можности его уволить на столь продолжительный срок»²²².

Пушкин узнаёт об этой резолюции Николая I только 4 июля 1835 года и откликается на нее новым письмом к Бенкендорфу от того же числа (16, 37), в котором фактически просит отставку («...предаю совершенно судьбу мою в Царскую волю»), но беспокоится о доступе в архивы («...когда обстоятельства позволят мне остаться в Петербурге»).

Бенкендорф на письме Пушкина записывает слова царя: «Если ему нужны деньги, Государь готов ему помочь, пусть мне скажет, если нужно дома побыть, то можно взять отпуск на четыре месяца»²²³.

На основании этого письма Пушкин оформит отпуск с 7 сентября 1835 года на четыре месяца и поедет в Михайловское с надеждой поработать.

В письме Н. И. Гончаровой от 14 июля 1835 года Пушкин признается: «...ожидая решения судьбы моей от Государя, который очень был ко мне милостив и коего воля будет для меня законом».

22 июля Пушкин, пытавшийся встретиться с Бенкендорфом, но не застав его, пишет ему новое письмо (16, 41). Ему каким-то образом стала известна реакция Николая I на его письмо от 4 июля, зафиксированная на нем Бенкендорфом, и это объясняет благодарность в адрес последнего.

Далее Пушкин сообщает сумму долгов в 60 тыс., накопившихся за последние пять лет жизни в Петербурге. К этому добавились расходы, связанные с тем, что он вынужден был «взять в свои руки» дела семьи, то есть дела родителей и брата Льва Сергеевича. И далее повторяет вновь, что у него остается лишь два пути разрешить материальные проблемы: на несколько лет

уехать в деревню «либо одновременно занять крупную сумму денег».

«Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе Государя не смущает на никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния Его Величества и что мне невозможно просить чего-либо...» — так завершает Пушкин свое письмо и «вверяет решение своей участи» Бенкендорфу.

Пушкин, вновь узнавший каким-то образом о благожелательной реакции Николая I на его письмо от 22 июля, пишет новое письмо Бенкендорфу 26 июля (15, 42). Сознываясь, как тяжело выдвигать новые просьбы в ответ на «неожиданную милость» со стороны царя, Пушкин просит дать ему займы 30 тыс. руб. с прекращением выплаты жалованья вплоть до погашения долга. Эта сумма, составляющая половину всех его долгов, должна пойти на погашение «долгов чести».

Бенкендорф запишет на этом письме: «Император отпускает ему 30 000 рублей с удержанием, как он этого просит, его жалованья». На письме также сделаны канцелярские пометы о передаче соответствующих уведомлений в министерство иностранных дел и министру финансов²²⁴.

Однако министр финансов Е. Ф. Канкрин²²⁵ рассудил по-другому, письмом от 24 августа он сообщил о своих действиях К. К. Родофиникину²²⁶: «Во исполнение сего предложил я Департаменту Государственного казначейства учинить распоряжение о выдаче из Главного казначейства г. камер-юнкеру Пушкину ссуду означенных 30 000 руб. с удержанием из оных следо-

вавших от него на срок 22 марта сего года 10 000 руб. с причитающимися за просрочку процентами по ссуде 20 тыс. рубл., в 1834 году ему предложенной...»²²⁷ и просил объявить об этом решении Пушкину, что будет сделано 6 сентября.

30 июля 1835 года Николай I, отправляясь в Калиш, центр Калишского воеводства в Царстве Польском, для встречи с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III, оставляет завещание своему семнадцатилетнему сыну Александру, будущему императору Александру II. Жестоко подавив Польское восстание 1830–1831 годов, он опасается покушения на себя во время пребывания в Польше. Как человек аккуратный и предусмотрительный, он считает необходимым составить завещание²²⁸.

Завещание это интересно во многих отношениях, прежде всего продуманностью всех необходимых шагов наследника при восшествии на престол с самого момента получения известия о смерти отца. Но более всего нас интересует связь завещания с пушкинским «Борисом Годуновым». П. М. Бицилли, сопоставив в свое время текст николаевского завещания с текстом завещания Бориса Годунова своему сыну Феодору, нашел между ними удивительное сходство.

Есть случаи дословного совпадения двух текстов (они выделены курсивом):

Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затяживай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...

Сначала, входя в дела,
спрашивай, как делалось до
тебя, *и не изменяй ни*
в чем ни лиц, ни порядка
дел. Дай себе год или два
сроку, хорошо ознакомься
с делами и с людьми —
и тогда царствуй*.

*Будь милостив, доступен к иноземцам.
Со строгостью храни устав церковный...
О милый сын, тыходишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость...
В семье своей будь завсегда главою;
Мать почитай, но властуй сам собою —
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель, остаешься.*

*Будь милостив и доступен ко всем несчастным.
Соблюдай строго все, что
нашей церковью предписывается.
Ты молод, неопытен
и в тех летах, в которых
страсти развиваются, но
помни всегда, что ты должен
быть примером благочестия,
и веди себя так,
чтобы мог служить живым
образцом.*

У тебя остается нежная мать — утешать ее, беречь, чтить и слушать ее советов — твоя священная обязанность...

Три брата у тебя, которым отныне ты служить должен отцом... Блюда о сестрах; люби их нежно, старайся об будущей их участи...

Сопоставив тексты, Бицилли отметил следующее: «Влияние образца сказалось в Завещании не только на выборе предметов, насчет которых даются наставления, но и на способах выражения. Николай I знал, как видно, монолог наизусть — нельзя же предположить, что он заглядывал в “Бориса Годунова”, когда писал свое “наставление”»²²⁹.

Но возвратимся к Пушкину. 28 августа он пишет (16, 45) управляющему государственным архивом В. А. Поленову²³⁰, которому сообщает, что в восьми связках документов, доставленных ему из петербургского Сената, он не нашел следственного дела Пугачева и просит приказать «снести о том с А. Ф. Малиновским», управляющим московским архивом.

В этот же день Пушкин обращается в Главное управление цензуры (16, 229) в связи с возникшим

неожиданно для него требованием пропускать все его произведения через обычную цензуру. Пушкин ставит цензурное управление в известность, что в 1826 году император Николай I объявил ему, что сам будет его цензором, и тем самым освободил от обычной цензуры, что таким образом были изданы «Цыганы» (1827), 4, 5, 6, 7 и 8-я главы «Евгения Онегина» (1827, 1828, 1831, 1833), Полтава (1829), 2-я и 3-я часть Мелких стихотворений; 2-е, *исправленное* издание поэмы «Руслан и Людмила» (1828), «Граф Нулин» (1828), «История Пугачевского бунта» и проч.

Пушкин возражает против своевольных исправлений в поэме «Анджело» при публикации ее в альманахе «Новоселье» Смирдина и сообщает, что в ответ на его возражения попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Дондуков-Корсаков заявил, что не может в дальнейшем печатать пушкинские произведения так, как они печатались ранее, то есть с разрешения царя.

Пушкин также ставит в известность управление, что в мае получил разрешение царя печатать «Путешествие в Арзрум».

И в заключение спрашивает, «какую новую форму соизволит» предписать цензурный комитет для представления его рукописей в типографию?

Письмо Пушкина Уваров переслал в III Отделение. Ответ III Отделения нам неизвестен. Но сохранился ответ главного управления цензуры от 26 сентября 1834 года, из которого следует, что порядок представления произведений Пушкина в типографию остается прежним для тех произведений, которые одо-

брены царем, но те произведения, которые Пушкин не представлял на высочайшее рассмотрение, должны проходить обычную цензуру²³¹. То есть все осталось, как было.

6 сентября при получении в Государственном казначействе выделенной ему царем ссуды Пушкин обнаружил, что из ожидаемой им суммы вычтены 10 000, в счет погашения половины предыдущей ссуды 1834 года, и проценты за просрочку срока погашения долга по предыдущей ссуде. Это было сделано по распоряжению министра финансов Канкрин (см. выше).

В тот же день Пушкин пишет письмо Канкрину (16, 46), где излагает «историю вопроса», а затем сообщает, что Николай I удовлетворил его просьбу о выдаче «взаимы» 30 000 руб., которые нужны ему «в обрест», и о удержании годового жалованья до уплаты всей занятой суммы. И просит о разрешении получить «сполна» выделенную царем сумму.

7 сентября 1834 года в соответствии с резолюцией Бенкендорфа на его письме от 4 июля 1834 года (см. выше) Пушкин уезжает в разрешенный ему отпуск на четыре месяца в Михайловское в надежде что-то написать. Но мыли о долгах не отпускают его.

14 сентября в письме жене (16, 47) он спрашивает, посетила ли она графиню Е. З. Канкрину, жену министра финансов, чтобы через нее просить Канкрин исполнить просьбу, содержащуюся в письме к нему от 6 сентября. В случае неудачи он «адресует ее» к родственнику В. Г. Юрьеву²³², которого, иронизируя, называет графом.

21 сентября Пушкин вновь пишет жене (16, 48) и вновь с ужасающей безысходностью упоминает о мучающих его материальных проблемах:

«А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполովину промотал; Ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики²³³, ни в журналисты²³⁴. Писать книги для денег, видит Бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Все держится на мне, да на тетке²³⁵. Но ни я, ни тетка не вечны».

Те же невеселые размышления в письме жене от 29 сентября (16, 51): «Канкрин шутит — а мне не до шуток. Государь обещал мне *Газету*, а там запретил; заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способам жить моими трудами». И дальше о том, что отец «мотает имение» и Гончаровы губят свое.

«Что из этого будет?» — спрашивает Пушкин. И отвечает: «Господь ведает».

Н. Н. Пушкина 1 октября обращается за денежной помощью к брату Д. Н. Гончарову (1808–1860) с просьбой прислать «несколько сотен рублей»: «Муж мой уехал и оставил мне только сумму, необходимую для содержания дома. В случае, если ты не сможешь этого сделать, не сердись на мою нескромную просьбу, прямо откажи и не гневайся»²³⁶.

Проблемы материального неустройства, общее уныние, вызванное этим, отражаются и в том, что пишет Пушкин в Михайловскую осень: перевод начала драмы «Сокол» Барри Корноулла²³⁷ «О бедность! Затвердил я наконец...», черновой отрывок стихотворения «Жалоба» Кольриджа «Как редко плату получает / Великий добрый человек...». Даже в эпиграмматическом набро-

ске «К кастрату раз пришел скрипач», где явлен иной взгляд на проблему, все равно присутствует тема бедности и богатства. В стихотворении «Вновь я посетил...» явно ощутим мотив заката жизни, прощания с любимыми местами.

В том же письме от 29 сентября 1835 года (см. выше) Пушкин жалуется, что ему не пишется: «Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю... ни стихов, ни прозы писать не думаю».

23 октября Пушкин, задолго раньше срока, возвращается в Петербург в связи с получением известия о болезни матери.

Во время отсутствия Пушкина в Петербурге граф Канкрин доложил его просьбу, содержащуюся в письме от 6 сентября (см. выше), императору и получил положительный ответ. Николай I, проявляя великодушие, распорядился возвратить Пушкину недоданные деньги, «долг же (по ссуде 1834 года — 20 тыс. руб.) рассрочить на четыре года, начиная с 1836-го, без процентов»!²³⁸

По возвращении в Петербург Пушкин, прочитав уведомление о том, что деньги, вычтенные из ссуды, будут возвращены и что выплата за предыдущую ссуду рассрочена на четыре года, тут же написал благодарственное письмо Канкрину (16, 56).

Около 23 октября Пушкин в продолжение борьбы с Уваровым и Дондуковым-Корсаковым набросал жалобу Бенкендорфу на притеснения цензуры, в частности самовольное изменение в тексте поэмы «Анджело» (см. выше пушкинское обращение в Главное управление цензуры от 28 августа 1835 года). Но, видимо узнав, что для произведений, одобренных царем, порядок остается прежний, а в остальных случаях

сохраняется обычная цензура, Пушкин оставил это письмо недописанным.

В письме П. А. Осиповой от 26 декабря 1835 года (16, 68) Пушкин сообщает, что царь «только что» (14 декабря 1835 года) издал указ о смягчении наказания ссыльным декабристам, в том числе Кюхельбекеру, которому крепость заменили на поселение в Южной Сибири (г. Баргузин Иркутской губернии), и высказывает надежду, что Кюхельбекеру разрешат поселиться в смоленском имении его сестры Ю. К. Глинки²³⁹.

Заканчивается письмо обещанием выслать заемное письмо Осиповой, которой Пушкин, взявший на себя управление имениями отца, тоже должен.

31 декабря в письме Бенкендорфу (16, 69) Пушкин просит представить на рассмотрение императора переведенные им записки французского офицера, бригадира Моро де Бразе (1663–1723), о турецком походе 1711 года Петра I, снабженные его примечаниями и предисловием. Пушкин характеризует записки «любопытными и дельными» и считает важным историческим документом, едва ли не менее важными, чем «Журнал самого Петра Великого».

Кроме того, он просит разрешить ему в 1836 году четыре тома (по одному в квартал) чисто литературного издания, наподобие, как он писал ранее, лондонского «Review». «Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием Государя», — пишет Пушкин, вновь рассчитывая на участие царя.

«Современник»

10 января 1836 года Бенкендорф после разговора с Николаем I пишет на письме Пушкина от 31 декабря 1835 года с просьбой о собственном литературном издании: «Государь позволил через Цензуры, о чем уведомить Уварова»²⁴⁰.

Около 15 января 1836 года Пушкину становится известно, что Николай I разрешил ежеквартальное литературное издание, которое в окружении Пушкина начинают называть журналом²⁴¹.

В эти же дни в Петербурге появляется книжка «Московского Наблюдателя»²⁴² с одой Пушкина «На выздоровление Лукулла», написанной в конце октября — начале ноября 1835 года. Ода была воспринята всеми как сатира на Уварова, который готовился стать наследником внезапно заболевшего богача Шереметева²⁴³. Видя себя наследником, Уваров при живом еще Шереметеве принял меры к охране его имущества, однако Шереметев поправился.

По красноречивым воспоминаниям некоторых современников, которые мы обязались не использовать в настоящей работе, Уваров был взбешен, и это не вызывает сомнений. Резонно предположить и то, что он немедленно пожаловался императору на пушкинскую сатиру, потому что в бумагах Пушкина сохранилось черновое письмо Бенкендорфу, в котором он защищается от нападок Уварова; мы рассмотрим его чуть позже.

Ода вызвала неудовольствие Николая I, но это не повлияло на судьбу готовящегося пушкинского издания.

Уваров, несмотря на свое возмущение одой Пушкина, вынужден был исполнять свои обязанности, в том числе и связанные с подготовкой издания пушкинского журнала. Так, 16 января он сообщает Бенкендорфу, что, согласно воле императора, предписал цензурному комитету исполнять все формальности, необходимые для подготовки пушкинского журнала²⁴⁴.

15–19 января 1836 года Пушкин, по-видимому, пишет письмо Дондукову-Корсакову и просит назначить цензора для его журнала²⁴⁵. Это подтверждается ответным письмом Дондукова-Корсакова Пушкину от 19 января (16, 72), выдержанным в чрезвычайно любезном тоне. Он сообщает Пушкину, что цензором для предполагаемого пушкинского журнала назначен А. Л. Крылов (1798–1858), а также высказывает сожаления по поводу «неудовольствий», «причиненных» Пушкину цензурным комитетом, причины которых он до сих пор не знает. Дондуков-Корсаков призывает Пушкина в дальнейшем со всеми «требованиями относительно Цензурного комитета» обращаться прямо к нему, а он, в свою очередь, почтет за удовольствие исполнить их, если они не будут противоречить правилам цензурного комитета.

16–20 января Пушкин, вероятно, давал объяснения Бенкендорфу по поводу оды «На Лукулла», ему был сделан выговор и предложено дать объяснения Уварову²⁴⁶.

На следующий день после встречи с Бенкендорфом в объяснительном письме к нему²⁴⁷ по поводу оды Пушкин отмечает, что в стихах нет никаких конкретных указаний на кого-либо, и пишет: «Сатирическая часть направлена против гнусной жадности наследника, который во время болезни своего родственника

приказывает уже наложить печати на имущество, которого он жаждет».

Также он настаивает на том, что в любом сатирическом стихотворении «злоязычие» всегда находит намеки и применения, ссылаясь в качестве примера на оду Державина «Вельможе», которую применяли к Потемкину и другим знатым лицам.

Далее он замечает: если в образе «низкого скупца, пройдохи, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д.» публика узнала человека, «удостоенного важной должности», тем хуже для публики. И, лукавя, просит указать, «какая черта» его оды может быть применена к конкретному человеку.

Письмо не дописано и осталось в черновом виде.

Тем временем оду на «Лукулла» перевел на французский язык профессор Казанского университета Альфонс Жобар (1793–1865), подвергавшийся преследованиям Уварова. 16 марта Жобар пишет письмо Пушкину, в котором его перевод оды на французский язык, а также копия письма Уварову, в котором Жобар предупреждает министра, что опубликует свой перевод в Европе с необходимыми комментариями²⁴⁸.

Письмом от 24 марта (16, 94) Пушкин называет перевод Жобара прелестным, «гордится» расположением, которое питает к нему Жобар, но «умоляет» не публиковать перевод за границей. Затем, учитывая перлюстрацию его писем, делает признание в том, что сожалеет о публикации своей оды, написанной «в минуту дурного расположения духа».

«Ее опубликование, — пишет Пушкин, — навлекло на меня неудовольствие одного лица²⁴⁹, мнением ко-

торого я дорожу и пренебречь которым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным».

11 апреля 1836 года вышел в свет первый том пушкинского журнала «Современник». Он открывался стихотворением Пушкина «Пир Петра Первого», напечатанным без подписи:

Над Невою резво выются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует Царь великий
В Петербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот²⁵⁰,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует Государь,
День, как жизнь своей державы,
Спас от Карла русский Царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Петербурге-городке,
И пальба, и гром музыки,
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Стихотворение восславляет милосердие Петра I и основано на реальном событии, запечатленном Ломоносовым, чьи слова Пушкин приводит в «Истории Петра»: «Простив он многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил свою сердечную радость принятием их к столу своему и пушечной пальбою» (10, 15).

Заглавное положение стихотворения в томе в десятую годовщину казни пяти декабристов и ссылки десятков других в Сибирь обращено было, конечно, к Николаю I. И вряд ли стихотворение увидело бы свет, если бы царь сам цензурировал первый том «Современника», а не доверил это общей цензуре. Эта отсылка к милосердию Петра содержала и укор Николаю I, и призыв вернуть ссыльных, последовав примеру «пращура».

Стихотворение не вызвало реакции двора, замечание Пушкин получил по поводу другого материала тома.

В письме от 15 апреля (через четыре дня после выхода «Современника») Бенкендорф (16, 105) обращает внимание Пушкина на статью «Долина Ажитугай» Казы-Гирея²⁵¹, корнета лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, и предупреждает, что военные и государственные чиновники не должны печататься без разрешения «директоров департаментов, начальников штабов и генерал-интендантов», поскольку такой порядок установлен императором в 1834 году.

В завершение Бенкендорф просит Пушкина впредь не помещать в «Современнике» ни одного произведения «чиновников Жандармского корпуса, лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона и собственного конвоя Государя Императора», не получив предварительного разрешения начальника штаба или самого Бенкендорфа.

Дуэль и смерть

6 мая 1836 года Пушкин, находящийся в Москве с целью посещения московского архива, пишет жене (16, 112), что здесь идут о ней «кое-какие толки»,

будто она своим кокетством и жестокостью довела «кое-кого»²⁵² до того, что «он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц». То есть тема ухаживания царя за Н. Н. Пушкиной не исчерпана.

Денис Давыдов²⁵³ 2 июня, посылающий Пушкину вместе с письмом статью «О партизанской войне для „Современника“», спрашивает, не прислать ли для прочтения вступление к запискам о польской войне, которые он решил написать. При этом Давыдов считает, что все вступление нельзя напечатать, несмотря на то что оно написано в антилиберальном духе и «Царь наш выставлен, каким он истинно есть: твердым, великим и душой русским» (16, 122).

7 июня Н. А. Дурова²⁵⁴, кавалерист-девица, как называл ее Пушкин, в письме к нему пишет о Николае I: «...непостижимый страх овладевает мною при мысли о нашем Государе! Может быть, он и напрасен, но я не могу управиться с каким-то неприятным предчувствием» (16, 125).

В письме, написанном не ранее 25 июня, Пушкин объясняет Дуровой, что не может показывать царю ее «Записки» без особого предлога для этого, например, если цензура не пропустит их.

Между тем материальные проблемы продолжают тяготеть над Пушкиным. Так, 19 сентября 1836 года Н. Н. Пушкиной пришлось посетить ростовщика Юрьева и передать ему вексель Пушкина, он сохранился в бумагах поэта.

Вот этот вексель, с записями, появившимися уже после кончины Пушкина, являющийся еще одним подтверждением безотрадной материальной ситуации семьи поэта:

«Вексель, выданный В. Г. Юрьеву

№ 2 19 сентября 1836 г.

1836 года Сентября девятнадцатаго дня, Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Каммер Юнкер Александр Сергѣев сын Пушкин, занял Гвардейскаго Инвалида № 1 роты у Г. Прапорщика Василья Гавриловича Юрьева, денегъ Госу. асс. десять тысяч рубл. за указные проценты, сроком вперед по первое число Февраля будущаго тысяча восемь сот тридцать седьмаго года на которое и должен всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен он Г. Юрьев просить о взысканіи и поступленіи по законам. К сему заемному письму Двора Е. И. В. Камер-юнкер Александр Пушкин рую приложил

< на обороте >

№ 924 1836 года Сентября девятнадцатаго дня, въ СПбурге сіе Заемное письмо в Нотаріальной Конторе при написаніи явлено и в книгу подъ № девять сотъ двадцать четвертым записано. В доход города двадцать пять рублей принято.

Нотаріус Михайла Кабацкой

№ 146 1837 года Февраля перваго дня въ СПБурге, сіе Заемное Письмо въ Нотар. Конторѣ за неплатеж явлено и в книгу под № сто сорок шестым записано. В доходъ Города двадцать пять рублей принято

Нотаріус Михайла Кабацкой

Слѣдующіе по сему заемному письму деньги десять тысячъ рублей Ассигнаціями получили

сполна от Опеки, учрежденной надъ имениемъ
Каммер-юнкера А. С. Пушкина. 8-го Маія
1837 года

Прапорщик Юрьев»²⁵⁵.

19 октября Пушкин в письме к Чаадаеву²⁵⁶ (16, 171) излагает свою общественную позицию: «Хотя лично я сердечно привязан к Государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

22 октября К. О. Россет (1811–1866), брат А. О. Смирновой, пишет Пушкину взволнованное письмо. Он сообщает Пушкину, что Николай I возмущен «статьей» Чаадаева²⁵⁷, считает его сумасшедшим, распорядился учредить над ним надзор, «цензора отставить, а номер журнала запретить». В связи с этим, опасаясь за Пушкина, Россет просит его еще раз перечесть ответ Чаадаеву, а еще лучше не посылать его почтой.

4 ноября 1836 года, в 9 часов утра, Пушкин получил по почте «Диплом Ордена Рогоносцев», в котором содержится неприкрытый намек на связь его жены с Николаем I: «Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина²⁵⁸, единогласно избрали г-на Пушкина заместителем Великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена...»²⁵⁹.

Такие же письма получили друзья Пушкина.

В тот же день происходит объяснение Пушкина с женой, в результате которого он убедился в ее верности супружескому долгу. Пушкин узнает от нее о преследованиях, которым она подвергалась в последние недели со стороны Дантеса и Геккерна, и приходит к выводу, что диплом и его распространение — дело их рук²⁶⁰.

6 ноября Пушкин пишет письмо (16, 182) министру финансов Канкрину и заявляет о своем желании уплатить «сполна» причитающийся долг казне (читай Николаю I). Он хочет покончить с зависимостью от царя и от его милостей, дабы не давать оснований для сплетен. В качестве уплаты Пушкин предлагает 200 душ кистеневских крестьян и имение. При этом он просит не ставить в известность о его просьбе царя, «который, вероятно, по своему великодушию не захочет таковой уплаты», а «может быть, и прикажет простить» этот долг, что поставило бы его «в весьма тяжелое и затруднительное положение». То есть двусмысленность его ситуации стала бы еще более очевидной.

21 ноября Канкрин отвечает на письмо Пушкина от 6 ноября отказом, потому что считает такой способ уплаты долга неудобным и требующим согласования с царем.

Письмом от 21 ноября (16, 191) Пушкин сообщает Бенкендорфу, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна и что, будучи «единственным судьей и хранителем» своей чести и чести своей жены, он (Пушкин) не будет никому представлять доказательства такого утверждения. При этом Пушкин считает своим долгом «довести до сведения правительства

и общества», кто является автором письма, тем самым высказывая желание поставить в известность о прошедшем Николая I. Что и исполняет Бенкендорф.

23 ноября Пушкин вместе с Бенкендорфом, в нарушение всех принятых при дворе сроков предоставления аудиенций, принят Николаем I в его кабинете в Аничковом дворце в четвертом часу дня. Запись о том в камер-фурьерском журнале: «По возвращении с прогулки Его Величество принимал графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина».

Царь взял с Пушкина обещание ни под каким предлогом не стреляться с Дантесом²⁶¹, а в случае возобновления ухаживаний Дантеса за Н. Н. Пушкиной обратиться к нему.

Как известно, в критический момент конца января 1837 года Пушкин не выполнил ни одно из этих обещаний.

16 декабря в письме А. Г. Баранту²⁶² (16, 199) Пушкин упоминает о понятии «литературной собственности», введенном впервые принятым в России Цензурным уставом 1826 года, как о заслуге Николая I.

27 января около 5 часов вечера состоялась дуэль с Дантесом. Пушкин смертельно ранен.

В ночь с 27 на 28 января 1837 года Пушкину была доставлена доктором Арендтом²⁶³ записка от Николая I, завершающая их многолетнюю переписку:

«Если Бог не велит уже нам увидеться на этом свете, то прими мое прощение²⁶⁴ и совет умереть похристиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение»²⁶⁵.

После прочтения этой записки послали за священником.

Из письма Жуковского С. А. Пушкину: «В ту же минуту было исполнено угаданное желание Государя. Послали за священником в ближнюю церковь. Уми-рающий исповедался и причастился...»²⁶⁶

29 января 1837 года в 2 часа 45 минут Пушкин умер.

29 января 1837 года Жуковский обратился к Николаю I с просьбой об оказании материальной помощи семье Пушкина. В результате была учреждена специальная «Опека над малолетними детьми и имуществом камер-юнкера А. С. Пушкина», которой было поручено императором: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсия и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1500 руб. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать за казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единоновременно 10 тыс. руб.»²⁶⁷.

По-видимому, в тот же день Николай I пишет записку Бенкендорфу: «Пушкин умер; я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю вам послать Дубельта к Жуковскому, чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности. По истечении восьми дней²⁶⁸ эти два лица снимут печати и Жуковский разберет бумаги»²⁶⁹.

Тон императора сух, никаких сочувственных нот по поводу смерти национального гения, первого поэта России, несмотря на многолетние личные отношения. Но благодеяния Николая I в отношении Пушкина продолжатся и после его смерти, но распространятся теперь на вдову и детей погибшего. Это общеизвестно.

При этом мы видим, что при получении известия о смерти поэта человеческие чувства Николая I уступают место деловым соображениям: смерть поэта привлечет на прощание с ним массу народа, а это может представить опасность для власти и государства. Царь моментально эту опасность предвидит (раньше Бенкендорфа) и приказывает опечатать все бумаги Пушкина, дабы не распространились среди скорбящей публики какие-либо крамольные произведения, за которыми могут последовать противоправительственные призывы и действия.

В связи с возникшим вопросом о захоронении Пушкина в Святых горах Бенкендорф пишет Николаю I докладную записку (дата неизвестна): «Александр Строганов²⁷⁰ только что был у меня; его (Пушкина. — В. Е.) отец прислал его ко мне, чтобы испросить разрешение Вашего Императорского Величества Данзасу²⁷¹ сопровождать тело Пушкина в Псковскую губернию, где его хоронят.

Я думаю, что это трудно сделать, так как он уже предан суду²⁷²; но, может быть, было бы хорошо возложить эту обязанность на одного из друзей покойного. С своей стороны я уже избрал вчера одного жандармского офицера, который, облегчая путешествие, будет следить за всем, что будет происходить во время пути.

А. Бенкендорф».

Приписка Николая I:

«Я уже сделал очень много, разрешив ему (Данзасу) свободу до похорон; я не могу сделать больше, не входя в противоречие с самим собою. Почему Тургенев²⁷³, который обивал пороги, не сопровождает его?»²⁷⁴

Опасения и предосторожность Бенкендорфа становится понятны при ознакомлении с отчетом о действиях корпуса жандармов за 1837 год, где дается развернутая характеристика Пушкина, с точки зрения жандармского начальства.

Из «Обозрения расположения умов и некоторых частей государственного управления в 1837 году»²⁷⁵:

«В начале сего года умер от полученной на поединке раны знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя, он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. Сообразно сим двум свойствам Пушкина образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те, и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное; многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено»²⁷⁶.

Послесловие

Вспомним пушкинское стихотворение 1827 года:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

В настоящей хронике мы часто видим Пушкина именно с этой стороны — «в заботах суетного света», что естественно. Ведь не о поэзии же он переписывался и разговаривал с Бенкендорфом и Императором! Хотя иногда в центре обсуждения оказывались и вопросы, касающиеся его творчества. Правда, «Полтаву» Николай I ставил выше «Евгения Онегина», а «Клеветникам России» жаждал прочесть с таким рвением, которого не удостоил ни одного другого пушкинского стихотворения. При этом не будем забывать, что часть текста из «Бориса Годунова», как то с большой вероятностью предположил П. М. Бицилли, царь знал наизусть. Тем не менее Пушкину приходилось порой, подстраиваясь под представления венценосного читателя, называть собственное творчество «суетными занятиями», «безделкой».

Однако чаще всего предметом общения Пушкина с императором становились вопросы житейские. Такая тенденция определилась как преимущественная еще в 1830 году, когда Пушкин собрался жениться.

Тут же возникли просьбы к Николаю I. То документального подтверждения своей лояльности власти для удовлетворения запросов тещи, Н. И. Гончаро-

вой, опасаящейся, что ее будущий зять является неблагоденственным человеком. То по поводу «медной бабушки», скульптурного изображения Екатерины II, принадлежащего деду невесты, А. Н. Гончарову, вызванные тем, что Гончаровы не смогли выделить приданое Наталье Николаевне.

С переездом новоиспеченной четы в Петербург житейских проблем стало больше.

Красавица жена Пушкина вскоре, по желанию императора, становится неизменной участницей всех дворцовых балов. Начинается постоянная светская жизнь. А вращение в высшем свете требует соответствующих материальных затрат, необходимых, чтобы соответствовать придворному уровню. Ощувив недостаточность своих литературных доходов, Пушкин вступает в службу, становится историографом, взявшим на себя труд написать историю Петра I.

Скоро он убеждается в том, что годовое жалованье, положенное ему за это царем, не может решить его материальные проблемы. Приходится занимать деньги, где придется.

Он ищет выход. Просит разрешить ему издание газеты. Царь не дает согласия. Пушкин надеется поправить положение изданием «Истории Пугачева». Царь великодушен. Он одалживает деньги Пушкину на льготных условиях. Разрешает издать «Историю Пугачевского бунта» на казенный счет (с небольшой доплатой). Но и это не спасает. Книга плохо продается. Пушкин понимает, что спасением было бы уехать в деревню на несколько лет, года на три-четыре. Он просится в отставку. Это вызывает обиду и раздражение царя. Царь разрешает с условием, что все отношения между ними на этом заканчиваются и что доступ в ар-

хивы будет закрыт. Для Пушкина, увлеченного к этому времени историческими занятиями по истории Петра, закрытие архивов едва ли не более тяжелое последствие, чем царская немилость. Ему приходится отказаться от намерения уйти в отставку, дабы избежать большей беды. Близость к власти — вещь опасная!

Между тем сумма долгов растет!

Ничего не остается, как снова просить денег у царя, потому что столь крупные суммы не дает никакой ростовщик. Последние два-три года жизни мы то и дело видим Пушкина в довольно униженном положении. Он сам понимает это, клянет себя за то, что поступил на службу к царю, что стал его должником. Но ничего уже нельзя исправить. Неисполнимые долги грозят Пушкину нищетой и бесчестьем.

Итак, мы часто видим здесь другого Пушкина, житейского, запутавшегося в долгах, без того хрестоматийного глянца, который накладывался на его образ в течение без малого двух столетий.

Вместе с тем отметим, что, вступая 8 сентября 1826 года в прямые отношения с императором, Пушкин надеялся, используя это обстоятельство, влиять на монарха в сторону смягчения образа действий власти, творить, по возможности, «добрые дела», в частности способствовать освобождению сосланных декабристов или облегчению их участи. Но на этом пути его ожидали постоянные разочарования.

Николай I тоже предстает в нашей хронике в неожиданном ракурсе, особенно для тех, кто усвоил советский взгляд на этого русского монарха.

8 сентября 1826 года, сразу после коронации, Николай I еще не был уверен в себе, жестокая казнь пятерых декабристов, его подданных, свершившаяся

менее чем за два месяца до этого, еще тяготела над ним. Широкий жест, дарующий прощение опальному поэту, кумиру русской читающей публики, представлял властителя страны в благоприятном свете. И он это понимал.

Самоощущение Николая I в эти дни достаточно убедительно реконструировал Ю. М. Лотман: «...именно осенью 1826 г., как это видно из документов тех дней, например из переписки с великим князем Константином, Николай Павлович чувствовал себя весьма неуверенно. Коронационные торжества проходили безо всякого энтузиазма, нового императора Москва встретила торжественно, но холодно. Главное же, Николай Павлович, всю последующую жизнь показывавший себя актером, в этот период *не мог найти себе роли*. Для гвардии он был вчерашний бригадный командир, для России — царь, начавший свое правление с казней и ссылок. Популярности, которой Николай всегда жаждал, он не имел» (курсив Ю. М. Лотмана. — В. Е.)²⁷⁷.

Во время встречи с Пушкиным Николай I отлично сыграл роль великодушного монарха, сердечного и простого в общении со своим подданным, и тем буквально очаровал Пушкина, внушив ему оптимизм в отношении его собственной судьбы и относительно будущего России.

Нужно сказать, что царь в начале своего правления оправдывал пушкинские надежды. Впервые в России был разработан и 10 июня 1826 года введен в действие Цензурный устав, регламентирующий отношения издателей, писателей и цензуры. В апреле 1826 года было создано II Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии под руководством М. М. Сперанского, которое подготовило к 1830 году Полное собрание законов

Российской империи и Свод законов Российской империи. 6 декабря 1826 года был учрежден секретный комитет (Комитет 6 декабря), задачей которого стала разработка социальных реформ государственного устройства, в том числе отмена крепостного права. Следует добавить к этому успешные действия русской армии в Русско-персидской войне 1826–1828 годов, в результате которой Россия закрепила в Закавказье, присоединив к себе Восточную Армению. И столь же успешную Русско-турецкую войну 1827–1829 годов, закончившуюся присоединением к России Анапы и Поти, а также подтверждением автономных прав Сербии, Молдавского и Валахского княжеств. Таким образом, пушкинские строки в стихотворении «Друзьям»:

Россию вновь он оживил
Войной, надеждами, трудами —

имели под собой реальные основания.

Но люди, хорошо знавшие царя, всегда отмечали в нем самоуверенность и упрямство. После жестокого подавления в 1831 году Польского восстания его самоуверенность и склонность к разыгрыванию той или иной роли возрастают. Это уже не тот, внутренне не до конца уверенный в себе Николай I, с которым Пушкин беседовал 8 сентября 1826 года. Это человек твердый и жесткий, наслаждающийся своей властью. А в конце 1834 года идеологическая основа империи окончательно сформировалась в виде уваровской триады: «православие, самодержавие, народность».

При этом Николай I то и дело берет Пушкина под защиту, как это было в 1828 году при расследовании

дела о «Гавриилиаде», когда над поэтом нависла нешуточная («Снова тучи надо мною собралися в тишине...») угроза обвинения в богохульстве. Царь вступается за Пушкина во время его острого идейного противостояния с Булгариным в 1830 году и позже, невзирая на попытки противодействия Бенкендорфа, всячески поддерживавшего своего негласного сотрудника — ожесточенного противника Пушкина. Царь разрешает публикацию «Бориса Годунова», задержанную на несколько лет происками того же поддерживаемого Бенкендорфом Булгарина.

Однако пожалованием звания камер-юнкера, а затем своими мелочными придирками по поводу соблюдения дворцового этикета Николай отравляет Пушкину жизнь. Не в последнюю очередь именно мелочной пунктуальностью вызвана, видимо, раздраженная дневниковая запись Пушкина от 21 мая 1834 года о царе: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» (*франц.*). И это после обращенного к императору, приехавшему в холерную Москву для поддержания духа горожан, стихотворения 1830 года «Герой»! После восторженных дневниковых записей 1831 года о мужестве и бесстрашии того же Николая I во время усмирения холерных бунтов в Петербурге и в новгородских военных поселениях!

Еще одним отрезвляющим ударом послужили для Пушкина предание гласности содержания его перлюстрированного письма к жене от 20 и 22 апреля 1834 года и последовавшее затем обсуждение этого личного письма царем.

Но главной причиной разочарования Пушкина в Николае I стало осознание того, что параллель, на-

меченная в «Стансах» между ним и Петром I, становится все более эфемерной.

И в первую очередь неспособность прощать подданных, как это, по преданиям, делал великий пращур Николая I:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощение торжествует,
Как победу над врагом.

Пушкинские надежды на освобождение сосланных в Сибирь мятежников 1825 года не оправдались.

Образ действий Николая I все больше не соответствовал пушкинским представлениям о монархе как беспристрастном, справедливом и милостивом судье своих подданных, каковыми являются его Екатерина II по отношению к осужденному военным судом Гриневу в «Капитанской дочке» или Дук в «Андже-ло», восстанавливающий помянутую временщиком справедливость.

Разочарование Пушкина вызвано было и отсутствием социальных реформ, так и неосуществившихся, хотя в начале николаевского царствования они стояли в повестке дня.

Однако из документов и писем не видно, ощутил ли Николай I охлаждение в их отношениях со стороны Пушкина.

Нет, царь по-прежнему великодушен: выдает Пушкину в 1834 году беспроцентную ссуду, а в 1835-м — новую ссуду на льготных условиях при непогашенной даже частично предыдущей ссуде, разрешает открыть журнал «Современник», пытается предотвратить его дуэль с Дантесом осенью 1836 года.

И, наконец, берет на обеспечение семью Пушкина после его смерти, закрывает колоссальные пушкинские долги, дает распоряжение издать за казенный счет первое собрание сочинений Пушкина.

Итак, мы видим не только личные отношения монарха со своим подданным — великим поэтом, — но и просто отношения двух людей, двух личностей, в которых не все раскрывается стороннему взгляду. И уж, конечно, эти отношения между Пушкиным и Николаем I не укладываются в простую схему, тем более им не соответствуют те примитивные представления, распространенные в советское время, по которым Николай I всемерно демонизировался.

Достаточно правдоподобно обрисована эта коллизия П. М. Бицилли в его небольшой работе «Пушкин и Николай I». Мы на нее уже ссылались в связи с завещанием Николая I сыну Александру, удивительно совпадающим с текстом завещания Бориса Годунова сыну Феодору в пушкинской трагедии.

Вот суждение П. М. Бицилли, полемическое по отношению к позиции корифея советского пушкиноведения П. Е. Щеголева: «По мнению Щеголева, Пушкин-поэт для царя „не существовал“ и не мог существовать, потому что Николай „по условиям воспитания и образования не мог воспринимать красот поэзии и искусства“. Последнее утверждение опровергается хотя бы письмами Николая I к жене из Италии, из ко-

торых видно, что он не только „воспринимал красоты искусства“, но и способен был приходить от них в восторг. Тюремщиком Пушкина он был, да еще придирчивым и порою жестоким — может быть, бессознательно. Пушкин был *его подданным*, и иначе, как свысока, царь уже потому не мог смотреть на него... И в то же время Николай I не только *видел* гений Пушкина, не только *эксплуатировал* этот гений, но и сам находился под его обаянием. В пушкинском творении²⁷⁸ *актерская натура* Николая Павловича нашла для себя подходящую пищу. И „актерство“ Николая нередко изображается чересчур элементарно. Это был не простой „комедиант“, мастерски носивший личину и умевший втирать людям очки, не „арлекин“, как назвал Пушкин его брата²⁷⁹, но актер — как и царь — *Dei gratia*²⁸⁰, перевоплощавшийся в различные иггранные им роли и *веривший* в свои перевоплощения» (курсив П. М. Бичили. — В. Е.)²⁸¹.

Да, император Николай I ценил Пушкина-поэта, но ценил по-своему, «по государственному». В передаче его слов Бенкендорфом в письме Пушкину от 30 сентября 1826 году это звучало так: «Его Величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше». Таков был взгляд царя на творчество поэта на протяжении всего времени их отношений: самодержец искренне желал, чтобы гением Пушкина прославлялась Россия, как это осуществилось, например, в поэме «Полтава», и чтобы слава Пушкина была неразрывно связана со славой России.

Поэтому «Полтаву» он ставил выше «Евгения Онегина», а стихотворение «Клеветникам России»,

летом 1831 года находясь одновременно с Пушкиным в Царском Селе, жаждал получить для прочтения незамедлительно.

Еще меньше понимал Николай I с высоты своего императорского величества Пушкина как человека или понимал его по-своему. Такое непонимание порой представляло для Пушкина большую опасность.

При этом нельзя упускать из виду, что поэт находился под постоянным надзором ведомства Бенкендорфа и даже после смерти похороны его находились под контролем власти из-за опасений антиправительственных выступлений. Недаром в отчете о действии корпуса жандармов за 1837 год указывалось: «Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя, он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных»²⁸².

При этом, какие бы маски ни надевал Николай I и каким бы ни представал лицедеем в глазах современников, будем справедливы, в своих личных отношениях с Пушкиным он, как монарх, не раз проявлял по отношению к нему расположение, неизменно оказывал ему поддержку в критических ситуациях, в том числе и крупными денежными ссудами на льготных условиях, а после смерти поэта — его осиротевшей семье.

ЦАРЬ И БЕНКЕНДОРФ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ПУШКИНА С БУЛГАРИНЫМ

Борьбе А.С. Пушкина с Ф.В. Булгариным уделено в пушкиноведении достаточное внимание, в частности, Н.Я. Эйдельманом, Ю.М. Лотманом и другими известными пушкинистами. Мы остановимся лишь на двух ее эпизодах, в которых вовлеченными в эту борьбу оказались император Николай I и шеф III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Х. Бенкендорф.

Первый эпизод связан с выходом из печати 18–19 марта 1830 года седьмой главы «Евгения Онегина» и появившейся в связи с этим 22 марта 1830 года в «Северной пчеле», № 35, статьи Булгарина, в которой эта глава подверглась уничижительной критике:

«...очарование имени исчезло. И в самом деле, можно ли требовать внимание публики к таким произведениям, какова, например, глава VII *Евгения Онегина*. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение... Итак, надежды наши исчезли! Мы думали, что автор *Руслана и Людмилы* устремился

на Кавказ, чтобы напиться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии опять появился *Онегин*, бледный, слабый ... сердцу больно, когда взглянешь на эту картину! Все содержание этой VII главы в том, что Таню везут в Москву из деревни... Все описания так ничтожны, что нам верить не хочется, чтоб можно было печатать такие мелочи!..»

Критика Булгарина не понравилась Николаю I, и он не замедлил сообщить об этом Бенкендорфу в записке, написанной в тот же день, 22 марта: «Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере „пчелы“ находится опять²⁸³ несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина. К этой статье, наверное, будет продолжение, поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и если возможно, запретите его журнал»²⁸⁴.

Бенкендорф ответил императору через несколько дней, предположительно 25 марта:

«Приказания Вашего Величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на Онегина.

Я прочел ее, Государь, я должен сознаться, что ничего личного против Пушкина не нашел; эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путеше-

ствие за Кавказскими горами и великие события, обессмертившие последние года, не придали лучшего полета гению Пушкина. Кроме того, московские журналисты ожесточенно критикуют²⁸⁵ Онегина...»²⁸⁶.

Здесь мы прерываем ответ Бенкендорфа, чтобы прокомментировать процитированное.

Как видно из его ответа, он защищает Булгарина и, в частности, обращает внимание венценосного корреспондента на сетования своего подопечного по поводу отсутствия у Пушкина патриотических чувств: не воспел победу над Турцией²⁸⁷, свидетелем которой ему посчастливилось быть во время присутствия в действующей армии на Кавказе в 1829 году. Участие Пушкина в боевых действиях Бенкендорф подчеркнуто называет путешествием.

Особенно удивляет следующее утверждение Бенкендорфа: «...эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой».

На самом деле Пушкину еще в 1829 году стало известно о деятельности Булгарина как тайного осведомителя III Отделения. К тому же в ноябре 1829 года в трех номерах журнала «Сын Отечества» началась публикация романа Булгарина «Дмитрий Самозванец», в котором Пушкин обнаружил прямые заимствования из своей трагедии «Борис Годунов».

Это и стало причиной открытого конфликта.

Дело в том, что три с лишним года назад (в 1826 году) трагедия была представлена царю для прочтения — Пушкин надеялся получить разрешение на ее публикацию. Тогда Бенкендорф передал пушкинский текст некоему рецензенту, который подготовил замечания, использованные царем в своем ответе Пушкину. Царь

через Бенкендорфа предложил Пушкину переделать трагедию в «историческую повесть или роман наподобие Вальтера Скотта»²⁸⁸.

И вот обнаруженные заимствования из «Бориса Годунова» в болгаринском «Дмитрии Самозванце» подтвердили существовавшие у Пушкина подозрения: нанятым рецензентом трагедии в 1826 году был Булгарин, что стало еще одним подтверждением его сотрудничества с Бенкендорфом.

7 марта в «Литературной газете», № 14, появилась без подписи статья А. А. Дельвига «“Дмитрий Самозванец”. Исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина».

В статье, частности, отмечалось: «Не поименованных кукол, одетых в мундиры и чинно расставленных между раскрашенными кулисами, желает видеть в картине любитель живописи; он ищет людей живых и мыслящих и вследствие их жизни и мысли действующих; а место и одежда их должны только довершать очарование искусством обманутого воображения. То же самое желали бы мы найти и в романе г. Булгарина <...>

Мы еще более будем снисходительны к роману *Дмитрий Самозванец*: мы извиним в нем повсюду выказывающееся пристрастное предпочтение народа польского перед русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостию, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским.

Итак, мы не требуем невозможного, но просим должного. Мы желали бы, чтоб автор, не принимаясь

еще за перо, обдумал хорошенько свой предмет, измерил свои силы»²⁸⁹.

Булгарин, понимая, что заимствования из «Бориса Годунова» не могли остаться незамеченными, решил, что такую разгромную статью никто, кроме Пушкина, написать не мог.

Через четыре дня в «Северной пчеле» появился уже упомянутый «Анекдот», злобный пасквиль на Пушкина и его происхождение (хотя имя Пушкина, разумеется, не упоминалось), далеко выходящий за рамки приличия.

Тем самым Булгарин начал открытую войну против Пушкина.

14 марта Пушкин ответил Булгарину эпиграммой:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Эпиграмма распространилась по Москве, а затем дошла и до Петербурга, вызвав новый скандал, который выходит за пределы нашей темы.

Продолжением этой войны и стала булгаринская критика седьмой главы «Евгения Онегина», на которой мы уже останавливались, вызвавшая неудовольствие Николая I.

Но мы отвлеклись от переписки царя с Бенкендорфом. В процитированном фрагменте письма Бенкендорф защищал Булгарина, а в той части, что будет процитирована ниже, решил, можно сказать, перейти

в наступление, представив в негативном свете критику болгаринского романа:

«Прилагаю при сем статью против Дмитрия Самозванца, — пишет Бенкендорф, — чтобы Ваше Величество видели, как нападают на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочинение, то Вы нашли бы в нем очень много интересного, и в особенности монархического, а также победу легитимизма. Я бы хотел, чтобы авторы, нападающие на это сочинение, писали в том же духе, так как сочинение — *это со-
весть писателя*» (курсив Бенкендорфа. — В. Е.)²⁹⁰.

Николай I ответил Бенкендорфу на том же листе:

«Я внимательно прочел критику на Самозванца и должен вам сознаться, что так как я не мог пока прочесть более двух томов и только сегодня начал третий, то *про себя или в себе* размышлял точно так же. История эта сама по себе достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главного события. А потому с этой стороны критика, мне кажется, справедлива.

Напротив того, в критике на Онегина только факты и очень мало смысла» (курсив Николая I. — В. Е.)²⁹¹.

Таким образом, царь уничижительно отзываясь о романе Булгарина, признает критику его справедливой и, наоборот, признает критику седьмой главы «Евгения Онегина» несостоятельной.

Бенкендорф «разбит» по всем пунктам.

Правда, в конце императорского текста содержится некоторая уступка оппоненту, продиктованная чувством патриотизма, понимание которого у Николая I и Бенкендорфа, конечно, идентично:

«...хотя я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключи-

тельно этому весьма забавному роду литературы²⁹², но гораздо менее благородному, нежели его Полтава. Впрочем, если критика эта будет продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее везде»²⁹³.

Однако Бенкендорф, видимо, не проявил достаточной прыти для исполнения царского указания или Булгарин не захотел подчиниться, и продолжение его статьи с критикой седьмой главы «Евгения Онегина», как и предполагал Николай I, появилось в «Северной пчеле», № 39, 1 апреля 1830 года.

В связи с этим имеются указания на то, что Булгарин за неповиновение якобы был отправлен на гауптвахту. О том упомянул без ссылки, к сожалению, на источник П. Н. Столпянский²⁹⁴ в статье «Пушкин и „Северная пчела“ (1825–1837)»: «При появлении своем она (статья Булгарина. — В. Е.) вызвала даже неудовольствие Императора Николая I, и за нее Булгарин сел на гауптвахту»²⁹⁵.

Второй эпизод из литературной борьбы Пушкина с Булгариным, вовлеченными в который оказались царь и Бенкендорф, связан со стихотворением Пушкина «Моя родословная».

В письме Бенкендорфу от 24 ноября 1831 года Пушкин объяснил, что стихотворение «Моя родословная» написано в ответ на выходку Булгарина²⁹⁶:

«Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негрите-

нок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто» (14, 242, *франц.*).

Дальше Пушкин сообщал Бенкендорфу, что собирался напечатать стихотворение в «Литературной газете», но издатель газеты Дельвиг отсоветовал это делать:

«Я послал свой ответ покойному Дельвику с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось» (14, 242, *франц.*).

10 декабря 1831 года Бенкендорф ответил Пушкину. В своем ответе он дословно воспроизвел мнение царя о происходящем конфликте:

«Вы можете сказать от моего имени Пушкину, что я всецело согласен с мнением его покойного друга Дельвига. Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их произносит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них — *презрение*. Вот как я поступил

бы на его месте. Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно *его ума* будет лучше, если он не станет распространять их» (курсив Бенкендорфа или Николая I. — В. Е.) (14, 247, *франц.*).

Из этой переписки мы видим, что царь вновь оказался на стороне Пушкина, охарактеризовав выходку Булгарина как «низкие и подлые оскорбления», заслуживающие лишь презрения. Но, конечно, счел стихотворение непригодным для печати совсем по другой причине. Пушкинские строки:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов —

совершенно ясно, не намекали даже, а указывали на известные всем знатные ныне фамилии.

Таким образом, в обоих рассмотренных случаях Николай I предстает перед нами в несколько ином облике, чем был принят в советском пушкиноведении. Это не означает, что он во всем и всегда понимал Пушкина и в их отношениях не возникало острых кризисных ситуаций. Нет, эти отношения были сложными и неоднозначными, они требуют беспристрастного и объективного рассмотрения, без крена в ту или другую сторону. А главное, нужно не забывать о том, что прежде всего это были отношения дворянина со своим сувереном.

Именно к такому подходу призывал пушкиновед молодой Д. Д. Благой в своей ныне забытой книге «Социология творчества Пушкина»:

«...дворянское самочувствие Пушкина является ... драгоценнейшим социологическим ключом, открывающим не одну дверь художественного творчества Пушкина, разрешающим, как нам представляется, немало загадок его творческой эволюции»²⁹⁷.

ЦАРЬ ИЛИ КНЯЗЬ?

(К истории публикации стихотворения «Анчар»)

Известны два пушкинских автографа стихотворения, черновой и перебеленный, под последним стоит авторская дата: 9 ноября 1828 года. А впервые стихотворение опубликовано в «Северных цветах на 1832 год» в конце 1831 года под названием «Анчар, древо яда». Опубликовано в следующей редакции:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день зноя²⁹⁸ породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А Царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

В первом стихе последней строфы (33-й стих) — «Царь» в отличие от текстов черногого и перебеленного автографов, где было «князь». В собрании сти-

хотворений Пушкина 1832 года (часть третья), вышедшем 31 марта того же года²⁹⁹, возвращен вариант автографов 1828 года.

Не многим более полутора месяцев до этого, а именно 13 февраля 1832 года³⁰⁰, вышли из печати «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“» Пушкина, где повторена редакция «Северных цветов». История и статус этого издания подробно рассмотрены в недавно вышедшем комментированном издании того же названия³⁰¹.

Таким образом, на протяжении трёх месяцев «Анчар» был опубликован трижды, но в двух разных вариантах: два раза «Царь» и один раз «князь».

По этому поводу в советское время развернулась острая полемика. Так, Н. В. Измайлов³⁰² настаивал на варианте черновых автографов, а Д. Д. Благой³⁰³ считал, что нужно руководствоваться публикацией в «Северных цветах».

В третьем томе 16-томного Полного собрания сочинений Пушкина (1937–1949) «Анчар» дан со словом «князь» в первом стихе заключительной строфы. Однако в дополнительном, 17-м томе (1959 год) указано, что стих 33 стихотворения «Анчар» следует печатать по «первой публикации стихотворения» в „Северных цветах“»: «царь» вместо «князь»³⁰⁴.

В 10-томном Полном собрании сочинений под редакцией Б. В. Томашевского, напротив, сохранен первоначальный вариант: «князь», а не «царь».

Таким образом, вопрос о том, как все-таки должна публиковаться первая строка заключительной строфы «Анчара», до сих пор остается открытым.

Не менее интересным и важным представляется вопрос: почему при публикации в «Северных цветах» «князь» оказался заменен Пушкиным на «Царь»?

По мнению идеологически заряженных комментаторов советского времени, рассматривавших творчество Пушкина в отрыве от важнейших фактов его биографии, именно это позволяло видеть в «Анчаре» «одно из величайших созданий гражданской лирики Пушкина»³⁰⁵, имевшее «важнейшее значение для определения общественно-политической позиции Пушкина в годы после разгрома декабрьского восстания»³⁰⁶ — так писал Д. Д. Благой.

В унисон с ним Н. П. Смирнов-Сокольский считал, что в публикации стихотворения «Северными цветами» со словом «Царь», обнажалась «политическая сущность одного из самых смелых и вольнолюбивых стихотворений Пушкина»³⁰⁷.

На самом деле, если исходить из биографических сведений об отношениях поэта и императора в 1831–1832 годах, политический выпад в адрес Николая I со стороны Пушкина представляется совершенно невероятным.

Дело в том, что личность и деятельность императора импонируют Пушкину в эти годы, а порой вызывают искреннее восхищение, как, например, проезд царя в холерную Москву в конце сентября 1830 года, чтобы морально поддержать москвичей, быть с ним в эти трудные дни (см. анонимно опубликованное пушкинское стихотворение «Герой»). То же во время холерного бунта лета 1831 года в Петербурге.

Так, в письме Нащокину от 26 июня 1831 года, сообщая о бунте, Пушкин пишет: «Государь сам явился

на месте бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай Бог, чтоб и без кнута» (14, 181).

О том же и еще более пафосно сообщается П. А. Осиповой в письме от 29 июня 1831 года: «Государь говорил с народом. Чернь слушала на коленях — тишина — один царский голос *как звон святой* раздавался на площади» (14, 184).

И в дневниковой записи от 26 июля 1831 года находим сообщение о холерном бунте в военных поселениях Новгородской губернии: «Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад <...> и обещал к ним приехать. „Тогда я вас прощу“, — сказал он им. Кажется, всё усмирено, а если нет еще, то всё усмириться присутствием Государя»³⁰⁸.

Доверительность в отношениях поэта с царем подтверждается и их личным общением — напрямую или через Бенкендорфа. В виду затруднительного материального положения Пушкин обращается к Николаю I с просьбой разрешить ему издавать «политический и литературный журнал» или, что «более соответствовало бы» его «занятиям и склонностям», уточняет Пушкин, «заняться историческими изысканиями» в архивах и библиотеках дворца с целью написания истории Петра I. В письме от 21 июля (или около этого числа) 1831 года он пишет: «Если Государю Императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностью и усердием исполнять волю Его Величества и готов служить ему по мере моих способностей» (14, 256).

Любопытно, что в письме Нащокину, (14, 196–197) от того же числа о занятиях историей Петра I сообщается уже как о решенном деле: «...зимую зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне Царем». И тут же

Пушкин добавляет, что царь с ним «милостив и любезен»³⁰⁹.

То же и в письме Плетневу от 22 июля 1831 г. (14, 197–198) – Пушкин пишет, что царь взял его «в службу», дал жалованье, открыл архивы и, вообще, «очень мил» по отношению к нему.

При этом частично процитированное письмо Бенкендорфу явилось лишь бюрократической формальностью: вопрос о работе в архивах был уже решен Николаем I. Пушкин еще до этого письма встретился с царём на прогулке в Царском Селе и обсудил возможность получения доступа в архивы для написания упомянутого исторического труда³¹⁰.

Плетнев письмом от 25 июля 1831 года (14, 199) восхищается тем, что царь «балует» Пушкина, Глинка письмом от 28 июля (14, 200) просит «представлять» за него перед царем³¹¹. То есть Пушкин окончательно воспринимается друзьями и знакомыми как человек приближенный ко двору.

Интересен и важен для наших дальнейших рассуждений и следующий эпизод из царскосельской жизни Пушкина летом 1831 года. Николай I, так же находящийся в это время в Царском Селе, интересуется его стихами «Клеветникам России» и посылает за ними к Жуковскому, о чем Жуковский сообщает в своем письме от второй половины (не ранее 16) августа 1831 года (14, 208) Пушкину и предлагает ему переписать стихи и для императрицы. Значит, слух об этих стихах распространился среди патриотически настроенной публики по Царскому Селу, где находятся в это время и двор, и Пушкин, и Жуковский³¹².

Как известно, Вяземский критически отзывался на это и другие патриотические стихотворения Пушкина,

а стихи Жуковского «Певцу во стане русских воинов» и «Певец на Кремле» назвал «шинельной поэзией». И действительно, пушкинская позиция по поводу Польского восстания 1830–1831 годов полностью совпадала с официальной. Но не в связи с близостью ко двору и желания соответствовать политической линии двора — пушкинская позиция по польскому вопросу проистекала из его собственной концепции истории России. И здесь он был государственным и даже, по определению Георгия Федотова³¹³, «певцом империи».

С учётом всего перечисленного утверждения советских пушкиноведов о существовании злободневного антимонархического подтекста в «Анчаре» выглядят надуманными.

Совершенно прав был Н. В. Измайлов, утверждавший, что стихотворение не содержит политического подтекста: «...мрачное и загадочное творение Пушкина — „Анчар, древо яда“, этот таинственный образ, порожденный в далеких пустынях Востока, прошедший на пути к творческой обработке его нашим поэтом через истолкование науки и поэзии Запада»³¹⁴.

То же провозглашается и в другом месте его исследования: «Пушкин старался придать ему (стихотворению «Анчар». — В. Е.) вполне конкретные, этнографически-локализованные черты, выдерживая в духе восточной легенды, а не отвлеченной аллегории»³¹⁵.

Эта же мысль увенчивает исследование Измайлова:

«Проблема судьбы, проблема отношения человека к роковым силам, движущим мир, — лежат ли они за пределами человеческого сознания или воплощаются в государственной необходимости, — всегда мучительно занимала Пушкина. 1828 год особенно был наполнен тяжелыми думами об этой проблеме, воплощен-

ными в „Воспоминании“, в „Стансах о жизни“ („26 мая“) и в других вещах. „Анчар“ — одно из выражений раздумья о ней поэта — выражение грандиозное и трагическое, благодаря грандиозности и красочности образов»³¹⁶.

Глубоко обоснованную трактовку «Анчара» именно в этом ключе дал Валентин Непомнящий, который также рассмотрел «Анчар» в едином контексте с другими стихотворениями, такими как «Пророк», «Поэт», «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Дар напрасный, дар случайный...». По утверждению Непомнящего, мир предстает в «Анчаре» полностью «обезбоженным», управляемым «властью смертной „природы“ и обездушенной воли человека, совместно заменяющих Бога». «Анчар», по мысли Непомнящего, написан «не в тонах лирического разочарования (отсылка к стихотворению «Дар напрасный, дар случайный. — В. Е.), пусть самого отчаянного, а как страшная фантазия, своего рода антиутопия, с холодным ужасом и подчеркнуто дистанцированно»³¹⁷.

Добавим к этому, что внешний антураж в «Анчаре» (в пустыне чахлой и скупой) в точности тот же, что и в «Пророке» («в пустыне мрачной»), при этом в «Анчаре» нет Бога, как это подчеркнуто Валентином Непомнящим...

Но вернемся к поставленному нами вопросу: почему при публикации стихотворения в «Северных цветах», «князь» был заменен Пушкиным на «Царя»?

Н. В. Измайлов в упомянутой работе считал, что «князь», исключал всякие побочные применения, возникающие при редакции «Анчара» со словом

«Царь», и не позволял отвлечься от глубинного философского смысла стихотворения, что могло бы иметь место при другой редакции.

Но, с другой стороны, задумавшись, какое отношение может иметь этимологически связанное со славянством (и Европой) наименование «князь» к Востоку? Никакого. Напротив, царями в славянской книжной культуре называются многие правители прошлого, в первую очередь упоминаемые в Библии, запечатлевшей события из жизни восточных народов.

И вот летом — осенью 1831 года, готовя публикацию стихотворения в «Северных цветах на 1832 год», Пушкин решает заменить вынужденный в определенной степени (дабы избежать применений, нарушающих логический строй стихотворения) титул «князь», к тому же еще и необоснованный контекстом, на более подходящий и этнически достоверный в данном случае титул «царь». Он считает, что облечен, как это показано нами выше, достаточным доверием при дворе, чтобы у Николая I или у кого-то в его окружении возникли совершенно безосновательные, с пушкинской точки зрения, политические ассоциации, связанные со словом «Царь».

Однако публикация «Анчара» в «Северных цветах» на 1832 год совпала с рядом внутри политических и внешне политических событий.

Всё это обстоятельно рассмотрено в упомянутом в начале нашей статьи современном комментированном издании «Пушкин. Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“».

Именно в конце 1831-го — начале 1832 года III Отделение начало уделять повышенное внимание печатной продукции, и в том числе периодическим изданиям. Так, 7 февраля 1832 года датировано письмо Бенкендорфа министру народного просвещения К. А. Ливену о запрещении журнала Киреевского «Европеец».

В тот же день, 7 февраля 1832 года³¹⁸, Пушкин получил следующее довольно резкое письмо от шефа III Отделения: ««Генерал-адъютант Бенкендорф почтеннейше просит Александра Сергеевича Пушкина, доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год альманахе под названием „Северные цветы“ некоторые стихотворения его, и между прочим *Анчар*, *дерево яда*, без предварительного испрошения на напечатание оных Высочайшего дозволения» (15, 10, курсив подлинника).

При этом, заметим, из всех стихотворений, опубликованных в «Северных цветах», названо в письме лишь «Анчар, дерево яда», и, как станет ясно из дальнейшего контекста статьи, именно «дерево яда» и насторожило Бенкендорфа.

Таким образом, вопрос об «Анчаре» возник в ситуации ужесточения цензурной политики.

В ответном письме от того же 7 февраля³¹⁹ Пушкин оправдывается в том, что опубликовал стихотворение без царского согласия: «Я всегда твердо был уверен, что Высочайшая *милость*, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и *права*, данного Государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры» (15, 10, курсив подлинника).

И в черновом письме Пушкина Бенкендорфу от 18–24 февраля 1832 года речь опять идет исключи-

тельно о цензуре и нелепых цензурных «подразумениях». В частности, категорически возражая против желания Бенкендорфа взять на себя (на III Отделение) цензуру его стихотворений, Пушкин пишет: «Подвергаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре, я, вопреки права, данного Государем³²⁰, из всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре, ибо весьма простым образом — сия цензура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, allusions и затруднительности, — а обвинения в применениях и подразумениях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разумеать конституцию, а под словом *стрела* самодержавие» (15, 13–14, курсив подлинника).

При этом важно отметить, что начинается упомянутое черновое письмо с просьбы разрешить к печати «одно стихотворение»: «По приказанию Вашего Превосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, взятое от меня в альманах и уже пропущенное цензурой.

Я остановил его печатание до Вашего разрешения» (15, 13–14, курсив мой. — В. Е.).

Под стихотворением, конечно, имелся в виду «Анчар», а под «приказанием» Бенкендорфа — требование предоставить ему текст «Анчара».

Как и когда Пушкин ознакомил Бенкендорфа с текстом «Анчара», мы не знаем — письмо-то, частично процитированное нами, черновое. Но заметим, что «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“» вышли из печати 13 февраля и «Анчар» опубликован там со словом «Царь» и под тем же названием, что и в «Северных цветах»: «Анчар, древо яда». По-

видимому, небольшой тираж издания, предназначенный для распространения лишь среди друзей поэта, успокоил сомнения Бенкендорфа³²¹.

Следовательно, под изданием, упомянутом в черновом пушкинском письме, «*печатание*» которого Пушкин мог остановить, подразумевалось собрание стихотворений Пушкина 1832 года, уже подписанное в печать 20 января. К этому изданию мы обратимся чуть позже.

Что же касается переписки, черновое письмо от 18–24 февраля 1832 года осталось в бумагах Пушкина, а Бенкендорф получил от него другое письмо, датированное 24 февраля, но совсем иного содержания:

«С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, Всемилостивейше пожалованную мне Его Императорским Величеством. Драгоценный знак Царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предпринимаемого мною труда и который будет ознаменован, если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностью» (15, 14–15).

Дело в том, что 17 февраля с сопроводительным письмом Бенкендорфа Пушкину было доставлено, по указанию Николая I, в качестве личного подарка впервые в истории России осуществленное Полное собрание законов Российской империи в 55 томах³²².

Подарок царя в момент неллицеприятных объяснений с Бенкендорфом об «Анчаре» позволяет предположить, что выговор за публикацию стихотворения без одобрения царя (только с разрешения обычной цензуры), скорее всего, явился личной инициативой Бенкендорфа или, во всяком случае, царь не придавал этому факту серьезного значения.

А подарок царя Пушкину — еще одно подтверждение императорского благорасположения, особенно важного в существующей внешнеполитической ситуации, связанной с польским вопросом³²³.

Итак, издание собрания стихотворений 1832 года, уже подписанное в печать 20 января, было приостановлено Пушкиным.

А внешнеполитическая ситуация состояла в том, что в период Польского восстания 1830–1831 годов и после его жестокого подавления в начале осени 1831 года Россия подвергалась в Европе ожесточенной критике, одной из центральных тем которой оказалась холера в русской армии, что убедительно исследовано А. А. Долиным в не столь давней его статье об «Анчаре»³²⁴.

Автор обращает внимание на взаимосвязанность холерных бунтов в России (где в отравлении воды молва обвиняла поляков) с распространением холеры в Польше, которую заносила к ним русская армия, сплошь пораженная холерой. Польская и европейская пропаганда обвиняла Николая I в том, что он намеренно отправлял в Польшу зараженных солдат. Эти обвинения были поддержаны либеральными политиками и деятелями культуры Западной Европы, сочувствовавшими восставшей Польше.

«На фоне этой холерной топики совершенно закономерным представляется прямое уподобление Российской империи легендарному упасу, „дереву яда“, использованное видным английским поэтом и государственным деятелем Томасом Кемпбеллом»³²⁵, — сообщает А. А. Долинин.

В ведомствах Бенкендорфа и Нессельроде не могли не обратить внимание на «подозрительное сходство „Анчара, древа яда“ с антирусской риторикой Кемпбелла»³²⁶ и других защитников Польши. То есть пушкинский миф об «Анчаре» по стечению обстоятельств неожиданно совпал с «антирусской риторикой» в Европе.

Вряд ли в Польше или в Европе успели прочесть пушкинское стихотворение, недавно опубликованное в «Северных цветах» на 1832 год, во всяком случае, таких сведений мы не имеем, но факт остается фактом — содержание «Анчара» оказалось в определенной степени созвучным событиям русско-польского противостояния начала тридцатых годов XIX века.

Таким образом, претензии власти к «Анчару» были связаны с нежелательными конкретными применениями в совершенно ином направлении, нежели представлялось советским идеологически ангажированным пушкиноведам.

Поэтому автор «Клеветников России», по-видимому, не испытал никаких внутренних колебаний, давая распоряжение П. А. Плетневу, занимавшемуся изданием собрания его стихотворений 1832 года, внести в текст «Анчара» необходимые изменения: перед текстом стихотворения была введена дата 1828, часть заголовка «древо яда» перенесена в подстрочное примечание и «Царь» исправлен на «князь»³²⁷.

Иначе говоря, как и в случае со стихотворением «Клеветникам России», позиция Пушкина в связи с «Анчаром» полностью совпадала с внешнеполитической линией власти.

При этом возникшая возможность политического применения содержания «Анчара» к польским собы-

тиям, никак не соответствовавшая авторскому замыслу, убеждает нас в правоте Н. В. Измайлова, считавшего вариант стихотворения с «князем» предпочтительным по отношению к редакции стихотворения в «Северных цветах», где «князь» был заменен на «Царя».

В свете изложенного окончательная редакция «Анчара», опубликованная в собрании стихотворений Пушкина 1832 года («князь», а не «Царь»), в полной мере отражает последнюю авторскую волю Пушкина, которую следует учитывать при новых изданиях этого стихотворения.

ПУШКИН И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

В результате договоров между Россией, Пруссией и Австрией о Варшавском княжестве, зафиксированных 9 июня 1815 года в генеральном акте Венского конгресса, большая часть Варшавского княжества, в том числе Варшава, была присоединена к России.

27 ноября 1815 г. Император Александр I даровал полякам статус суверенного Царства (Королевства) Польского с собственной Конституцией, которая сохраняла традиции Речи Посполитой в названиях государственных учреждений, в организации Сейма, в коллегиальной системе государственных органов, в выборности администрации и судей, в сохранении своего языка, правительства, армии, национальной денежной единицы — злотого. Важнейшие правительственные должности предназначались для поляков.

А сам Император стал конституционным польским королём.

Сейм как высший законодательный орган Царства Польского был торжественно открыт 17 марта 1818 года самим Александром I в доказательство воз-

возможности мирного развития польской нации в рамках империи как западнославянского звена, связующего Россию с Западной Европой.

Присоединение Польши и дарованная ей Конституция вызвали в российской элите сильное брожение, причиной которого стало отсутствие Конституции у российских граждан, а также желание Александра I включить в состав Царства Польского исконно русские земли, входившие с 1569 года вплоть до раздела Польши в 1795 году в состав Речи Посполитой.

Одним из убежденных противников последнего стал Н. М. Карамзин, посчитавший необходимым изложить своё мнение в отдельной Записке от 17 октября 1819 года, обращенной непосредственно к Императору Александру I:

«Вы думаете восстановить *древнее* Королевство Польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и к самой справедливости? <...> Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белорусию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную собственность России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли Государи блюсти целостность своих Держав? Сии земли уже были Россиею, когда Митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами называли *Великою*. Скажут ли, что Она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали заглазить Ее несправедливость разделом самой России»³²⁸.

И заключал Н. М. Карамзин своё обращение к царю пророческим предвидением:

«...одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят свою кровью землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу³²⁹!»³³⁰.

Именно это и произошло через 15 лет, но не будем забегать вперёд.

Не только Карамзин, но и великий князь Константин Павлович, брат Александра I, «человек вполне консервативных взглядов», не разделял его намерений в отношении Польши:

Первый польский конституционный сейм 1818 года Константин иронически называл «русской комедией»³³¹.

Критически относились к императорским преобразованиям в Царстве Польском и многие другие представители российской элиты, например генерал М. Ф. Орлов³³², о чем можно судить по его переписке с П. А. Вяземским³³³. В письмо от 22 марта 1820 года он прямо признается в этом:

«Не стыдно³³⁴ ли, что посюда польская конституция еще не переведена на российский язык³³⁵? Не стыдно ли, что в России неизвестно, о чём поляки рассуждали на последнем сейме? <...> Ты определен, кажется, судьбою, чтобы сорвать сию завесу, чтобы показать, с одной стороны, то, что делается для водворения свободного правления в Польше, а с другой — то, что предпринимается для уничтожения российской славы»³³⁶.

Позднее, уже будучи под следствием по делу декабристов, Орлов в письменном признании от 29 декабря 1825 года сообщал новому императору о своей реакции на смерть Александра I:

«По Москве пошел зловещий слух о разделе. Говорили, будто Царское завещание устанавливало полное

отделение Польши и русско-польских провинций, а также Курляндии и что Священный союз гарантирует это отделение <...> Некоторые же истинно русские люди, и я в том числе <...> сокрушались по поводу отделения Польши...»³³⁷

О том, что декабристы и по польскому вопросу находились в оппозиции к Александру I и, больше того, именно пропольская деятельность царя радикализировала взгляды участников первого в России тайного декабристского общества — Союза спасения («московский заговор»), убедительно говорят исследования С. В. Мироненко, в частности это его утверждение:

«Чтобы яснее представить существо дела, необходимо в общих чертах напомнить предысторию „московского заговора“ <...> Начало событиям положил разговор Александра I со своим флигель-адъютантом, членом Союза спасения князем П. П. Лопухиным <...>

О чём же говорили Александр I и Лопухин? Согласно общепринятой версии, император сказал Лопухину о своём намерении присоединить к Польше часть украинских и белорусских земель, восстановив её в границах 1772 года. Подобные планы оскорбляли патриотические чувства декабристов и приводили их к убеждению, что император полностью пренебрегает интересами страны <...>

И. Д. Якушкин, один из самых активных участников „московского заговора“ при допросе после ареста (после подавления декабрьского восстания. — В. Е.) признал, что в 1817 году эти планы царя „решили меня на жизнь его покуситься“»³³⁸.

Нет сомнения в том, что Пушкин разделял взгляды патриотические настроенной российской элиты, общаясь с людьми, к ней относящимися, например с Карамзиным, а также с генералом М. Ф. Орловым и Н. И Тургеневым³³⁹, как и Пушкин, являвшимся членом литературного общества «Арзамас».

В письме Н. И. Тургенева Вяземскому от 22 мая 1818 года неприкрытая досада по поводу высказываний императора в Варшаве:

«Нельзя однако же русскому не пожалеть, что, между тем как поляки посылают представителей, судят и отвергают проекты законов, мы не имеем права говорить о ненавистном рабстве крестьян, не смеем показывать всю его мерзость и беззаконие... У нас всё кончается или запрещением, или наказанием»³⁴⁰.

Пушкин общался, конечно, и с Вяземским, находившимся под личным обаянием Александра I, переводившим его речи в польском сейме; к их тактическим разногласиям по польскому вопросу, сохранявшимся на протяжении всей жизни, мы еще вернёмся.

Но даже и Вяземский не мог понять, почему замечательные слова о необходимости конституции произносятся царём в Варшаве, а не в Петербурге. Чем он и делился со своим постоянным корреспондентом Н. И Тургеневым в письмах из Варшавы:

«Впрочем, речь Государя <...> Я стоял в двух шагах от него, когда он произносил её, и слёзы были у меня на глазах от радости и от досады: зачем говорить полякам о русских надеждах? Дети ли мы, с которыми о деле говорить нельзя?»³⁴¹.

Хотя юный Пушкин не был членом Союза спасения, сведения о политических дискуссиях, происходивших в нём³⁴², он мог, как это уже отмечено, получать с той или иной полнотой от людей своего круга, а о недосказанном догадываться.

Сомневаться в этом нет оснований. Правда прямых выходов на польскую тему в творчестве Пушкина этих лет не находится, но косвенные есть, например в стихотворении 1818 года «Сказки. Noël» («Ура! В Россию скачет/ Кочующий деспот...»):

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я пил, и ел, и *обещал* —
И делом не замучен...»
(курсив мой. — В.Е.).

«Обещал» — это, конечно, о выступлении Александра I при открытии польского сейма 15 марта 1818 года, в котором он обещал дать конституцию и России.

Не исключено, что радикализм антиправительственных настроений поэта усугублён неприятием проектов императора, касающихся Польши.

Совершенно однозначно высказался о них Пушкин двенадцать лет спустя, в письме к Е. М. Хитрово от 9 декабря 1830 года, уже во время Польского восстания 1830–1831 годов:

«Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши истинные враги будут окончательно истреблены, и, таким образом, ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д...» (14, 134, *франц.*).

То есть, вспомнив через двенадцать лет либеральные начинания Александра I, касавшиеся Польши, Пушкин не смог сдержать негодования.

Та же характеристика Александра I содержится и в стихотворении 1828 (предположительно) года «К бюсту завоевателя», не опубликованном при жизни поэта:

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на холодный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
*В лице и в жизни арлекин*³⁴³
(курсив мой. — В.Е.).

Речь в нём идёт о мраморной скульптуре датского ваятеля Торвальдсена. Во время его пребывания в Варшаве Александр I дал ему с 4 по 14 октября 1820 года четыре сеанса. Бюст был изваян скульптором в Риме и привезен в Петербург в октябре 1823 года. Однако работа знаменитого европейского мастера не попала ни в эрмитажные залы, ни в один

из петербургских дворцов и долго оставалась в здании Министерства иностранных дел, что свидетельствовало об официальном её неодобрении. Здесь Пушкин и мог её видеть, а мог видеть одну из десяти копий, сделанных в России с оригинала, вызвавших интерес русских художников и скульпторов. На оригинале памятника была высечена надпись: «Александр, император и самодержец Всероссийский, царь Польский»³⁴⁴, окончание надписи вряд ли могло понравиться Александру I в 1823 году, а Пушкина, наоборот, могло вдохновить на стихотворение «К бюсту завоевателя».

Характеристика покойного царя: «В лице и в жизни арлекин» — полностью совпадает по смыслу с содержащейся в процитированном выше письме к Е. М. Хитрово характеристикой.

И в заметке о Торвальдсене, связанной со стихотворением, тоже относящейся к 1828 (предположительно) году, Пушкино отмечает «всегдашнюю (читай, лицемерную. — В. Е.) улыбку» Александра I:

«Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного: верх нахмуренный, грозный, низ же, выражающий всегдашнюю улыбку. Это не нравилось Торвальдсену:

Questa è una brutta figura»³⁴⁵ (12, 178).

Как уже отмечено, скульптура Торвальдсена «в придворных кругах не была одобрена и вызвала критические замечания в печати»³⁴⁶...

Но мы забежали несколько вперёд.

За четыре года до этого было у Пушкино незаконченное стихотворение «Графу Олизару»³⁴⁷ (1824), прямо относящееся к нашей теме:

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали
Кремля позор и плен³⁴⁸,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали³⁴⁹,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девою вашей
Кольцом заветным сопряжен³⁵⁰;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —
Перед улыбкой муз небесной
Земная ненависть молчит,
При сладких звуках вдохновенья,
При песнях лир...
И восстают благословенья.
На племена нисходит мир...

Главная тема стихотворения — исконная вражда русских и поляков, которая может быть преодолена только в поэзии (ну и, наверное, в искусстве вообще).

Пример такого преодоления явлен самим Пушкиным в переводе вступления к поэме Адама Мицкевича «Конрад Валенрод» (1828)³⁵¹, при том, что идеология поэмы была Пушкину чужда. А тема вражды будет развёрнута в полной мере в стихотворениях 1831 года, явившихся откликом на польские события. К этим стихам мы и обратимся теперь.

Польское восстание 1830–1831 годов было воспринято Пушкиным со всей серьёзностью. Так, по воспоминаниям Е. Е. Комаровского³⁵², Пушкин, встреченный им на прогулке во время польских событий летом 1831 года, сказал ему: «Разве вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году?»³⁵³.

Вяземский, несмотря на давнюю симпатию к Польше, осуждает действия мятежников в своей записной книжке:

«Но зачем же верные войска выступили из Варшавы?³⁵⁴ <...>Что вышло бы, если 14-го (декабря. — В. Е.) Государь выступил бы из Петербурга с верными полками?³⁵⁵ В мятежах страшно то, что *пакты с злым духом, пакты с кровью* чем далее, тем более связывают. Одно преступление ведет к другому или более обязывает на другое... Со всем тем я уверен, что все это происшествие (Варшавское восстание. — В. Е.) — *вспышка нескольких головорезов*, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря»³⁵⁶ (курсив мой. — В. Е.).

Пушкин в июне 1831 года пишет стихотворение, обращенное к праху М. И. Кутузова, победившего

Наполеона в войне 1812 года, он призывает его восстать и вдохновить полки, идущие на подавление Польши:

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О, старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Позднее, уже после взятия Варшавы, Пушкин пошлет это стихотворение внучке Кутузова, Е. М. Хитрово, в письме к ней от первой половины сентября (после 10) 1831 года со следующим пояснением:

«Стихи эти были написаны в такую минуту, когда позволительно было пасть духом — слава Богу, это время миновало. Мы опять заняли положение, которое не должны были терять. Это, правда, не то положение, каким мы были обязаны руке князя, вашего батюшки, но всё же оно достаточно хорошо <...> Полагаю, что мой брат участвовал в штурме Варшавы; я не имею от него известий. Однако насколько пора было взять Варшаву!» (14, 225).

2 августа 1831 года Пушкин пишет стихотворение «Клеветникам России», являющееся ответом на звучащие в Париже, во Французской палате депутатов, речи, призывающие правительство Франции вмешаться в русско-польский конфликт. Пушкин представляет в стихотворении свой, выношенный в размышлениях (см., например, стихотворение «Графу Олизару») взгляд на российско-польские отношения:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос...

Как и в упомянутом выше разговоре с Комаровским, он считает момент исторически судьбоносным: устоит ли Россия, потеряв Польшу и обретя в ней опасного соседа-врага? «Славянские ль ручьи сольются в русском море» — утопическая мечта о панславянском братстве, которая получит развитие в послепушкинские десятилетия.

А дальше в стихотворении идёт предостережение Франции, состоящее в напоминании о бесславном поражении Наполеона и о других военных победах России, и пафосный финал:

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Стихотворение, без сомнения, давалось на прочтение друзьям и близким знакомым, в результате слух о нём дошёл до Николая I, который пожелал немедленно прочесть его — он, как и Пушкин находился в это время в Царском Селе. Царь обратился к Жуковскому, находившемуся там же, с просьбой получить от Пушкина текст и передать ему³⁵⁷.

Такого интереса, такой чести не достаивалось со стороны царя ни одно пушкинское произведение. В связи с этим в адрес поэта звучали и звучат до сих пор совершенно неоправданные укоризны в подлаживании к позиции власти. На самом деле в «Клеветниках России» представлена его собственная историческая позиция по польскому вопросу (о чём и идёт речь в настоящей статье), позиция, совпадающая в данном случае с официальной. Но следует учесть, что не Пушкин попросил царя прочесть эти державно-патриотические стихи, а царь первый попросил поэта об этом.

5 сентября 1831 года Пушкин пишет новое патристическое стихотворение, тематически связанное с двумя упомянутыми чуть раньше, — «Бородинская годовщина». Пишет после получения известия о взятии русскими войсками Варшавы. По символическому совпадению, таковые случаются в истории, Варшава пала в день Бородинской годовщины — 26 августа 1831 года.

Взятием Варшавы подтвердилось пророческое предвидение Карамзина, приведённое в начале нашей статьи:

«...восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровью землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!»

Но вернёмся к «Бородинской годовщине». В стихотворении — торжество по случаю победы и новое предостережение Европе от вмешательства в дела России. В нём также продолжена и развита тема угрозы пересмотра границ России в случае победы Польши:

Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сеи пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Эти строки являлись ответом Пушкина на требования польских мятежников восстановить границы Польши, существовавшие до Андрусовского мира 1667³⁵⁸ года, что означало, в частности, присоединение к Польше Украины до Днепра, включая Киев.

В то же время в стихотворении провозглашается недопустимость мести поверженным полякам и польской столице:

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

На самом деле Пушкин вряд ли имел достоверную информацию о том, как вели себя победители в павшей Варшаве и не осталась ли его декларация миролюбия к побежденным только красивой фразой. В условиях войны, как это и бывает всегда, никакой информации о войне в Польше, кроме официальной, в России не публиковалось³⁵⁹.

Так в письмах П. А. Вяземскому от 2 и 10–13 января 1831 года Пушкин сетует об отсутствии сообщений из Польши.

Те же сетования в письме к Е. М. Хитрово от 26 марта 1831 года:

«Москва — город ничтожества. На ее заставе написано: оставьте всякое разумение, о, вы, входящие сюда. Политические новости доходят до нас с запозданием или в искаженном виде. Вот уже около двух недель, как мы ничего не знаем о Польше, — и никто не проявляет тревоги и нетерпения!» (14, 157, *франц.*).

11–13 сентября вышла в свет брошюра «На взятие Варшавы», в которую вошли стихотворение Жуковского «Старая песня на новый лад» и два пушкинских: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Брошюра вызвала критический отклик Вяземского.

В записной книжке последний резко оппонирует и Пушкину, и Жуковскому по поводу их (неумеренного, по его мнению) восторга в связи с победой, одержанной в Польше:

«Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все же нет тут вдохновений для поэта <...> Грустны могли быть неудачи наши, но ничего нет возвышенного в удаче <...> удача — просто положительное событие, окончательная необходимость и только. Мы удивительные самохвалы, и грустно то, что в нашем самохвальстве есть какой-то холопский отсед»³⁶⁰.

Вяземский возмущён также сопоставлением Бородинской битвы с взятием Варшавы:

«Охота ему (Жуковскому. — В. Е.) было писать шинельные стихи (стихотворцы, которые в Москве ходят в шинели по домам с поздравительными одами) и не совестно ли „Певцу во стане русских воинов“ и „Певцу на Кремле“ сравнивать нынешнее событие с Бородином? <...>

В „Бородинской годовщине“ опять те же мысли или то же безмыслие <...> эта борьба обнаружила немощи больного, измученного колосса (то есть России. — В. Е.). Вот и все: в этом весь вопрос. <...> Охота вам быть на коленях пред кулаком? И что опять за свято-татство сочетать Бородино с Варшавою?»³⁶¹.

А по поводу брошюры в целом высказался в записи от 15 сентября 1831 года еще более резко:

«Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича³⁶² <...> потому что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось наложить лапу на мышь...»³⁶³.

Таким образом, признавая необходимость со стороны России применения военной силы для подавления Польского восстания, Вяземский считает пафосность стихотворений своих друзей-поэтов по поводу взятия Варшавы необоснованной и чрезмерной.

Так или иначе, следует констатировать, что позиция Пушкина по польскому вопросу, основанная на его собственной исторической концепции (Польша — исконный враг России и должна быть поглощена Россией), совпадала с официальной позицией власти, состоящей в необходимости жёсткого подавления Польского восстания 1830–1831 г., осуществленного Николаем I. Пушкин искренне приветствовал военные действия против Польши патриотическими стихами «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», демонстрирующими в этот момент истории России имперскую позицию их автора.

Но не так все просто в этом совпадении пушкинской позиции с государственной. Интересны в этом

смысле размышления Пушкина о польских событиях, содержащиеся в письме П. А. Вяземскому от 1 июня 1831 г., где Пушкин, с одной стороны, отдаёт дань смелости и самоотверженности поляков, а с другой — вновь утверждает свой взгляд на противостояние с Польшей как на семейственную распрю:

«Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуты в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и, кажется, от верных людей: Крженецкий³⁶⁴ находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей белой лошади, пересел на другую, бурую, и стал командовать — видели, как он, раненный в плечо, уронил палаш и сам свалился с лошади, как вся его свита кинулась к нему и посадила опять его на лошадь. Тогда он запел *„Еще польска не спинела“*, и свита его начала вторить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Всё это хорошо в поэтическом отношении. Но всё-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским...» (14, 169).

Вместе с тем Пушкин сохранил отрицательное отношение к Александру I (как это показано выше), чьи реформы по политическому устройству присоединенной к России в 1815 году Польши при сохранении в остальной империи существующего статус-кво в конечном счёте и стали причиной военного конфликта 1830–1831 гг. Неприятие решений Александра I по польской проблеме противоречило официальному взгляду на предыдущего царя. Критически относился

Пушкин и к официальным публикациям о польских событиях, о чём можно судить, например, по его признанию в письме к Е. М. Хитрово от 21 января 1831 г.:

«Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, неприличествующий могуществу. Всё хорошее в них, то есть чистосердечие, исходит от Государя; всё плохое, то есть самохвальство и вызывающий тон, от его секретаря³⁶⁵. Совершенно излишне возбуждать русских против Польши. Наше мнение вполне определилось 18 лет тому назад»³⁶⁶ (14,148, *франц.*).

В том же письме Пушкин выражает беспокойство о судьбе Мицкевича:

«Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехали он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества» (14, 148).

Польское восстание 1830–1831 гг. под несколько иным углом зрения и всесторонне (его место в контексте реальной истории, в русле движения исторических идей, а также отражение этой темы в пушкинском творчестве) рассматривалось в давней статье И. О. Шайтанова «Географические трудности русской истории (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности)»³⁶⁷.

В упомянутой статье польские события 1830–1831 гг. трактовались автором не только как продолжение древней вражды «славян между собою», но и как утверждение новой миссии, которую заявили и до сих пор продолжают заявлять поляки в отношении России — отсечение ее от Европы. В этом смысле Пушкин, по мнению Шайтанова, оказывается куда более

исторически прозорливым, чем его либеральные друзья Вяземский и А. Тургенев.

Не вдаваясь в полемику по этому поводу, дабы не переводить проблемы пушкинского времени в сегодняшние реалии, заметим только, что камнем преткновения остается всё тот же вопрос: захочет ли когда-нибудь Россия пойти по европейскому пути, захочет ли Россия стать Европой?

БЕСЕДА С К. ФРЭНКЛЕНДОМ (Пушкин о положении крестьян)

20 мая 1831 года Пушкин встретился в Москве с английским морским офицером К. Фрэнклендом³⁶⁸ по просьбе последнего. Во время встречи они имели продолжительную беседу. Россия вызвала интерес англичанина во время его пребывания на ближнем Востоке в конце 20-х годов, где он имел возможность наблюдать за успешными для России Русско-персидской (1826–1828) и Русско-турецкой (1827–1829) войнами.

Фрэнкленда интересовала политическая, гражданская и литературная история России, но главным содержанием беседы стали вопросы о положении русского крестьянина, ответы на которые Пушкина англичанин с той или иной степенью точности привёл в своём дневнике.

В ответах Пушкина крепостное право предстает чуть ли не идиллией, а жизнь крепостного русского земледельца выглядит не в пример лучше жизни свободного крестьянина в Европе. Приведем несколько записей подобного рода из дневника Фрэнкленда:

«Русский крепостной находится еще не в таких условиях, чтобы желать и заслуживать освобождения от

крепостной зависимости; если бы даже они однажды были освобождены от нее, то большая часть добровольно или по необходимости возвратилась бы под ярмо. Покровительство помещика подобно крылу матери, простертому над беспомощными птенцами; часто, очень часто они <помещики> несут из собственных запасов издержки по содержанию целых деревень, которые собрали плохой урожай или пострадали от болезни или других бедствий»³⁶⁹.

«Но меня могут спросить, не являются ли русские крестьяне униженными и несчастными вследствие их крепостного состояния? Это — вопрос, на который мне трудно ответить. Я того мнения, однако, что хотя овечий тулуп (shube), длинная борода и меланхолическая внешность мужика (mujick), конечно, внушают иностранцу невыгодное представление о сумме счастья, приходящегося на долю крестьянина, все же он отнюдь не несчастен, не бедствует и не недоволен своей участью»³⁷⁰.

«Русский крепостной очень привязан к своему господину и к земле; он не может быть отчужден от земли без своего согласия, исключая случаев набора в армию и флот»³⁷¹.

«Каждый крепостной, который желает отлучиться из своей деревни, чтобы заняться профессией ямщика (yamshick), т. е. возчика, или извозчика (isvochick), т. е. собственника экипажа, или купца, или любой другой, в городе или на окраинах, должен быть снабжен паспортом от своего помещика, и пока он выплачивает оброк своему господину, он так же свободен, как воздух, которым он дышит; так что *представление о рабстве есть чистый жупел*; зло заключается в слове, а не в действительности» (курсив мой. — В. Е.)³⁷².

Публикатор дневника Фрэнкланда, пытаясь смягчить возможное негативное впечатление от пушкинских ответов у привыкших клеймить буржуазно-помещичий уклад дореволюционной России советских почитателей Пушкина, называет поэта «умеренным либералом» и предполагает, что ответы могли быть вызваны патриотическим нежеланием представить Россию в глазах иностранца в невыгодном свете. В подтверждение он приводит известное высказывание Пушкина из письма к Вяземскому от 27 мая 1826 года:

«Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног. Но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (13, 279–280).

Этот мотив действительно мог быть усилен происходящим в это время Польским восстанием, когда крупнейшие страны Европы и вся европейская общественность выступили на стороне Польши (в подтверждение см., например, ультрапатриотическое пушкинское стихотворение 1831 года «Клеветникам России»). Такой мотив, конечно, мог иметь место.

Но может быть указана и ещё одна причина подобного рода ответов Пушкина — социологическая, на которой в свое время заострял внимание Д. Д. Благой в одной из ранних своих пушкиноведческих работ³⁷³: Пушкин сам был помещиком.

Дело в том, что осенью 1830 года он около трёх месяцев провел в Болдино, куда приехал не только на творческую жатву знаменитой «болдинской осени», а и по сугубо хозяйственному вопросу: принять в управление ту часть болдинского имения с двумя сотнями крепостных душ, которой владел его отец Сергей Львович и которую передал сыну по случаю

его женитьбы. А творческий подъём, который сам Пушкин вряд ли мог предвидеть и который ознаменовался необычайным количеством поэтических и прозаических шедевров, возникших здесь под его пером, стал следствием этой поездки.

В Болдино Пушкин впервые ощутил себя владельцем, помещиком и в той или иной степени впервые вник в хозяйственные вопросы управления имением. Как заметил по этому поводу П. Е. Щёголев,

«...раньше, в Михайловском, он был только сын господина, здесь он — глава, самодержец. Он повелевает, а его повелений слушаются: управляющий, бурмистр, староста, земские, сотские и иные мелкие сельские власти»³⁷⁴.

В связи с этим хотим заметить, что в дневнике Фрэнкланда запечатлены высказывания не «умеренного либерала», а, быть может, умеренно либерального помещика, владельца двухсот душ крепостных крестьян.

Интересно, что через три года Пушкин уже сам обратился к крестьянскому вопросу в России, затронув его в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», остро полемической по отношению к запрещенной в России³⁷⁵ книге Радищева³⁷⁶ «Путешествие из Петербурга в Москву». Статья, несмотря на то что имела ее беловая редакция, не была опубликована по цензурным соображениям.

В ней есть очень близкие по смыслу с дневниковыми записями Фрэнкланда утверждения, хотя и здесь наиболее консервативные (так назовём их) высказывания принадлежит попутчику-англичанину (опять-таки англичанин!), оказавшемуся соседом Пушкина на одном из перегонов:

«Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньги. И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать³⁷⁷ (11, 231–232).

«Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» (11, 232).

Но есть и авторский текст, вполне согласующийся с тем, что вложено в уста английского персонажа:

«Фонвизин³⁷⁸, лет за пятнадцать перед тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. *Верю*» (курсив мой. — В. Е.) (11, 257)³⁷⁹.

Невольно возникает ощущение, что, работая над статьёй, Пушкин держал в голове свою беседу с Фрэнклендом, а может быть, и заглядывал в книгу англичанина, имевшуюся в его библиотеке, и страницы в ней были разрезаны³⁸⁰.

В комментариях к упомянутой статье Б. В. Томашевский отметил, что «перебеляя статью, Пушкин сделал несколько сокращений — некоторые из цензурных соображений»³⁸¹. Но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что сокращению подлежали и утверждения наиболее консервативного толка, например весь упомянутый разговор с попутчиком-англичанином. То есть, по нашему мнению, сокращая статью, Пушкин руководствовался не только цензурными соображениями³⁸², но удалял также и наиболее одиозные, с нашей сегодняшней

точки зрения, высказывания, к чему мы ещё вернемся.

Таким образом, и в «Путешествии...», и в записях Фрэнкленда взгляд Пушкина на положение русского крестьянина в целом выглядит вполне благодушным, исключая только повинность рекрутства, которая и ему представляется чрезмерно суровой. Он пишет: «Рекрутство наше тяжело. Лицемерить нечего» (11, 260).

Но, пожалуй, не только пушкинский взгляд на рекрутство внушает некоторые сомнения в справедливости нашего вывода о безусловном одобрении Пушкиным существования крепостного права. Сюда же следует отнести и реплику о положении французского крестьянина, исключенную им при публикации из окончательного текста статьи (см. наше примеч.11).

Не подкрепляет нашего вывода и следующее место пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург», где речь идет о главе «Шлюзы» радищевского сочинения и рассказывается о помещике, лишившего крестьян какой-либо собственности и заставившего работать их исключительно на него от восхода до заката, кормя их при этом на барском дворе, чем придется, и одевая их, как ему заблагорассудится.

Пушкин проиллюстрировал ситуацию, описанную Радищевым, собственным воспоминанием о некоем помещике, проделавшим то же самое:

«Крестьянин не имел никакой собственности, он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина — словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. Как бы вы думали? Мучи-

тель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возвратить им собственность, даровать им права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара» (11, 267).

В проявившемся здесь убийственном сарказме различимы как будто критические ноты по поводу положения русских крестьян. Но они приглушены извиняющими этот текст оговорками:

«...лет 15 тому назад. Молодой мой образ мыслей, и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него...» (11, 267).

Оговорки эти сделаны, конечно, из цензурных соображений, что не отменяет в конечном счете отмеченного нами выше: «...взгляд Пушкина на положение русского крестьянина в целом выглядит вполне благодушным».

Как всё это далеко от пушкинского взгляда на крепостное право в юношеских, послелицейских стихотворениях, например, в оде «Вольность» (1817):

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы...

Или в «Деревне» (1819):

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Приведенные поэтические строки могут быть восприняты, не правда ли, как эхо радищевских инвектив в адрес власти в «Путешествии из Петербурга в Москву»? Трудно себе представить, чтобы юный Пушкин, участник «Арзамаса», не был знаком с запретным произведением Радищева, когда писал эти стихи. Известно, что книга после уничтожения её тиража ходила в копиях. Пушкин в неопубликованном при его жизни «Послании цензору» (1822) упомянул об этом: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал...»

Эволюция мировоззрения Пушкина с возрастом — известная проблема, не однажды отмечавшаяся нами³⁸³, это касается его отношения к декабристским идеям, к восстаниям и мятежам вообще, к французской философии и Вольтеру, к институту монархической власти и т. п., но тут совершенно особый случай.

Даже А. Х. Бенкендорф признавал в принципе неприемлемость крепостного права в «Обозрении расположения умов» за 1834 год:

«...сколько, с одной стороны, признается необходимым, дабы правительство исподволь приближалось к цели освобождения крестьян от крепостного владения, столько, с другой — все уверены, что всякая неосторожность, слишком поспешная в сем деле мера, должна иметь вредные последствия для общественного спокойствия. Многие, размышляющие о сем предме-

те, полагают самым лучшим средством дать делу сему такое направление, чтобы освобождение крестьян происходило от самих помещиков.

Впрочем, высшее наблюдение <Третьего Отделения> имело обязанность указать лишь на сие обстоятельство, важное для будущего счастья России, но какими мерами может быть достигнута *благотворная цель уничтожения крепостного права*, это подлежит уже соображениям мудрого правительства»³⁸⁴ (курсив мой. — В. Е.).

Даже император Николай I признавал пагубность крепостного права³⁸⁵, но это не означало, конечно, что кто-либо из подданных мог критиковать существующую систему. Как говорится, «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» — такова незыблемая установка любой власти.

Получается, что пушкинский взгляд на крестьянский вопрос, консервативнее представлений высшей власти? При этом соображения о постепенности и осторожности в деле освобождения крестьян, высказанная Пушкиным в разговоре с Фрэнклендом, полностью совпадает с предостережениями Бенкендорфа (см. выше):

«...никакая большая и существенная перемена не может иметь места в политическом и общественном строе этой обширной и разнородной империи иначе, как постепенными и осторожными шагами, каждый из которых должен быть поставлен на твердую основу культурного подъема»³⁸⁶.

Но что-то внутри нас все-таки не позволяет нам принять выше приведенные вполне благодушные суждения мыслителя и историка, каковым по существу являлся Пушкин, как его истинный взгляд на крестьян-

ский вопрос, настолько противоречат они внутреннему вектору его творчества, направленному на пробуждение «чувства доброго» любым его творением. Не будем, впрочем, обращаться к изображению крестьян в его художественной прозе, потому что это другая тема, засуживающая отдельного рассмотрения.

В продолжение же наших рассуждений возникает вдруг в памяти стихотворная строчка из черновой редакции итогового пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», а именно эта: «Вослед Радищеву восславил я свободу...»

И вспоминается, что резкая полемика с Радищевым в «Путешествии из Москвы в Петербург» и в статье 1836 года «Александр Радищев»³⁸⁷ служила, как не без оснований принято сегодня считать, прикрытием основной цели: снять запрет с имени своего предшественника и подготовить условия для открытого возвращения его опального имени в литературный процесс. Этот вопрос беспокоил Пушкина давно, ещё в письме А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 года из Киншинева он писал:

«Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание непростительно...» (13, 63).

То есть мысль о Радищеве как своем предшественнике в приверженности идеи свободы вынашивалась Пушкиным много лет, а наружу произвольно вырвалась только в 1836 году в «Памятнике», не предназначавшемся для печати, в его в черновом тексте.

Это ли не свидетельство чрезвычайной осторожности Пушкина после Михайловской ссылки. Да, с Николаем I установились какие-то личные отношения, отмеченные своими ограничениями и нюансами:

о чём-то можно было высказываться открыто, а о чём-то нужно было молчать, в частности по крестьянскому вопросу. При том, что надзор за поэтом сохранялся до самой его смерти.

Случайно ли дотошные профессионалы сыска из III Отделения канцелярии Е. И. В. так охарактеризовали поэта, в «Обозрении расположения умов и некоторых частей государственного управления в 1837 году»:

«В начале сего года умер от полученной на поединке раны знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъятии оных...»³⁸⁸.

Эта характеристика поэта, сформулированная надзорным государственным органом, проливает новый свет на все крепостнические суждения Пушкина, в которых он предстаёт прежде всего помещиком, каким и был в действительности³⁸⁹. В таком же качестве он воспринимается нами и в переписке, касающейся хозяйственных вопросов. Например, в письме брату Л.С. Пушкину от 3 июня 1836 года:

«Вот тебе короткий расчет нашего предполагаемого раздела: 80 душ и 700 десятин земли в Псковской губернии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены 400 р.)

40 000 ...» (16, 123).

Напомним здесь в связи с крепостническими по сути высказываниями Пушкина, на которых мы сосредоточились в настоящей статье, что наиболее рез-

кие из них ему пришлось убрать из окончательного текста «Путешествия из Москвы в Петербург», по-видимому, чтобы, как говорится, не перегнуть палку.

При этом свой истинный взгляд на крестьянскую проблему Пушкин, мыслитель и публицист, оставлял при себе.

Нелишне обратить здесь внимание на то, что радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», выражавшее истинные взгляды автора на крепостное право, было запрещено в России до 1905 года!

А Екатериной II, в царствование которой в 1890 году было издано «Путешествие...», Радищев был объявлен «бунтовщиком хуже Пугачёва» и отправлен в ссылку в Илимский острог Иркутской губернии, окончившуюся только со смертью императрицы.

Пушкин, тоже побывавший в ссылке за вольнолюбивые взгляды, конечно, всегда помнил об этом и поэтому воздерживался впоследствии от откровенных суждений по крестьянскому вопросу.

«ПОСЛЕДНЯЯ ТУЧА РАССЕЯННОЙ БУРИ ...»

Стихотворение «Туча», согласно помете в утраченной пушкинской рукописи, написано 13 апреля 1835 года:

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегла,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Опубликовано в 1835 г. в недавно возникшем журнале московских Любомудров «Московский наблюдатель», мировоззрение и направление которого не раз-

делялось Пушкиным, но куда Пушкин отдал «Тучу» из любезности и для поддержания нового издания. Опубликованное в «Московском наблюдателе» стихотворение, как отметил Н. В. Измайлов, «могло быть воспринято лишь как картина природы вполне объективного, почти антологического характера, без отношения к переживаниям поэта»³⁹⁰.

Стихотворение под названием «Последняя туча» находилось (а затем было зачеркнуто) в списке произведений Пушкина, предназначенных для нового издания стихотворений, который составлялся во второй половине августа — декабре 1836 г. Зачеркнуто было, по-видимому, из-за соседства в списке со стихотворением «Аквилон».

По замечанию Н. В. Измайлова, стихотворение «Туча», «поставленное рядом с «Аквилоном» <...> получило бы совершенно иной смысл, иное звучание, настойчиво напоминало бы читателю о бурях, проносившихся в последнее десятилетие не только над жизнью поэта, но и над общественно-политической жизнью России вообще»³⁹¹.

Что стихотворение «получило бы совершенно иной смысл», в определенной степени верно. Но точнее было бы сказать, «не совершенно иной смысл», а дополнительный смысл, вызывающий вместе с природными и политические ассоциации. А вот дальнейшее утверждение Н. В. Измайлова не столь убедительно и определённо.

Что значит напоминание о «бурях, проносившихся в последнее десятилетие»? Если отнять от года написания «Тучи» десять лет, мы получим 1825 год, год смерти Александра I и декабрьского восстания. С каким из этих событий связывал стихотворение Н. В. Измайлов,

неясно, потому что известно несколько трактовок «Аквилона».

Тут, видимо, уместно привести его текст:

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь,
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

В малом академическом собрании сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского это стихотворение связано со смертью императора³⁹², в Собрании сочинений в 10 томах под редакцией Т. Г. Цявловской³⁹³ — с декабрьским восстанием, и такую же трактовку «Аквилона» еще раньше, в статье 1928 года, предложил Ю. Н. Тынянов³⁹⁴.

При этом советских пушкинистов, старавшихся как можно чаще и больше связывать творчество и биогра-

фию Пушкина с декабризмом, не смутила пушкинская датировка «Аквилона» 1824 годом — за год до восстания! Вернее, смутила, но это препятствие для утверждения собственной правоты было легко устранено абсолютно бездоказательным предположением, что Пушкин специально неверно датировал стихотворение, чтобы оно не ассоциировалось с событиями 1825 года.

Совершенно отличную от упомянутых точку зрения на «Аквилон» высказал, как это ни покажется странным, авторитетнейший советский пушкинист академик Д. Д. Благой. Развивая интерпретацию стихотворения, намеченную еще в 1895 году Л. Н. Майковым³⁹⁵, он отверг как несостоятельное предположение о том, что дата его написания, указанная в автографе, повторенная затем в печатном тексте при первой публикации («Литературные прибавления к Русскому Инвалиду», 2 января 1837), служит целям маскировки. В обоснование своей позиции Благой высказал предположение, что «Аквилон» написан «под впечатлением постигшего поэта нового гонения» — высылки из Одессы в Михайловское в августе 1824 года, и дал следующую трактовку содержащихся в стихотворении образов: «Аквилон — царь Александр; надменный и величавый дуб — Наполеон, победу над которым Пушкин, при всей своей неприязни к Александру, всегда рассматривал как его историческую заслугу», а гибкий тростник и облачко, гонимое «на дальний небосклон», сам автор.

Наиболее убедительным, на наш взгляд, в этой трактовке выглядит истолкование образа надменного и величавого дуба. А силой низвергнувшей Наполеона, является, по-видимому, не император Александр I,

участвовавший в войне в отличие от французского императора чисто номинально, не какой-то отдельный человек, а объективная историческая сила, включающая в себя такие компоненты, как русский национальный дух, самоотверженность русского воина и сила русского оружия, символизированные в стихотворении мощью аквилона.

Кстати, уместно здесь обратиться к значению этого слова:

«Аквилон — древнеримское название северо-восточного, иногда северного холодного ветра»³⁹⁶. С полным основанием можно утверждать, что ветер этот дует со стороны России.

Так обстоит дело с аквилоном.

Предложение же Д. Д. Благого отождествлять тростник и облачко с самим автором представляется весьма сомнительным. Хотя сюжет стихотворения, относящийся к числу «бродячих», наибольшую популярность приобрел благодаря басне Лафонтена «Дуб и тростник» (подражания на русском языке — басни И. А. Крылова и И. И. Дмитриева «Дуб и трость»), «Аквилон» всё-таки является хоть и аллегорическим, но лирическим стихотворением, а не басней, и поэтому персонификация всех его образов представляется излишней. Это привело бы к обеднению смысла стихов, к неизбежному упрощению их содержания.

При этом «облачко», гневно гонимого аквилоном на «дальний небосклон», связывает два стихотворения, это «облачко» ассоциируется для нас с «последней тучей, рассеянной бури». Большая гроза (нашествие Наполеона) прошумела, но остались грозы местного значения. Например, революция в Испании, за подавление которой в 1823 году Александр I

наградил российскими орденами высшее командование французской армии, подчеркнув этим долю влияния России на происшедшие события. Не случайно в первоначальной редакции стихотворения небосклон, на который аквилон гневно гонит облачко, назван «чуждым».

А «тростник», конечно, поросль, а не отдельная тростинка, не «мыслящий тростник», как у Тютчева и Паскаля, ведь про одну тростинку вряд ли можно сказать «зыблется». Поэтому «зыблющийся тростник» ассоциируется не с отдельным человеком, не с автором, как у Д. Д. Благого, а с российским обществом — как множество тростинок, зыблющихся под ветром.

Остаётся еще вопрос: почему именно в 1824 году написан «Аквилон»?

Первой редакции «Аквилона», датируемой ныне 9 августа — декабрём 1824 года, предшествовал необработанный набросок о Наполеоне «Зачем ты послан был и кто тебя послал...», написанный в конце марта того же года, в это же время писалось неоконченное стихотворение «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», связанное с походом Наполеона на Россию, с противоборством Александра I и Наполеона и датируемое декабрём 1823-го — апрелем 1825-го³⁹⁷. То есть «Аквилон», скорее всего, навеян был мыслями о Наполеоне и войне с ним.

Возвращаясь к стихотворению «Туча», укажем, что мотив промчавшейся бури тематически связывает «Тучу» с ещё одним (также более ранним) стихотворением Пушкина «Арион».

Стихотворение, по-новому интерпретирующее древнегреческий миф об Арионе, без сомнения, связано с политическим катаклизмом в российской истории, свершившимся (в отличие от подоплёки в стихотворении «Аквилон») в конце 1825 года: со смертью Александра I (19 ноября 1825 года в Таганроге) и восстанием в Петербурге 14 декабря 1825 года. Принятая в советском пушкиноведении трактовка стихотворения отличалась удручающей прямолинейностью и ограниченностью: оно рассматривалось лишь в связи с восстанием декабристов и его разгромом.

В Малом академическом собрании сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского сообщается:

«Имя Ариона понадобилось ему (Пушкину. — В. Е.), чтобы прикрыть истинный смысл стихотворения, рисующего судьбу друзей-декабристов и самого поэта».³⁹⁸

В Собрании сочинений в 10 томах под редакцией Т. Г. Цявловской читаем:

«В иносказательной форме Пушкин говорит о судьбе, постигшей его и декабристов, о своей верности делу декабристов»³⁹⁹.

Подобную трактовку «Ариона» еще раньше, в статье 1928 года, предложил Ю. Н. Тынянов⁴⁰⁰.

На самом деле драматургия произведения значительно сложнее. Главной в «Арионе» является тема поэтического предназначения «таинственного певца», а в подтексте стихотворения — поэтического предназначения самого автора. Иначе говоря, в жизни могут случаться грозы и бури, а певец должен продолжать петь, для этого он и явлен в мир!

Арион спасен не случайно, а для того, чтобы в полной мере осуществить свое поэтическое предназначение:

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Вместе с тем по ходу чтения стихотворения ощути-
мы, как и в случае с «Аквилоном», ассоциации с исто-
рическими событиями и возникают связанные с этими
ассоциациями вопросы.

Например, кто подразумевается в первой строке
под местоимением «нас»? И, конечно, это не толь-
ко автор и декабристы, как упрощенно-примитивно
трактовалось стихотворение в советское время, а всё
общество, воодушевлённое недавней победой над
Наполеоном и надеждами на близкие реформы, дви-
жущееся, словно «пловцы» «Ариона», в открываю-
щуюся для России историческую перспективу...

Но надеждам не суждено осуществиться: налетает
исторический «вихорь», и метафорический челн гиб-
нет вместе со всеми «пловцами». Этот «вихорь» дей-
ствительно ассоциируется с событиями двух последних

месяцев 1825 года, изменившими всю политическую ситуацию в России.

Целая историческая эпоха бесповоротно отошла в прошлое.

Как, сто лет спустя, пронизательно заметил Юрий Тынянов в своем романе «Смерть Вазир-Мухтара», «перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось...»⁴⁰¹.

Несомненная тематическая связь «Тучи» с «Аквилоном» и «Арионом» убеждает в том, что и в нашем стихотворении присутствует второй план, как это почти всегда бывает у Пушкина: природная ситуация, явленная в нем, соотносится при этом с процессами общественной жизни.

Н. В. Измайлов посчитал, что «„Последняя туча рассеянной бури...“ — одновременно и объективная картина природы, и выражение субъективного состояния поэта после пронесшейся над ним „бури“, его столкновения с царем и Бенкендорфом, или еще шире — выражение страстного желания поэта получить свободу и покой от всего, что многие годы тревожило и тяготило его жизнь»⁴⁰².

По-видимому, под «пронесшейся» над Пушкиным «бурей» Н. В. Измайлов имел в виду кризис в отношениях с царем, вызванный прошением Пушкина об отставке от 25 июня 1834 года и завершившийся 6 июля того же года.

Напомним, как было дело. Привязанность к императорскому двору камер-юнкерским званием, работой над «Историей Петра I» и желанием царя видеть Наталью Николаевну украшением всех великосвет-

ских развлечений обращивались для Пушкина непомерными расходами для поддержания уровня жизни, соответствующего высшему кругу. В результате материальное его положение оказалось отягощенным множеством неисполнимых долгов, что диктовало необходимость оставить придворную жизнь и уехать в деревню.

Однако просьба об отставке возмутила Николая I и могла обернуться для Пушкина большими неприятностями, опалой.

Осознав эту опасность и всячески побуждаемый к отступлению добросердечным Жуковским, переживавшим за своего более молодого друга, Пушкин свое прошение об отставке отозвал...

Нелишним будет для уточнения характера отношений в этот момент между поэтом и царём упомянуть, что за три месяца до прошения об отставке, 22 марта того же года, Пушкиным была получена от царя беспроцентная ссуда в 20 000 руб. на издание «Истории Пугачёвского бунта»...

Но кризис, вызванный прошением об отставке, относится, как уже сказано, к лету 1834 года, то есть он произошёл за девять с лишним месяцев до написания стихотворения, которое мы рассматриваем. Кризис этот разрешился мирно, не вызвав последствий.

Больше того, через год после прошения об отставке, 26 июля 1835 года⁴⁰³, Пушкин через Бенкендорфа просит у Николая I новую денежную ссуду в размере 30 000 руб. при непогашенной даже частично уже упомянутой нами предыдущей ссуде в 20 000 руб., полученной в 1834 году. И 1 августа 1835 года Бенкендорф передаёт министру финансов Е. Ф. Канкрину соответствующее поручение императора.

То есть в отношениях с царём нет, как нам представляется, никаких признаков противостояния.

Поэтому скрытый смысл «Тучи» следует воспринимать более широко, нежели перипетии личных отношений поэта с царём, иначе говоря, его следует рассматривать скорее во внутривластном, нежели в личном плане. Ужесточение внутренней политики, сразу же отмеченное Пушкиным, началось несколько раньше. Подтверждение чему находим в письме Пушкина И. В. Киреевскому о 11 июля 1832 года в связи с закрытием журнала Киреевского «Европеец»:

«Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из болгаринской навозной кучи, но из *тучи*. Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямодушием; Вяземский писал к Бенкендорфу смелое, умное и убедительное письмо; Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин не лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных; Вы должны были оправдываться из уважения к себе и, смею сказать, из уважения к Государю» (15, 26; курсив мой. — В. Е.).

Как мы видим, «туча» в письме указывает на самый верх.

Отметим, что в тот же день, 7 февраля 1832 года, когда датировано письмо Бенкендорфа министру народного просвещения К. Ливену о запрещении журнала И. Киреевского «Европеец», Пушкину получил довольно резкое письмо от шефа III Отделения, касающееся публикации стихотворения «Анчар» в альманахе «Северные цветы на 1832 год» (15, 10).

В ответном черновом письме Бенкендорфу от 18–24 февраля 1832 года Пушкин (15, 13–14) пишет исключительно о цензуре и возражает против нелепых цензурных «подразумениях».

В апреле 1834 года цензурные ужесточения вновь коснулись Пушкина в связи с публикацией поэмы «Анджело» в сборнике «Новоселье»: новый министр просвещения С.С. Уваров дал указание цензору А. В. Никитенко исключить восемь строк из готового пушкинского текста, не поставив о том в известность Пушкина. Пушкин узнал об этом 10 или 11 апреля и был взбешён цензурным произволом⁴⁰⁴.

Та же горечь по поводу усиливающихся притеснений со стороны цензуры содержится в пушкинской дневниковой записи от февраля 1835 года, за полтора месяца до написания «Тучи»:

«Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке

Царствуй, лежа на боку.

и

*Сказка ложь, да в ней намек,
Добрый молодцам урок.*

Времена Красовского⁴⁰⁵ возвратились. Никитенко⁴⁰⁶ глупее Бирукова⁴⁰⁷»⁴⁰⁸.

В письме Бенкендорфу от апреля — мая 1835 года Пушкин просит у него защиты от Цензурного комитета и от министра Уварова: «Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба же дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом» (16, 29).

Уваров упорно добивался того, чтобы не только «стихи Пушкина в журнале, но и собственные книги Пушкина проходили теперь цензуру Министерства народного просвещения, вне всякой зависимости от того, смотрело их или не смотрело III Отделение»⁴⁰⁹. Тем самым начиная с этого времени написанное Пушкиным оказывалось под двумя цензурами — высочайшей и общей, — как ни у одного другого литератора России⁴¹⁰.

Таким образом, предлагая при рассмотрении стихотворения «Туча» свою интерпретацию скрытых за изображением «объективной картины природы» внутрисполитических ассоциаций, мы исходим из того, что в 1835 году общественная ситуация в России виделась Пушкину успокоившейся после катаклизмов («бури»): декабристская оппозиция разгромлена, успешно завершились Русско-персидская и Русско-турецкая войны, прошли холерные бунты 1830–1831 годов, подавлено Польское восстание, никаких общественных потрясений не предвиделось — им просто неоткуда было взяться. Наступила, если прибегнуть к современной лексике, политическая стабильность. В этих условиях смягчение режима, наделение общества большей свободой Пушкин считал нужными и вполне обоснованными. А всё усиливающееся давление Николая I и его ближайшего окружения на общество представлялось поэту «новой тучей» рассеявшейся было над Россией бурей.

В своем стихотворении он и обращается к туче, воспринимаемой нами, как это показано выше, в двух смыслах — лирико-пейзажном (объективного, почти антологического, по Измайлову, характера) и глубоко ассоциативном:

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Что касается второго, ассоциативного смысла стихотворения, то здесь следует отметить, что во внутренней политике императора Николая I доминировали иные взгляды на существующую общественную ситуацию, противоположные пушкинским. Так называемая стабильность порождает у единовластного правителя страх неожиданных и непредсказуемых потрясений.

«НАПРАСНО Я БЕГУ К СИОНСКИМ ВЫСОТАМ...»

Стихотворение, содержащее, по нашему убеждению, глубочайший смысл, состоит всего из четырёх строк, что представляется необычайным даже для Пушкина:

Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

О том, что это совершенно законченное стихотворение, а не набросок и не отрывок, как представлялось иногда некоторым авторам, достаточно обоснованно, на наш взгляд, заявила Н. Н. Петрунина: «Стихи „Напрасно я бегу...“ безусловно кратки, но очевидно, что главному признаку наброска — отрывочности — они не отвечают. Четверостишие цельно. Оно закончено и тематически, и ритмико-интонационно, и синтаксически»⁴¹¹.

Стихотворение записано в черновом автографе стихотворения «Из Пиндемонти», другого пушкинского создания того же времени, видимо, в момент

перерыва в работе над ним. Записано предположительно 5 июля 1836 года в первоначальной и в окончательной редакции сразу. Под окончательной редакцией — характерный пушкинский знак окончания работы над текстом и рисунок бегущего льва.

Образная система стихотворения восходит к Псалтыри, одной из древнейших книг Ветхого Завета: «Сион в Псалтыри — священная гора, путь к Сиону — путь к Богу. Олень (в русском переводе — лань) символизирует в псалмах душу, стремящуюся к Богу (Как лань жаждет к потокам воды, так жаждет душа моя к Тебе, Боже! — Пс. 41.2). И, наоборот, льву уподобляется нечестивый, преследующий бедного праведника (Пс. 9.30; 16.12), грех, подстерегающий его на пути к спасению»⁴¹².

Всё это и тематически, и по форме сближает «Напрасно я бегу к Сионским высотам...» со стихотворением «Странник» и стихотворениями так называемого Каменноостровского цикла, состав которого не определен, но входящими в него принято считать те пушкинские стихи, которые отмечены в его автографах римскими цифрами: II — «Отцы пустыnnики и жены непорочны», III — «Подражание итальянскому», IV — «Мирская власть», VI — «Из Пиндемонти». Ряд исследователей (например, Н. Н. Петрунина, Н. В. Измайллов) допускают, что под номером V могло бы войти в упомянутый цикл наше стихотворение.

В «Страннике» «духовный труженик» жаждет спасения души и в конце концов, узрев «болезненно отверстым» оком «некий свет», бросается бежать ему навстречу:

... но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

То есть намерение то же, что и в нашем стихотворении, произносится всё от первого лица, и это очень важно для нас: «... я бегу к Сионским высотам» (курсив мой. — В. Е.). Но в отличие от «Странника» появляется ужасное разочарование, выраженное наречием «напрасно» — побег этот неосуществим!

Обратимся теперь к стихам «Каменноостровского цикла».

В стихотворении «Отцы пустыnnики и жены непорочны...» речь тоже идёт о спасении души и о грехе, грехах, от которых автор в своём страстном обращении к Богу просит оградить его, но в которых, по-видимому, ощущает себя в какой-то степени повинным:

Владыко дней моих! *дух праздности* унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей
(курсив мой. — В. Е.).

В другом стихотворении «Каменноостровского цикла» «Подражание итальянскому» («Как с древа сорвался предатель ученик...») — расплата за предательство. Мы не знаем, ощущал ли Пушкин причастным себя к этому греху, но, в отличие от предыдущего стихотворения, никаких личных мотивов в этом случае обнаружить не удается — совершающееся

в стихах действие даётся отстраненно от личности автора.

А вот в стихотворении «Напрасно я бегу к Сионским высотам...» — глубоко прочувствованное откровенное признание:

Грех алчный гонится за *мною* по пятам... (курсив мой. — В. Е.).

Что же это за грех, который неотступно преследует Пушкина?

Зная биографию Пушкина, мы не можем не предположить, что имеется в виду соблазн, исходящий от какой-то женщины. Очень выразительно охарактеризована подобная ситуация Анной Ахматовой:

... Соблазн в тиши живёт,
Он постника томит, святителя гнетёт.

(«Соблазна не было.
Соблазн в тиши живёт...», 1917.)

Представляется вполне вероятным, учитывая еще и страстную натуру автора, что здесь имеет место постоянно ощущаемое им невольное влечение к другой женщине, при том, что сам он женат на первой красавице Петербурга,

Кто же может быть этой женщиной?

14 июля 1834 г. Пушкин писал жене из Петербурга в Полотняный Завод, где находилась в то время Наталья Николаевна в окружении своих старших сестер Александрины и Екатерины:

«Теперь поговорим о деле. Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье⁴¹³ оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна* под *одной* кровлей: муж, жена, дети, покаместь малы, родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейственного спокойствия не будет. Впрочем, об этом еще поговорим» (15, 181).

Однако уже в середине сентября 1834 года Пушкин с Натальей Николаевной и её сёстрами прибыли в Петербург.

Старшие сестры, Екатерина Николаевна (1809–1843) и Александра Николаевна (1811–1891) были похожи на Наталью Николаевну, но их красота меркла рядом с необыкновенной красотой младшей сестры.

А между тем и они были недурны собой, особенно Екатерина, как утверждает в книге И. М. Ободовской и М. А. Дементьева⁴¹⁴.

Таким образом, Пушкин оказался в окружении трёх молодых женщин, из которых одна являлась его женой. Что не могло не вызвать шуток о трёх женах. Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна, писала отцу: «Александр представил меня своим жёнам — теперь у него их целых три»⁴¹⁵.

Забавно письмо Пушкина от 6 января 1835 года А. А. Бобринскому:

«Мы получили следующее приглашение от имени графини Бобринской: г-н и г-жа Пушкины и *ее сестра* и т. д. Отсюда страшное волнение среди моего бабья (как выражается Антикварий В. Скотта): *которая?* Предполагая, что это попросту ошибка, беру на

себя смелость обратиться к вам, чтобы вывести нас из затруднения и водворить мир в моем доме.

Остаюсь с уважением, граф, Ваш нижайший и покорнейший слуга»

(16, 2, *франц.*).

Но мы сосредоточим своё внимание на одной лишь Александре. Она, как и сёстры, получила должное воспитание, что считалось обязательным в любой дворянской семье. Глаза её имели ещё большую косину, чем у Натальи, которая была едва заметна.

Александра была начитанна, записывала в альбом стихи, в том числе стихи Пушкина. Как и Наталья, была отличной наездницей.

В упомянутой уже книге И. М. Ободовской и М. А. Дементьева средняя сестра Натальи Николаевны характеризуется как барышня довольно противоречивая:

«Взбалмошная, неуравновешенная, она всецело человек настроения: то смеется и шутит, иногда остроумно и зло, не стесняясь в выражениях, то впадает в меланхолию, и белый свет ей не мил»⁴¹⁶.

Подобного рода качествами отмечены обычно натуры творческие, что не могло не вызвать у поэта ощущения духовного родства.

В переписке Пушкина Александра упоминается несколько раз вместе со старшей сестрой и как бы мимоходом, но есть одно письмо, где ей уделено персональное внимание. Это приписка к письму П. В. Нащокину от 27 мая 1836 года, т. е. за месяц с небольшим до написания стихотворения «Напрасно я бегу к Сионским высотам...»:

«Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях

говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду» (16, 121).

Ничего особенного как будто, но эта подробность проливает некоторый свет на отношения в семье: Александра участвует в заботах о детях и упомянута Пушкиным довольно тепло.

О столь же внимательном отношении к ней Пушкина сообщается А. Н. Вульф, со слов сестры поэта, П. А. Осиповой в письме от 12 февраля 1836 года: «Ольга утверждает, что он очень ухаживает за своей свояченицей»⁴¹⁷.

Гораздо больше говорят о тесных отношениях Александры с Пушкиным упоминания об этих отношениях в роковые дни января 1837 года в письмах и дневниках современников.

Например, многократно цитированное в разных исследованиях известное, неприязненное по отношению к поэту письмо Софьи Карамзиной брату от 27 января 1837 года (в день дуэли Пушкина!):

«В воскресенье <24 января> у Катрин⁴¹⁸ было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны, которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию, к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя — это начинает становиться чем-то большим обыкновенной безнравственности; Катрин⁴¹⁹ направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным...»⁴²⁰.

Очень убедительно, на наш взгляд, высказалась по поводу этого «кокетничанья» Анна Ахматова:

«Как можно кокетничать с человеком, который от ярости скрежещет зубами...»⁴²¹.

Действительно в поведении Александрины вряд ли можно заподозрить кокетство. Скорее всего, она, чутко понимая происходящее, старалась отвлечь внимание Пушкина от Дантеса.

Для нас важны здесь проявившиеся между Пушкиным и его свояченицей вполне короткие, дружеские отношения и взаимопонимание.

Об этом говорят и факты: в тот же день, когда происходил упомянутый раут, Пушкин отдал в заклад столовое серебро Александрины для получения денег на покупку дуэльных пистолетов, необходимых ему для уже решённого им для себя поединка с Дантесом⁴²². Вполне вероятно, что Александрина что-то знала о его намерениях или о чём-то догадывалась.

Упоминается Александрина и в дневнике А. И. Тургенева в записи от 19 января 1836 года в следующем контексте: «У князя Вяземского о Пушкиных, Гончаровой, Дантесе-Геккерне...»⁴²³ — Гончаровой здесь названа, конечно, Александрина, она единственная из сестер оставалась не замужем.

Вот как эту дневниковую запись Тургенева прокомментировал Р. Г. Скрынников:

«...запись Тургенева чрезвычайно важна, так как подтверждает, что в доме Вяземских новость о треугольнике Пушкин — его жена — Александрина Гончарова обсуждалась уже 19 января»⁴²⁴.

По мнению Скрынникова, полностью совпадающему с мнением Абрамович и Ахматовой, слухи об этом треугольнике активно инспирировались Геккерном с целью морально уничтожить Пушкина в глазах

общества и тем отомстить ему за все унижения последних месяцев.

И, наконец, именно с Александриной, единственной находившейся в доме, кроме детей, Пушкин простился 27 января, уезжая на дуэль с Дантесом⁴²⁵.

При этом оставляем за скобками «свидетельства» прислуги и дочери Натальи Николаевны от второго брака, П. А. Араповой (1845–1919), о крестике и цепочке или о крестике с цепочкой Александрины, якобы найденными в постели Пушкина. Потому что вся это позорная версия, повторяющая злоумышленную сплетню Геккернов, которую они усиленно распространяли в петербургском обществе в 1837 году, категорически отвергнута всеми серьёзными исследователями, в том числе и упомянутыми нами чуть выше.

Не говоря о моральной стороне дела, этого не допустила бы в своём доме ревновавшая Пушкина по пустяковым поводам Наталья Николаевна, и её добрые отношения с сестрой-предательницей не могли в таком случае сохраниться, а их совместное проживание после смерти Пушкина стало бы невозможным.

Кроме того, как заметила Ахматова, «такая связь рассматривалась тогда как инцест (кровосмешение)»⁴²⁶.

А теперь возвратимся к стихотворению «Напрасно я бегу к Сионским высотам...».

Пушкин в это время целиком погружён в работу по составлению и изданию «Современника». При этом он испытывает непреходящее отчаяние в связи с неисполними денежными долгами, раздираем ревностью и негодованием по поводу откровенного ухажи-

вания Дантеса за Натальей Николаевной, окружён светскими сплетнями по этому поводу, усугублёнными 4 ноября 1836 года ещё издевательским дипломом рогоносца.

Общение с Александрой Гончаровой, всё видящей и понимающей достаточно глубоко суть происходящего, вероятно, служило для него духовной отдушиной, являлось единственным духовным проблеском во мраке склудившихся вокруг него неразрешимых житейских проблем.

С достаточной долей вероятности мы можем считать, что именно Александра Гончарова, сблизившаяся с Пушкиным вследствие проживания в его семье и ставшая в роковые дни конца 1836-го и января 1837 года единственным, по мнению С. Л. Абрамович и Р. Г. Скрынникова, человеком, понимавшим и морально поддерживавшим его в последней преддуэльной ситуации, именно Александра Гончарова могла стать предметом его соблазна, признание о котором содержится в рассматриваемом стихотворении.

Добавим к изложенному выше еще несколько наблюдений.

Черновик стихотворения «Из Пиндемонте», на котором было записано стихотворение ««Напрасно я бегу к Сионским высотам...», обрывался на следующих строчках:

Не гнуть ни совести, ни мысли непреклонной
[Перед созданными искусствами и вдохновенья
Замедливать свой путь —] (З, 1031–1032).

Здесь Пушкин «замедлил» путь своего пера и, отклоняясь от развиваемой темы, вероятно, подумал

о том несбыточном, сказочном времени, когда это сможет произойти («...по прихоти своей скитаться здесь и там, / Дивясь божественным природы красотам / И пред созданными искусства и вдохновенья...»), и поймал себя на мысли об Александре Гончаровой, которая непременно должна будет при этом присутствовать, находиться рядом с ним... И устыдился этой мысли, вспомнив о реальном положении вещей.

И тут же осознал это как величайший грех, что и запечатлел в мгновенно возникших в этот момент покаянных строках о грехе, который гонится за ним по пятам...

А еще раньше, в июне — июле 1835 года, сидя над черновиком «Странника», крепкими нитями, как было упомянуто выше, связанного со стихотворением «Напрасно я бегу к Сионским высотам...», тоже, видимо, в момент замедления пера, он нарисовал два профиля Александры на полях автографа (18, 164).

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ КОПЫТОМ...»

(Политические воззрения Пушкина)

Пристальный интерес Пушкина к современной ему молодой американской литературе, в частности к творчеству Вашингтона Ирвинга, не вызывает сомнений. Еще при жизни Пушкина отмечалось воздействие Ирвинга на автора «Повестей Белкина»⁴²⁷. На использование Пушкиным в «Сказке о золотом петушке» мотивов «Легенды об арабском звездочете» обратила внимание Анна Ахматова⁴²⁸. К тому же времени относится предположение М. П. Алексеева о связи «Истории села Горюхина» с ирвинговской «Историей Нью-Йорка»⁴²⁹. Ирвинговская реминисценция обнаружена В. Д. Раком в «Каменном го-сте»⁴³⁰. Автор этих строк посвятил сюжетным параллелям «Капитанской дочки» с романом Фенимора Купера «Шпион» отдельную статью⁴³¹.

На сопоставлении со «Шпионом» Купера мы еще остановимся позднее, потому что в настоящей работе собираемся сосредоточиться не на литературных реминисценциях и заимствованиях, а на отношении Пушкина к происходящим на его глазах изменениям государственных формаций в Европе и Северной Америке.

Повод к этому дают его политического толка замечания в начале статьи о «Записках» Джона Теннера, которые были изданы в Нью-Йорке в 1830 г., а затем — на французском языке в Париже в 1835 г. С парижского издания Пушкин и сделал перевод для своего изложения «Записок» в упомянутой статье.

Начинает он с признания, что «Северо-Американские Штаты», которые собственно для упрощения и называются часто Америкой, живо интересуют Европу:

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями».

Но затем следует продолжение, в котором тональность пушкинского высказывания меняется:

«Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось».

Среди «нескольких глубоких умов», упомянутых Пушкиным, подразумевался, в частности, граф Алексис де Токвиль (1805–1859) — французский политический деятель, лидер консервативной партии порядка во времена Июльской монархии при Луи-Филиппе. Токвиль пришел к убеждению в необходимости и неизбежности перехода к демократическому политиче-

скому устройству для всех государств мира. Примером такого государственного устройства на тот исторический момент явились для него Соединенные Штаты Америки, куда он 1831 г. вместе со своим другом публицистом Густавом де Бомоном (1802–1866) отправился для подробного ознакомления с положительными и отрицательными сторонами нового государства. Пробыв в США год, путешественники возвратились домой, а в 1835 г. Токвиль издал книгу «О демократии в Америке», вызвавшей большой интерес в Европе XIX века и вновь востребованной в XX веке.

Сохраняя приверженность демократической идее, Токвиль указал на опасности всеобщего равенства, которое, прямо не противореча свободе, ведет к установлению деспотии большинства, к обособлению людей друг от друга, развивает страсть к наживе, которая становится во главе угла новой цивилизации. Противовесом негативным явлениям демократического устройства общества Токвиль считал независимость юридической власти (судов) и свободу прессы. Все это остро ощутил Пушкин, и этим ощущением проникнута критическая часть его отзыва об американской демократии образца 20–30 годов XIX века в цитированной уже статье «Джон Теннер»:

«С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имею-

щем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой, — такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Пушкин мог ознакомиться с книгой Токвиля, как и с «Записками» Джона Теннера, до лета 1836 г.⁴³². В черновом тексте письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 г., предлагая свою концепцию истории России, он признается:

«Петр Великий укротил дворянство, опубликовав *Табель о рангах*, духовенство — отменив патриаршество (NB: Наполеон сказал Александру: Вы сами у себя *поп*; это совсем не так глупо). Но одно дело произвести революцию, другое дело — это закрепить ее результаты. До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того чтобы ее упрочить. Екатерина II еще боялась аристократии; Александр сам был якобинцем. Вот уже 140 лет как (...) считает дворянство; и *нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией худшей, чем в Америке (читали ли вы Токвиля? Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею)*» (курсив мой. — В. Е.).

Таким образом, имя Токвиля возникает только в конце пушкинской сентенции, но за ним многое стоит. Нельзя не вспомнить в связи с этим строфу IX из неоконченной поэмы «Езерский»:

Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старея близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
*Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!*

(курсив мой. — В. Е.)

И тут уместно еще одно важное уточнение: «Езерский» датируется 1832–1833 гг., а книга Токвиля вышла в Париже в 1835 г. Следовательно, Пушкин и в пору работы над поэмой был в курсе главных американских событий. В том числе факта возникновения в 1828 г. символа демократической партии США в виде осла. Произошло это из-за того, что баллотирующийся на высший государственный пост от демократической партии Эндрю Джексон, ставший в результате выборов 7-м президентом США (1829–1837), подвергся нападкам и оскорблениям со стороны представителей Консервативной партии (Республиканская партия еще не существовала) за свое низкое происхождение. Консерваторы называли его «jackass» (осел), однако Джексон, вместо того чтобы оскорбиться, сделал осла (пример упрямства, стойкости и трудолюбия) своим лозунгом, и это ста-

ло символом его партии, сохранившимся до наших дней...

Менее обстоятельны пушкинские инвективы в адрес новых государственных установлений в Европе, в первую очередь во Франции, где уже существовали парламент с противоборствующими партиями, ответственность министров, суд присяжных, ограниченное избирательное право (для плательщиков 200 франков прямых налогов).

Именно к депутатам французского парламента обращены его гневные строки в известном ультрапатриотическом стихотворении: «Клеветникам России».

В письме Н. Б. Голицыну от 10 ноября 1836 г., приславшему свой перевод на французский язык упомянутого стихотворения, Пушкин вновь саркастически вспоминает их:

«Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа *моих друзей*, но ни один не стоит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время — я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов».

То же пренебрежение к депутатским полномочиям и к прессе в стихотворении начала июля 1836 г. «Из Пиндемонти», написанном за полгода до смерти»:

Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,

Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура...

Итак, Пушкин предстает в критике демократии своего времени убежденным монархистом (как, заметим, Вяземский, Жуковский, Плетнев и другие его друзья и сподвижники по литературной борьбе).

А пушкинское признание в стихотворении «Друзьям» (1828), вызвавшее ропот и возмущение в среде его поклонников:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю —

совершенно искренне и сделано, как говорится, в «трезвом уме и твердой памяти».

Но он ратует за такую монархию, где бы правитель был благородным и справедливым, как его Екатерина II в финале «Капитанской дочки» (хотя в жизни он относился к Екатерине с неизменной неприязнью); как Дук в «Анджело», как Петр I, которого Пушкин со времени освобождения из ссылки в 1826 г. ставил в пример Николаю I.

Что касается Екатерины II, художественно идеализированной Пушкиным в известной всем нам с детства повести, то здесь, как мы уже писали об этом⁴³³, возникает не единственная параллель с романом Купера «Шпион». Так, герою упомянутого романа Генри Уартону, захваченному американскими мятеж-

никами в качестве лазутчика англичан, грозит (как и Гриневу) суровое наказание в результате беспристрастного и обстоятельного судебного разбирательства. При этом лидер мятежников Вашингтон, лично знакомый с Генри (как Пугачев с Гриневым), открыто ничем не может помочь обвиняемому, хотя в душе уверен в его невиновности и искренне сочувствует ему и его семье. Вашингтон не может мановением руки освободить своего пленника от смертной казни и вынужден вмешаться в ход дела тайно. Он поручает своему доверенному лицу устроить побег Генри.

В отличие от Вашингтона Екатерина обладает властью, не ограниченной законом. Для Екатерины, оправдывающей Гринева на основании прошения его невесты, решение суда по его делу вообще не является каким-либо препятствием.

В сюжетной параллели с Купером Пушкину, конечно, импонирует, что императрица в отличие от будущего президента демократического государства, власть которого ограничена законом, может проявить милость, быть милостивой к осужденному...

Однако в этой надежде на милость, благородство и справедливость правителя Пушкин постоянно испытывает жестокие разочарования. Царь так и не помиует сосланных в Сибирь декабристов, несмотря на очевидные призывы поэта («Стансы», 1826; «Друзьям», 1828; «Утопленник», 1828; «Пир Петра I», 1835 и др.).

Разочарованием явилось для Пушкина и ужесточение внутренней политики Николая I, начавшееся летом 1832 г. с запрещения журнала «Европеец» И. В. Киреевского. В письме последнему от 11 июля 1832 года находим:

«Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из болгаринской навозной кучи, но *из тучи...*»

«Туча» в письме указывает на самый верх⁴³⁴.

Несколькими месяцами ранее Пушкин сам получил довольно резкое письмо от Бенкендорфа, касающееся публикации стихотворения «Анчар» в альманахе «Северные цветы на 1832 год».

В апреле 1834 года цензурные ужесточения вновь коснулись Пушкина в связи с публикацией поэмы «Анджело» в сборнике «Новоселье»⁴³⁵.

Мелочные придирки царя, касающиеся придворной службы, вызвали уничижительную по отношению к нему запись от 21 мая 1834 г. в Дневнике Пушкина:

«В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» (франц.).

И, наконец, характеристика монархической России в окончании письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 г., не менее жесткая, чем критика американской демократии в цитированной выше статье о Джоне Теннере:

«Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству поистине могут привести

в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили...»

Последнее разочарование поджидало Пушкина в связи с работой над историей Петра I, монарха, образ которого представлен в пушкинском творчестве с восхищением и неизменной симпатией и который ставился в пример императору действующему, как образец для подражания.

Подтверждением упомянутого разочарования Пушкина-историка служит его конспект событий за 1721 год в материалах к истории Петра, исключенный впоследствии цензурой из его тетрадей:

«Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика.

НВ. (Это внести в Историю Петра, обдумав).

По учреждении синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то (по свидетельству современников — графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх.

Сенат и синод подносят ему титул: Отца Отечества, Всероссийского Императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их.

Сенат (т. е. восемь стариков) прокричали vivat...»

Никитенко в дневниковой записи от 21 января 1837 г. сообщал о встрече с Пушкиным у П. А. Плетнева, где разговор также шел об «Истории Петра», и Пушкин сомневался, что ее можно будет провести через цензуру. Это опасение оправдалось: после его смерти В. А. Жуковскому не удалось опубликовать материалы о Петре, собранные Пушкиным, из-за возражений Николая I, усмотревшего в них «неприличные выражения», касающиеся Петра⁴³⁶.

Приведенные примеры говорят о том, что и монархия в реально существовавшем виде не могла удовлетворить Пушкина.

Итак, подведем итоги:

в результате нашего исследования Пушкин предстает убежденным монархистом, но с чаянием благородного и справедливого монарха;
в результате нашего исследования Пушкин предстает убежденным противником демократии, но остается при этом поборником свободы, как личной (см. «Из Пиндемонти»: «...себе лишь самому/Служить и угождать»), так и общественной (см. «Памятник»: «...восславил я свободу»).

В связи с этим особое значение приобретают известные строки стихотворения «Из Пиндемонти»:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно?...

Может быть, это и есть окончательное пушкинское суждение по поводу монархии и демократии, не допускающее однозначных трактовок?

И мы вновь убеждаемся в том, что, в какие бы готовые формулы кто-то ни пытаться уложить мысли Пушкина по той или иной проблеме, это все равно окажется для них прокрустовым ложем.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА ИЛИ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ МАЯК?

О стихотворении Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»⁴³⁷, в частности об «Александрійском столпе», написано немало количество литературоведческих исследований и критических статей. Вспомним хотя бы М. Ф. Мурьянова: «В пушкиноведении шли долгие споры о том, что же такое *Александрійскій столп*, ведь ничего под таким названием нет во всех каталогах достопримечательностей. Он, в сущности, и задуман как тайна, которая должна быть унесена поэтом в могилу»⁴³⁸. Правда, в пушкиноведении советском никаких споров по этому поводу быть не могло: «Александрійскій столп» интерпретировался совершенно однозначно как Александровская колонна в Петербурге, воздвигнутая в 1834 году в честь победы императора Александра I над Наполеоном в войне 1812 года. Столь же однозначно воспринималась «свобода», которую «восславил» поэт, — исключительно в политическом, а не в философско-нравственном смысле, то же и «милость к падшим» — не милосердие как таковое⁴³⁹, а «милость» исключительно по отношению к осуж-

денным декабристам. При этом лингвистической стороне вопроса — прилагательное «александрійский» не может образовываться в русском языке от мужского имени Александр — не придавалось особого значения. Вопрос же этот со всей внятностью был поставлен еще в 1937 году бельгийским филологом Анри Грегуаром⁴⁴⁰, а затем на исходе советского времени и в постсоветский период поддержан Н. М. Шанским (1989)⁴⁴¹, С. А. Фомичевым (1990)⁴⁴² и М. Ф. Мурьяновым (1996)⁴⁴³. Все они сошлись во мнении, что Александрийским столпом следует считать одно из высочайших сооружений Древнего мира — знаменитый александрийский маяк Фарос, который наряду с египетскими пирамидами (ода Горация) входил во все известные списки семи чудес света. Пейзаж древней Александрии с Фаросом действительно есть в неоконченном пушкинском произведении «Мы проводили вечер на даче...» (1835), написанном примерно за год до «Памятника»: «Темная, знойная ночь объемлет африканское небо; Александрия заснула; ее стогны утихли, дома померкли. Дальний Фарос горит уединенно в ее широкой пристани, как лампада в изголовье спящей красавицы» (VIII, 422).

Однако позднее О. А. Проскурин (1999) и М. Б. Мейлах (2005) возвратились к старой трактовке пушкинской формулы, для чего предложили свои разрешения лингвистического несоответствия, отмеченного Анри Грегуаром, которых мы еще коснемся в свое время. Пока же рассмотрим более подробно последнее исследование, претендующее на подведение окончательного итога в затянувшейся полемике⁴⁴⁴. Оно посвящено противостоянию Пушкина императору Александру I, а затем и Николаю I,

сменившему старшего брата на царском престоле. Именно этим определяется, по мнению М. Б. Мейлаха, содержание двух строк «Памятника», невольно оказавшихся сейчас в фокусе нашего внимания:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.

Автор приводит немало подтверждений указанному противостоянию, ссылаясь при этом и на Вяземского, который по поводу благоприятной для Пушкина аудиенции у Николая I (8 сентября 1826 года), положившей конец долголетней ссылке поэта, заметил: «Либералы, однако же, смотрели с неудовольствием на сближение двух potentatov»⁴⁴⁵; и на Тютчева, который нарек убийцу Пушкина «цареубийцей»; и на современные литературоведческие исследования, в частности на работу М. Н. Виролайнен о культурном герое нового времени, подчеркнувшей, что «по отношению к царю поэт <...> оказывается и его „парой“ и его „конкурентом“»⁴⁴⁶.

Такой смысл можно как будто бы найти в первой из процитированных пушкинских строк (о «нерукотворном памятнике», воздвигнутом поэтом себе самому своим поэтическим служением):

Вознесся выше он главою непокорной...

Но вот что важно: никаких конкретных указаний и даже намеков в ней нет. Мысль о противостоянии Поэта и Властителя содержится в ней, как говорится, в общем виде. Выше чего он «вознесся» (вторая строка), мы рассмотрим позже. Но и без указания объек-

та, который был избран Пушкиным для сравнения и которого мы пока не касаемся, ясно, что речь идет о противостоянии Поэта любому земному властелину, кем бы тот ни был, ведь вознесся-то «нерукотворный» памятник «главою непокорной». Кому «непокорной»? Конечно, любой земной власти. Кроме того, это только один из множества аспектов (быть может, один из важнейших, но не единственный), составляющих содержательную основу стихотворения. Ведь в нем явлены мысли и о поэтическом бессмертии («Нет, весь я не умру»), и о противостоянии «нерукотворного» рукотворному, и о милосердии («милость к падшим»), и о превышающем все и всяческие веления «веленье Божьем», и еще многое другое.

Поэтому трудно согласиться с утверждением автора о том, что мотив «конкуренции или соперничества» с царской властью «многообразно заложен»⁴⁴⁷ в пушкинском стихотворении. Нам этого «многообразия» выявить не удастся, автор же не подкрепил свое сомнительное, на наш взгляд, утверждение пушкинским текстом. Спору нет, тема, разрабатываемая им в рассматриваемой статье⁴⁴⁸, безусловно, актуальна, и статья его содержит немало интересных наблюдений, но они, по нашему глубокому убеждению, не имеют прямого отношения к пушкинскому «Памятнику». Гениальное пушкинское стихотворение, не побоимся сказать, не об этом или не только и не столько об этом. Оно о миссии, или, как позднее замечательно выразился Блок, о назначении поэта: «„Памятник“ — не только итог биографии, личной судьбы (как было у Горация и Державина). Судьба поэта Пушкина — для Пушкина лишь сюжет. Содержание же — миссия *поэта*. Излишние конкрет-

ные временные детали убраны, осталось движение истории»⁴⁴⁹.

Так формулировал свое отношение к «Памятнику» Валентин Непомнящий более сорока лет назад в статье, опубликованной в «Вопросах литературы» (1964). Значительно позднее он вновь подтвердил ту свою позицию: «Пушкинское стихотворение (в отличие от „Памятников“ Горация и Державина, где авторы говорят в буквальном смысле о себе лично) вовсе не „личное“, не о поэте А. С. Пушкине, его „заслугах“, его судьбе, а о *миссии поэзии*, как она понимается поэтом Пушкиным и как выполнена в его творчестве. Из лично-национального плана тема переводилась в план национально-общечеловеческий. „Я“ было лишь точкой опоры, но не основным содержанием. Соответственно, общепринятое узко историческое толкование „свободы“ и „милости к падшим“ (следование Радищеву, призыв помиловать декабристов) становилось частью широкого философского и нравственного понимания: свобода духа, милосердие к людям»⁴⁵⁰.

Наиболее важно здесь для нас утверждение о том, что «излишние конкретные временные детали убраны» и что «общепринятое (в советское время. — В. Е.) узко историческое толкование» отдельных пушкинских мотивов в «Памятнике» неплототворно — их нужно рассматривать в «широком философском и нравственном» контексте.

Той же точки зрения придерживался М. Ф. Мурьянов в своих заметках о «Памятнике», где он цитировал бельгийского филолога Анри Грегуара: «Пушкин по размышлении очистил свой шедевр от слишком злободневных намеков, недостойных его и того, что дается навеки»⁴⁵¹.

Вопреки этому, М. Б. Мейлах вновь попытался доказать, что в пушкинском стихотворении содержится злободневное и политически актуальное для его времени утверждение о противостоянии поэта Пушкина власти российского царя: «Суммируя сказанное, можно видеть, что в стихотворении, написанном „почти“ (? — В. Е.) *александрийским* стихом, поэт *Александр* Пушкин утверждает, что воздвигнутый им „нерукотворный“ поэтический памятник (каковым данное стихотворение является *par excellence*) вознесся выше „рукотворного“ *Александрийского* столпа — памятника неправомерно сакрализированной славе нелюбимого им тезоименитого императора *Александра I*»⁴⁵².

Курсив в словах «александрийский» (стих) — «Александр» (Пушкин) — «Александрийский» (столп) — «Александр» (император) демонстрирует желание подтвердить правомерность образования прилагательного «александрийский» от имени «Александр» (вместо «александровский»), что на самом деле, как уже было отмечено, противоречит нормам русского языка.

Поборники узко исторической трактовки «Памятника» и раньше неоднократно пытались это противоречие снять. Современные авторы, как уже было упомянуто, предложили новые решения существующей для их интерпретации проблемы. Так О. А. Проскурин исходил из того, что Петербург 30-х годов XIX века порой отождествлялся в петербургской высококультурной среде (П. Я. Чаадаев, П. А. Катенин)⁴⁵³ с египетской Александрией, и потому, мол, Пушкин петербургскую Александровскую колонну и назвал «Александрийским столпом». Заметим, что, оппонируя своему фактическому единомышленнику, М. Б. Мейлах со-

вершенно резонно охарактеризовал проскуринскую интерпретацию, основанную на параллели Петербург — Александрия, как «натянутую» и «несомненно недостаточную»⁴⁵⁴.

Сам же он предложил не менее остроумную, но столь же недостаточную, на наш взгляд, версию: «На самом деле мы имеем дело со скрытым галлицизмом, образованным по той же модели, что *александрийский*, а не *александровский* стих — от *vers alexandrine* (получившего имя по названию отнюдь не города, а средневекового „Романа об Александре <Македонском>“) <... > галлицизм этот восходит к присутствующей в сознании людей пушкинского времени *colonne Alexandrine* — компактной форме, несомненно бывшей у всех на устах (начиная с ее проектировщика и строителя Огюста Монферрана) в течение четырех лет строительства колонны, каждый момент которого освещался в печати не только русской, но и французской. Именно форма времени *colonne Alexandrine*, более удобная для произнесения, чем громоздкая именная притяжательная конструкция *colonne (d') Alexandre I*, и сама как бы составляющая полустишие воображаемого александрийского стиха, постоянно употребляется в газетных отчетах, издававшейся в столице официальной газеты *Journal de Saint-Petersbourg*»⁴⁵⁵.

Во-первых, маловероятно, чтобы в пушкинском стихотворении были сведены вместе в одном словосочетании галлицизм (по утверждению автора статьи) «Александрийский» и архаизм «столп». Такой, с позволения сказать, лингвистический эклектизм совершенно не характерен для Пушкина. Более органичным и близким к французскому наименованию

выглядело бы в данном случае словосочетание «Александрийская колонна».

Во-вторых, не может, на наш взгляд, восприниматься всерьез утверждение о том, что словосочетание «Александровский столп» («Александров столп») отвергнуто Пушкиным по соображениям стихотворной техники: «...наконец, ограничения, налагаемые метрикой, преуменьшать значение которых вслед за О. А. Поскуриным нет никаких оснований. Ни *Александрийская колонна*, ни *Александровский столп* ни в именительном, ни в косвенных падежах в ямб не вписываются и вообще "неудобны" не только метрически, но и ритмически»⁴⁵⁶ — таким доводом пытается обосновать свою концепцию автор. Кстати, упомянутый им О. А. Поскурин подобного рода предположения отклонил весьма, на наш взгляд, изящно: «...мысль же о том, что Пушкин совершил это насилие над языком (написав *Александрийский* в смысле *Александровский*. — В. Е.) для того, чтобы втиснуть слово в четырехстопный ямб, исполнена не преднамеренного комизма»⁴⁵⁷.

И в-третьих, не все так просто с именованием стиха, которым был написан в XII веке роман об Александре Македонском: русское «александрийский» не произведено от русского имени «Александр», а является модификацией французского прилагательного *alexandrin*, образованного в соответствии с нормами французского языка от имени *Alexandre*. Название стиха перешло в русский язык из французского, обрета при этом русские суффикс и окончание и претерпев некоторую коррекцию («александрийский» вместо более точного по звучанию «александринский»).

Главное же наше возражение заключается не в этом. В пушкинском стихотворении, повторим это вслед за Валентином Непомнящим, «излишние конкретные временные детали убраны», или, как выразился Анри Грегуар, Пушкин «очистил» свой «Памятник» «от слишком злободневных намеков».

Поэтому более вероятной представляется интерпретация «Александрийского столпа», предложенная тем же Грегуаром и его последователями. Гораций избрал для сравнения по высоте со своим «нерукотворным» памятником египетские пирамиды (другое, не жели Фарос, из семи чудес света):

... и пирамид выше он царственных⁴⁵⁸.

Пушкин заменил египетские пирамиды александрийским маяком (предположение о причине такой замены мы выскажем чуть позже). Отметим при этом, что М. Б. Мейлах придает чрезмерное, на наш взгляд, значение эпитету «царственных» у древнеримского поэта, относящемуся к усыпальницам египетских фараонов. Эпитет этот не имеет ни малейшего оттенка злободневности, какую приписывает он стихотворению Пушкина и каковая могла бы иметь место, сравни Гораций свой памятник с усыпальницами или какими-либо достопримечательными по своей высоте сооружениями Империи или скульптурами римских владык. Осмелимся предположить, что эпитет этот подчеркивает лишь царственность пирамид как сооружений, возвышающихся над безлюдным плоским пространством пустыни⁴⁵⁹.

Таким образом, и Гораций, и Пушкин сравнивали высоту своих «нерукотворных» памятников с высочайшими в мире «рукотворными» объектами. Иначе и не могло быть: высоте памятника издревле придава-

лось особое значение. Об этом свидетельствует хотя бы форма доисторических памятников на территории будущей России, каковыми являлись по существу древние курганы. По утверждению М. Ф. Мурьянова, «фактор высоты уже тогда имел решающее значение в иерархии курганов». Утверждение это он сопровождал примерами: «...убитые Олегом в Киеве в 882 г. Аскольд и Дир были погребены на вершине горы. Сам Олег был в 912 г. погребен на горе Щековице»⁴⁶⁰.

И здесь обнаруживается еще одна уязвимость старой трактовки: Александровская колонна никак не может соперничать по высоте с теми древними сооружениями, на которых остановились Гораций и Пушкин, ее высота — 154 фута⁴⁶¹, или 46,94 м; высота пирамиды Хеопса — 138 м⁴⁶²; высота Фароса — 110 м⁴⁶³ (по некоторым источникам, 135⁴⁶⁴ и даже 180⁴⁶⁵ м). Таким образом, если бы объектом для сравнения высоты своего памятника Пушкин действительно избрал Александровскую колонну, то пушкинский эталон высоты был бы ниже, чем у Горация, почти в три раза! Отметим при этом, что Александровская колонна вообще не является очень уж высоким сооружением (хотя, быть может, и стала самым высоким памятником своего времени), она не доминирует по высоте даже на месте своего установления — на Дворцовой площади Петербурга, где смотрится явно ниже арки здания Главного штаба. Таков на самом деле «здравый смысл», к которому будто бы апеллирует М. Б. Мейлах: «Здравый смысл требует все-таки видеть в пушкинском стихе сравнение прежде всего с петербургским памятником, установленным в честь побед императора Александра I»⁴⁶⁶. Нам

же представляется, что пушкинское **«вознесся выше он...»** предполагает (по аналогии с одой Горация) высоту, превосходящую все известные в его время «рукотворные» сооружения мира, только таким «нерукотворному» памятнику Поэту и подобает быть!⁴⁶⁷ Именно в этом видится нам суть пушкинского сравнения.

Тот же довод в пользу александрийского маяка выдвинут С. А. Фомичевым: «Если принять во внимание, что в первой строфе имеется в виду самое дальнее будущее время, то масштаб сопоставления „памятника нерукотворного“ с Александровской колонной окажется неизмеримо заниженным. Нет, речь здесь может идти только о самом грандиозном сооружении рук человеческих, о культурной реалии всемирного значения»⁴⁶⁸.

Вслушаемся еще раз в величественную архаику пушкинской лексики: «памятник нерукотворный», «вознесся главою», «столпа», «в заветной лире», «тленья убежит», «в подлунном мире», «пиит», «Руси великой», «сущий в ней язык», «ныне дикой», «любезен я народу», «милость к падшим», «Веленью Божию», «приемли», «оспоривай»...

Высокий торжественный слог «Памятника», роднящий его этим, а также и ритмически с переложением великопостной молитвы Ефрема Сирина («Отцы пустыnnики и жены непорочны...»), написанной за месяц до него, исключает, как нам представляется, возможность сиюминутной злободневности и публицистичности в нем.

И все же остается вопрос: зачем понадобилось Пушкину заменить Фаросом египетские пирамиды, избранные для сравнения Горацием, а затем Держа-

виным? Нам представляется, что, производя эту замену, Пушкин намеренно ввел в стих лукавую двусмысленность, связанную с тем, что прилагательное «Александрийский» и имя «Александр» имеют общий корень, и тем самым как бы бросил ответ от высочайшего в Древнем мире сооружения на современную ему Александровскую колонну в Петербурге. Быть может, в том и суть произведенной Пушкиным замены. И тогда прочтение «Александрийского столпа» как Александровской колонны, поддержанное нашими оппонентами (как частный, прикладной случай), тоже возможно. Ведь пушкинское слово, как мы не устаем повторять, всегда многозначно. Вновь вспомним Ю. Н. Тынянова: «Семантика Пушкина — двупланна, „свободна“ от одного предметного значения, и поэтому противоречивое осмысление его произведений происходит так интенсивно»⁴⁶⁹. Поэтому-то уже в пушкинское время «Александрийский столп» мог восприниматься кем-то (особенно цензурой) как Александровская колонна, и здесь мы готовы присоединиться к пассажиу М. Б. Мейлаха: «Недаром Жуковский, готовя стихотворение к публикации в 1841 г., заменил, из цензурных соображений, „Александрийский столп“ на „Наполеонов“»⁴⁷⁰. Но ведь возможность «применений» не может служить доказательством того, что именно в этом и был истинный замысел Пушкина. Возможность разного рода «применений» очень часто сопровождала пушкинские стихи, но далеко не всегда эти «применения» были обоснованы.

Вообще узко историческая интерпретация «Александрийского столпа» слишком жестко связывает пушкинское стихотворение с 30-ми годами XIX века,

замыкает его в них. Столь однозначное прочтение не будет полноценным, адекватным. Ведь это стихотворение (как и ода Горация) на века, на все времена — таким оно было задумано и осуществлено Пушкиным. При взгляде из той временной дали, к которой устремлялась мысль поэта, и Александровская колонна, и сам Александр I будут становиться все менее различимыми

О ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

Проблема языка пушкинских произведений всегда была в центре внимания исследователей, таких как В. В. Виноградов⁴⁷¹, Г. О. Винокур⁴⁷², А. И. Горшков⁴⁷³. Важным этапом работы в этом направлении стало создание 4-томного Словаря языка Пушкина (первое издание — 1956–1961 гг.)⁴⁷⁴. Однако в вопросе об архаичности или современности пушкинского языка нет единого мнения. В начале двухтысячных годов А. Б. Пеньковский (автор нашумевших книг «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении»⁴⁷⁵ и «Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики»⁴⁷⁶) высказался по этому поводу довольно радикально:

«Тот язык, на котором думал, говорил, писал и творил Пушкин, это язык во многом близкий к современному, очень на него похожий, но в то же время глубоко от него отличный. Речь здесь идет <...> о глубинных, недоступных поверхностному взгляду, сущностных отличиях, которые лежат в сфере словарных, коннотативных, оценочных и иных значений, скрытых, замаскированных наруж-

ной близостью, кажущимся обманчивым тождеством» (разрядка Пеньковского. — В. Е.)⁴⁷⁷.

Не принимая в целом концепцию А. Б. Пеньковского, нельзя не признать, что применительно к отдельным пушкинским словам и фразам приведенное выше утверждение является точным. Примеры «поверхностного взгляда» встречаются сплошь да рядом, остановимся на одном из недавних. Критик Михаил Эпштейн в беседе с литературоведом Геннадием Барбтарло, поделившимся с ним «своими проницательными наблюдениями»⁴⁷⁸ по поводу прозы Пушкина, поведал об «анекдотических неувязках» в двух пушкинских произведениях⁴⁷⁹.

Одно из них повесть «Выстрел», в которой к такой «неувязке» отнесено внезапное появление графини в кабинете графа во время его отложенной дуэли с Сильвио. Напомним, что дверь в кабинет графа предварительно запер.

Вот как это изображено в повести:

«Подали свечи. Я запер двери, не велел никому входить и снова просил его (Сильвио. — В. Е.) выстрелить <...>

Вдруг двери отворились, Маша вбегает и с визгом кидается мне на шею».

По этому поводу М. Эпштейн победительно замечает:

«Так заперта была дверь или нет? Каким образом графине удалось проникнуть в кабинет? Кажется,

точность и правдоподобие заботят Пушкина гораздо меньше, чем возможность извлечь наибольший драматический эффект из сцены дуэли».

Однако на самом деле у Пушкина здесь всё в порядке. Просто критику и его собеседнику, прежде чем находить «золотые пятна» у Пушкина, следовало бы заглянуть в Словарь языка Пушкина. И они поняли бы, что слово «запереть» в пушкинское время было синонимично слову «затворить»⁴⁸⁰.

Такое же значение слова «запереть» приводилось в Словаре Академии Российской 1793 года: «Запира/ю, ешь, за/перъ, запру\, пира/тъ, запере/тъ. гл. д. 1) За-мыкаю, затворяю, укрепляю плотно. Запереть дверь, покой, сундук»⁴⁸¹. Это значение слова «запереть» сохранялось еще в словаре Даля, спустя много лет после написания пушкинской повести⁴⁸².

Кроме того, «проницательный» критик еще и невнимательно прочел пушкинский текст, пропустив всё объясняющую вторую часть фразы: «Я запер двери, не велел никому входить». То есть граф, закрыв двери кабинета, предупреждает, чтобы не входили! Совершенно ясно, что ни о каком замке (ключе) здесь не может быть и речи.

Заметим, что и другая претензия М. Эпштейна к той же повести столь же несостоятельна: «В „Выстреле“ граф так начинает свой рассказ:

«„Однажды вечером ездили мы вместе верхом; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой; я поехал вперед“.

Это понадобилось Пушкину по сюжету, чтобы граф до прихода жены успел повстречать Сильвио и начать с ним повторную дуэль. Ситуация кажется искусственной, а поведение графа не вполне рыцарственным: естественнее было бы ему не оставлять жену одну, а предоставить ей свою лошадь и пойти пешком самому, взяв другую лошадь под уздцы. Или вместе добраться пешком до дома»⁴⁸³.

Критику не нравится лаконизм пушкинской прозы, ему хотелось бы более пространного повествования. Но это не соответствовало бы пушкинской поэтике. Пушкин совершенно не считает нужным извещать читателя о каких-то второстепенных необязательных деталях, замедляющих ход повествования.

А эти намеренно пропущенные Пушкиным детали таковы: у графа могли быть причины возвратиться домой в намеченное время, не задерживаясь при возвращении; у графини могло возникнуть желание пройти пешком до своего владения в одиночестве; лошадь жены граф мог взять за повод и увлечь за собой, освободив тем самым жену от необходимости вести ее под уздцы, что он и сделал, судя по тексту: «...она испугалась, отдала мне поводья».

Но критик настаивает! Почему граф не предложил жене пересесть на свою лошадь? Да потому, что в XIX веке это было сложнее сделать, чем сегодня пересесть из машины в машину, только чуть подвинув водительское кресло в соответствии с длиной ног. Чтобы графине пересесть на лошадь мужа, необходимо было изменить положение стремян по высоте слева и справа от крупы лошади, седло графа тоже вряд ли было бы удобно для графини, а, главное, если ее ло-

шадь «заупрямилась», то тем более вероятно недовольство лошади мужа при смене наездника.

Всего этого можно было бы и не касаться, уходя в сторону от нашей темы, но уж слишком самоуверенно отчитывает критик Пушкина за недочеты, которых на самом деле в тексте нет.

Возвратимся к толкованию М. Эпштейном «неправильности» пушкинской лексики.

Ту же «нестыковку» по поводу запертой двери находит искатель золотых пятен у Пушкина и в «Пиковой даме». Здесь он сосредоточивает внимание на следующем фрагменте повести:

«Швейцар запер двери. Окна померкли. Германн стал ходить около опустевшего дома <...> Ровно в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени».

Этот эпизод в последние двадцать лет уже обращал на себя внимание исследователей: Л. Магазаника⁴⁸⁴, Ю. Н. Чумакова⁴⁸⁵, Г. Г. Красухина⁴⁸⁶, В. А. Губайловского⁴⁸⁷ и др. Их соображения были критически рассмотрены в нашей работе «Швейцар запер двери...» с помощью всё того же лингвистического анализа пушкинского текста, который осуществлен и в настоящей статье (К теме фантастического в «Пиковой даме»)⁴⁸⁸.

Но следует заметить, что никто из упомянутых авторов не взял на себя смелость упрекать Пушкина в небрежности и невнимании к деталям собственного повествования. Все они видели здесь, по определению С. Г. Бочарова, случай «внутренней, неявной фантастичности»⁴⁸⁹.

А вот ниспровергающий Пушкина комментарий М. Эпштейна по этому поводу:

«Каким чудом Герман проходит через только что запертую дверь и оказывается в ярко освещенных сенях, где десять минут назад погасили свет? Как автор на протяжении одного абзаца делает два столь противоположные допущения? Неужели он забыл то, о чем писал тремя предложениями раньше?»

А никакого чуда на самом деле нет и ни о чём автор «не забыл»: швейцар запер двери не на ключ, как может понять современный читатель, а просто затворил (закрыл) их, как это воспринималось в пушкинское время и как это имел в виду Пушкин.

Что касается ярко освещенных сеней, в этом тоже нет никакого чуда: свет в доме был погашен, а в сенях, не имевших окон, продолжал гореть, потому что там оставался в тот момент швейцар. Более подробно это рассмотрено в нашей уже упомянутой работе.

Столь же поверхностно прочитаны Михаилом Эпштейном и другие фрагменты повести⁴⁹⁰, лаконизм повествования которой, свойственный всей прозе Пушкина, явился для него камнем преткновения.

А примеры пушкинского словоупотребления можно продолжать. И в главе 5 «Арапа Петра Великого» глагол «запереть» использован в значении «затворить» («закрыть»):

«Гаврила Афанасьевич запер все двери (в опочивальне. — В. Е.), сел на кровать в ногах князя Лыкова и начал вполголоса следующий разговор <...> В эту

минуту за дверью раздался шум. Гаврила Афанасьевич пошел отворить ее, но почувствовал сопротивление, он сильно ее толкнул...»

Взаимосвязанность в приведенном фрагменте текста слов «запереть» — «отворить» говорит сама за себя, как и подробность «запер все двери» — невозможно себе представить хозяина дома боярина Гаврилу Афанасьевича, запирающего ключами все двери в собственной опочивальне, чтобы уединиться для разговора с сестрой и тестем.

Таким образом, совершенно прав был А. Б. Пеньковский, предупреждая, что порою в пушкинской лексике скрыты иные значения, «замаскированные наружной близостью» к современному пониманию того или иного слова.

И все же, вопреки утверждениям уважаемого филолога, большая часть пушкинской лексики не выходит за пределы современных значений. В одной сравнительно недавней работе определено количественное присутствие архаизмов у Пушкина: общее число устаревших лексем в языке Пушкина составляет «чуть более 1000 единиц»⁴⁹¹.

Насколько точен этот анализ, судить не беремся, но наше утверждение о том, что пушкинская лексика мало отличается от современной, можно подтвердить множеством примеров. В некоторых случаях можно обнаружить у Пушкина словоупотребления, удивительно напоминающие совсем разговорные и даже близкие нынешнему сленгу.

Вот, например, строки из стихотворения 1814 года «Пирующие студенты», обращенные к одному из лицейских товарищей:

С тобой **тасуюсь** без чинов,
Люблю тебя душою... (выделено мною. — В. Е.).

Здесь «тасуюсь» вполне идентично по смыслу современному «тусуюсь».

Или другой пример, в марте 1823 года Пушкин пишет П. А. Вяземскому: «Думаю скоро связаться с Бируковым и стану **доезжать** его в этом смысле...», то же выражение в письме к тому же Вяземскому от 1 декабря 1826 года: «Какой! меня **доезжают!**...» (выделено мною. — В. Е.).

«Доезжают» явный синоним современному «достают» («меня достают»).

И даже ненормативная лексика в пушкинской разговорной речи, слышимой в его письмах, вполне современна: «...т. е. или рыбку съест, или на (- — -) сесть. Дамы принимают эту пословицу в обратном смысле» (письмо П. А. Вяземскому от 1–3 апреля 1824 года).

Да, язык Пушкина может отличаться от нашего, иногда существенно (таких примеров немало в упомянутых исследованиях А. Б. Пеньковского), может совпадать с современными значениями слов (так оно и есть в подавляющем большинстве случаев), а иногда, как это ни удивительно, может прямо предвосхищать фразеологию, которую мы склонны считать сугубо сегодняшней. Здесь, как и всегда в отношении Пушкина, однозначность недопустима.

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ

«С ГОМЕРОМ ДОЛГО ТЫ БЕСЕДОВАЛ ОДИН...»

В настоящей главе мы не собираемся отрицать (или приуменьшать) значение того факта, что советская текстологическая наука имеет неоспоримые и даже выдающиеся заслуги в изучении пушкинского наследия. Однако немало было и сомнительных решений. Об одном таком частном, но весьма характерном случае и пойдет речь дальше.

1

В третьем томе Большого академического собрания сочинений Пушкина находится бывшее когда-то предметом острой полемики стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...», которому в советское время было присвоено редакционное название «Гнедичу»:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.

И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,]
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.

При этом пятая строфа дается в квадратных скобках — знак того, что она была зачеркнута автором.

Однако еще в начале XX века стихотворение выглядело совершенно иначе — оно состояло лишь из 16 стихов и имело название «К Н**». Именно так оно было впервые опубликовано Жуковским (1841) в посмертном собрании сочинений Пушкина и с тех пор именно в таком виде воспроизводилось во всех дореволюционных изданиях (за исключением Собрания сочинений под редакцией В. Я. Брюсова). Этот текст рассматривал Белинский («Сочинения Александра Пушкина. Статья 3-я») ⁴⁹², его же привел Гоголь

в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (письмо Жуковскому «О лиризме наших поэтов»)⁴⁹³:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? Ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаясь лучей,
В порыве гнева и печали
Ты проклял нас, бессмысленных детей,
Разбив листы своей скрижали?
Нет, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Сходить под тень долины малой,
Ты любишь гром небес, и также внемлешь ты
Журчанью пчел над розой алой.

Откуда же появились дополнительные строфы? Это довольно непростая история, и мы сейчас, по мере наших возможностей, попытаемся в ней разобраться.

В материалах для биографии Пушкина П. В. Анненков в 1855 году сообщал о существовании недошедшего до нас автографа стихотворения, где действительно были еще две (дополнительные по отношению к опубликованному тексту) строфы. Описывая этот автограф, Анненков отметил следующее:

«Но здесь еще пьеса не кончается у Пушкина. На другой странице он продолжает ее, но как будто уже для самого себя, как будто для того, чтобы не по-

терять случая дополнить свое воззрение на поэта новой чертой. Он продолжает:

Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены —
И улыбается забаве площадной,
И вольности лубочной сцены.

То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с детской легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.

Следует помнить, что эти строфы были зачеркнуты самим автором как портящие стихотворение, но они принадлежат к его любимому представлению о той свободе вдохновения, какая прилична поэту»⁴⁹⁴.

Таким образом, в автографе, которым располагал Анненков, Пушкин оставил лишь четыре строфы. Так публиковал стихотворение и Жуковский в 1841 году. Возможно, он печатал его по тому же автографу, во всяком случае, эти тексты идентичны.

Но автограф, описанный Анненковым, до нас не дошел. Основным источником текста, опубликованного в Большом академическом издании, явился другой автограф, который назван там «перебеленным» (III, 1237).

Этот автограф в 1924 году был воспроизведен и подробно исследован Н. Ф. Бельчиковым, который назвал его «автографом полной редакции Г. А.» (Государственного архива. — В. Е.)⁴⁹⁵.

В опубликованном Бельчиковым автографе жирной чертой зачеркнута лишь 5-я строфа. Но без нее невозможно было опубликовать и 6-ю, потому что ее текст с текстом строфы 4-й не стыкуется. Однако (по всей вероятности, по соображениям идеологическим) в Большом академическом издании было принято решение печатать все шесть строф, вопреки воле автора.

Что же касается автографа, описанного Анненковым, то вопрос о нем был снят таким путем: было предложено считать, что «автограф полной редакции Г. А.», исследованный в 1924 году Бельчиковым, и есть тот же самый автограф, который Анненков описал в 1855 году.

Бельчиков в указанной нами работе подготовил столь важный для себя вывод следующим образом. Сначала он отметил ряд отличий между автографами, которые нельзя было не отметить, затем высказал предположение о том, что отмеченные отличия — «результат недостаточно внимательного отношения Анненкова»⁴⁹⁶ к описанному им автографу. Далее, указав на «буквальное сходство» двух последних строф в обоих автографах, правда «за некоторыми исключениями» (!), Бельчиков сделал окончательный вывод, что Анненков пользовался тем же автографом.

«Этот вывод нам представляется вполне правильным, заслуживающим доверия, и в дальнейшем на нем мы базируем некоторые свои рассуждения (о заглавии стихотворения, о необходимости перерешения вопроса об окончательном тексте стихотворения)»⁴⁹⁷, — подытоживал Бельчиков.

Таким образом, вопрос об автографе Анненкова (назовем его так для упрощения) сам Бельчиков совершенно справедливо признавал ключевым, с ним он

связывал возможность изменения названия стихотворения, а также объем и редакцию текста.

Но беда в том, что окончательный вывод Бельчикова относительно автографа Анненкова по целому ряду причин никак не может быть признан правильным и заслуживающим доверия.

Во-первых, голословный упрек Анненкову в «недостаточно внимательном отношении» к пушкинскому автографу не выдерживает никакой критики.

Во-вторых, различия в автографах столь существенны, что их невозможно было не заметить. Останемся на самых важных из них.

1. Две последние строфы (5-я и 6-я) в автографе Анненкова расположены, согласно его описанию, на отдельном листе. В автографе же «полной редакции Г. А.», как сообщал Бельчиков, на 1-й странице «помещены только три строфы, а не четыре, как говорит Анненков, и на обороте — тоже три, последние строфы»⁴⁹⁸.
2. Перед 6-й строфой в автографе Анненкова стоят три звездочки, в автографе «полной редакции Г. А.» отсутствующие.
3. В автографе Анненкова зачеркнуты обе последние строфы, а не одна из них.
4. Наконец, быть может, самое выразительное различие находим в окончании строфы 4-й: «Журчанью (а не жужжанью. — *В. Е.*) пчел над розой алой». В такой редакции последний стих 4-й строфы печатался во всех дореволюционных изданиях (в том числе и в брюсовском).

Отметим также, что «буквальное» («за некоторыми исключениями») сходство отдельных фрагментов текста, чрезмерно подчеркнутое Бельчиковым, воз-

можно и в разных автографах и поэтому не может служить здесь аргументом.

Все отмеченные нами отличия указывают на то, что Анненков, конечно, располагал другим автографом, до нас, к сожалению, не дошедшим. Следовательно, принятая в Большом академическом издании редакция стихотворения не имеет необходимого обоснования и не соответствует авторской воле Пушкина.

На неорганичность двух последних строф по отношению к остальному тексту обращали внимание, помимо Анненкова, В. Ф. Саводник и Н. О. Лернер, считавшие, что в них развивается новая мысль, в предыдущих строфах отсутствующая:

«Почему Пушкин отвергает это окончание? — Пушкин решился пожертвовать второю частью своего стихотворения потому, что оно вносило некоторую двойственность в идею всего целого. Ведь в последних строфах речь идет о свободе поэта... в первой же части Пушкин изображает благожелательность, черту, в высокой степени присущую личности самого Пушкина»⁴⁹⁹.

2

Чем же вызвана была категоричность и поспешность решения, принятого ведущими советскими пушкиноведами?

Дело в том, что в названии стихотворения «К Н*»^{*}, которое, по-видимому, дал ему при публикации Жуковский, содержался намек на императора Николая I. В таком духе прокомментировал его в 1847 году Гоголь.

Однако еще в 1843 году Белинский столь же уверенно отнес его к Гнедичу. Полемика по поводу содержания стихотворения продолжалась и в XX веке.

Так, уже упоминавшиеся нами Саводник и Лернер полностью поддерживали трактовку Белинского (тем ценнее их замечания, касающиеся зачеркнутых строф!) В советское же время всякая дискуссионность в столь важном идеологическом вопросе становилась неприемлемой: в Большом академическом издании стихотворению было дано новое название «Гнедичу», в состав его включены еще две строфы, зачеркнутые Пушкиным, которые действительно весьма трудно связать с императором, а вопрос о нарушении авторской воли Пушкина советской академической наукой, по-видимому, был признан не очень-то существенным.

Потребовалось изменить и дату написания стихотворения. В дореволюционных изданиях начала XX века оно относилось к 1834 году. Теперь же дата его создания была перенесена в 1832 год, так как Гнедич умер в 1833-м. Основанием для новой датировки послужил тот факт, что 23 апреля 1832 года датируется послание Гнедича «А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.». Поэтому и ответ Пушкина представлялось логичным отнести к тому же году.

Однако впоследствии новая датировка была подвергнута сомнению В. Э. Вацуро. При этом он, в частности, сослался на разыскания О. С. Соловевой, определившей, что карандашная помета «1834» на черновом автографе стихотворения⁵⁰⁰ принадлежит Пушкину.

Приведем возражения Вацуро:

«В академическом собрании сочинений Пушкина так оно (стихотворение. — В. Е.) и датируется: „23 апреля — начало мая 1832 г.“. Это означает, что

Пушкин начал работать над ним не ранее 23 апреля и прервал свою работу не позднее начала мая.

Начальная дата не вызывает сомнений, но конечная вовсе не очевидна.

На черновом автографе стихотворения есть цифровые записи карандашом. Ранее считалось, что их сделал П. В. Анненков, готовивший в 1850-х годах Собрание сочинений Пушкина под своей редакцией. В 1960-е годы О. С. Соловьева, составляя описание рукописей Пушкина, определила в них пушкинский почерк. Среди записей была дата: „1834“. Исследовательница с основанием предположила, что Пушкин вернулся к этому автографу в 1834 году и что тогда же он переписал стихи набело.

Конечная дата работы, таким образом, сдвигается к 1834 году, и это вероятно. Дело в том, что при датировке „апрель — начало мая 1832 г.“ остается совершенно неясным, почему Пушкин не окончил послания и не ответил Гнедичу на приветствие, как предполагал первоначально»⁵⁰¹.

Таким образом, не имеет необходимого обоснования и датировка стихотворения, принятая ныне.

3

Теперь обратимся к содержанию стихотворения — мы подразумеваем при этом текст из четырех строф, опубликованный Жуковским и подтвержденный впоследствии Анненковым имевшимся у него автографом.

Не может быть никаких сомнений в том, что стихотворение связано с Гнедичем. Это совершенно очевидно уже при прочтении двух первых стихов:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали...

И еще следующих:

И что ж? Ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.

Примерно такую же картину (только в прозе) нарисовал Пушкин в январе 1830 года, приветствуя «подвиг» Гнедича в «Литературной газете»:

«Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности; когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига» (XI, 88).

Однако этим прямые связи с Гнедичем едва ли не исчерпываются. «Скрижали», гнев» спустившегося с «таинственных вершин» лирического героя стихотворения, как и его снисхождение к согражданам, «скачущим» вместе с автором («Ты нас обрел...») вокруг ложного кумира, трудно все-таки с полным основанием отнести именно к Гнедичу. «Скрижали», которые выносит лирический герой, вызывают ассоциации с библейским текстом, со скрижалями, полу-

ченными от Бога и разбитыми в гневе на соплеменников Моисеем: «Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою» («Исход», XXXII, 19). Эти ассоциации, как верно отметил Вацуро, образовали «иносказательный план стихотворения» и задали ему «высокий стилевой регистр, исключающий слишком конкретное толкование реалий»⁵⁰².

Можно предположить, что в процессе работы произошло своего рода переосмысление сюжета, как то нередко случалось у Пушкина.

На это изменение первоначального замысла в свое время указывал уже упоминавшийся нами Саводник:

«Приступая к созданию своего стихотворения, Пушкин имел в виду именно Гнедича, как об этом свидетельствует обращение, с которого начинается стихотворение. Но затем нечувствительным образом содержание стихотворения расширилось и углубилось: в лице Гнедича Пушкин чувствует те качества, которыми должен обладать всякий „прямой поэт“: широту понимания, терпимость, благоволение к людям»⁵⁰³.

Таким же фактически видится и Вацуро лирический герой стихотворения, «в мудрой терпимости своей снисшедший к человеческим слабостям, чего не сумел сделать библейский Моисей». «Пушкин, конечно, идеализировал Гнедича, — продолжал Вацуро, — но Гнедич был для него здесь знаком, символом»⁵⁰⁴.

Таким образом, у нас есть основания сделать вывод, что во второй части стихотворения Гнедич как бы отступает на второй план и в стихотворении «в высоком стилевом регистре» (если воспользоваться формулой Вацуро) начинает звучать совсем иная тема,

сквозная можно сказать, для всего пушкинского творчества конца 20–30-х годов: терпимости, «благоволения к людям» (Саводник), милосердия.

4

Само собой разумеется, что и Саводник, и Вацуро относили отмеченное ими человеколюбие героя стихотворения к поэту, как таковому, к «прямому поэту», как выразился Пушкин в зачеркнутых строфах.

Но в том-то и дело, что в четырех строфах опубликованного Жуковским стихотворения пушкинской формулы «прямой поэт» нет. Она находится в 5-й строфе. И вот на что следует обратить внимание. Если в автографе Анненкова были зачеркнуты, по его словам, две строфы — 5-я и 6-я, то в автографе, который исследовал Бельчиков и который фактически послужил для советских пушкиноведов неким обоснованием новой редакции стихотворения, отчетливо зачеркнута именно 5-я строфа, то есть Пушкин зачеркнул свое упоминание о «прямом поэте» или, если выразиться точнее, исключил из текста прямое отождествление героя стихотворения с «прямым поэтом».

В уже неоднократно упоминавшейся нами статье Вацуро есть еще одно очень важное его наблюдение: «„Прямой поэт“ (отсутствующий, правда, в тексте, опубликованном Жуковским. — В. Е.) не просто сопоставлен с ветхозаветным пророком — он ему противопоставлен»⁵⁰⁵. Мы знаем, какое важное (быть может, даже центральное) место занимал в поэтическом космосе Пушкина образ поэта-пророка, и все же тема снисхождения к человеческим слабостям, тема милосердия, зазвучавшая в 3-й строфе стихотворения, не-

измеримо шире антитезы, предложенной Вацуро. Хотя Вацуро совершенно справедливо называет эти стихи поэтическим манифестом Пушкина, в котором преодолена романтическая отчужденность Поэта из стихотворения «Поэт и толпа». Но при этом мотив «благоволения» и терпимости к людям, в силу своей универсальности и общечеловеческой значимости, может подразумевать и другое, более объективное противопоставление: просвещенный правитель — ветхозаветный пророк.

И такое прочтение пушкинского стихотворения, оказывается, возможно. Что-то подобное, с определенными оговорками, находим в известном письме Гоголя к Жуковскому в «Выбранных местах из переписки с друзьями»:

«Оставим личность императора Николая и разберем, что такое монарх вообще, как Божий помазанник, обязанный стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог, и вправе ли был Пушкин уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тот из людей, на рамена которого обрушилась судьба миллионов его собратьев, кто страшную ответственностью за них пред Богом освобожден уже от всякой ответственности пред людьми, кто болеет ужасом этой ответственности и льет, может быть, незримо такие слезы и страдает такими страданиями, о которых и помыслить не умеет стоящий внизу человек, кто среди самих развлечений слышит вечный, неумолкаемо раздающийся в ушах клик Божий, неумолкаемо к нему вопиющий, — тот может быть уподоблен древнему Боговидцу, может, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши ветрено-кружащееся племя, которое, наместо того чтобы стремиться к тому, к чему

все должно стремиться на земле, суетно скачет около своих же, от себя самих созданных кумиров. Но Пушкина остановило еще высшее значение той же власти, которую вымолило у небес немощное бессилие человечества, вымолило ее криком не о правосудии небесном, перед которым не устоял бы ни один человек на земле, но криком о небесной любви Божией, которая бы все умела простить нам и забвенье долга нашего, и самый ропот наш — все, что не прощает на земле человек, чтобы один затем только собрал свою власть в себя самого и отделился бы от всех нас и стал выше всего на земле, чтобы чрез то стать ближе равно ко всем, снисходить с вышины ко всему и внимать всему, начиная от грома небес и лиры поэта до незаметных увеселений наших»⁵⁰⁶.

Конечно, нас не может не смущать здесь слишком патетическая интонация Гоголя (впрочем это было в порядке вещей, ведь и перевод Гнедича предварялся посвящением императору Николаю I⁵⁰⁷). Но мы не можем не задуматься о том, что в пушкинском стихотворении, возможно, все-таки содержится отмеченный Гоголем мотив: монарх должен уметь «простить нам и забвение долга нашего, и самый ропот наш». Этот нравственный призыв — благоволить к подданным, быть снисходительным к ним, уметь прощать их — едва уловимо проступает сквозь библейские ассоциации стихотворения, призыв не столь явный, конечно, как в других известных нам случаях: вспомним «Стансы» (1826), «К друзьям» (1828), «Пир Петра I» (1835).

В этой недосказанности и состоит одно из неотъемлемых качеств пушкинской поэзии⁵⁰⁸. Возможно, мы и не расслышали бы этого скрытого мотива, если бы не

одно обстоятельство. Рассказ Гоголя об интересующем нас стихотворении предварялся фразой: «Тайну его теперь открою»⁵⁰⁹. И далее он сообщал Жуковскому о том, что предшествовало написанию стихов: «Был вечер в Аничковом дворце, один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества. Между ними был тогда и Пушкин. Всё в залах уже собралось; но Государь долго не выходил. Отдалившись от всех в другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей от дел минутой, он развернул Илиаду и увлекся нечувствительно ее чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принес на лице своем следы иных впечатлений. Сближение этих двух противоположностей скользнуло незамеченным для всех, но в душе Пушкина оно оставило сильное впечатление, и плодом его была следующая величественная ода»⁵¹⁰.

Признаемся, что мы не разделяем мнения Гоголя о внешнем поводе для написания стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...». Оно, конечно, задумывалось как обращение к Гнедичу, и лишь в процессе работы, как мы уже отметили раньше, первоначальный замысел претерпел изменения, толчком к чему мог послужить бал в Аничковом дворце. А может быть, были и другие причины, и этот бал здесь ни при чем. Но все же отметим на всякий случай, что чета Пушкиных регулярно посещает великосветские балы с января 1834 года, когда Пушкину пожаловано было столь оскорбившее его самолюбие звание камер-юнкера. Тем самым датировка стихотворения 1834 годом может получить косвенное подтверждение...

Но кто же рассказал Гоголю об этом?

Слова Гоголя о тайне позволяют предположить, что он мог узнать ее от самого Пушкина или от их общей приятельницы, фрейлины императорского двора А. О. Смирновой-Россет. В ее «Записках» утверждается, что о бале в Аничковом дворце Гоголь узнал от самого Пушкина⁵¹¹. Если так было в действительности, то это поразительно напоминает ситуацию со стихотворением 1830 года «Герой», где суть стихотворения, повествующего о могущественном властителе человеческих судеб Наполеоне, сконцентрирована в известной сентенции Поэта:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце... что же
Он будет без него? Тиран...

И затем следует неожиданный финал со знаменательной датой под стихами:

Друг
Утешься...

*29 сентября 1830
Москва*

Как известно, сам Пушкин находился в это время в Болдино, а 29 сентября 1830 года холерную Москву посетил Николай I.

Автограф стихотворения был послан М. П. Погодину в начале ноября того же года со строжайшим наказом печатать стихи анонимно. Так они и были опубликованы в «Телескопе» в 1831 году. Историю эту Погодин сообщил в письме к Вяземскому от 29 марта 1837 года:

«Вот вам еще стихотворение („Герой“. — В. Е.), которое Пушкин прислал мне в 1830 году из нижегородской деревни, во время холеры. Кажется, никто не знает, что оно принадлежит ему <...> В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному Царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему Пушкин, не хотевший, однако ж, продираться со льстецами»⁵¹².

Со стихотворением «С Гомером долго ты беседовал один...» Пушкин мог поступить подобным образом. В узком кругу лиц, из которых мы можем назвать Гоголя и Смирнову-Россет, он мог связать стихи с определенным великосветским событием — балом в Аничковом дворце. Весьма вероятно, что в этот узкий круг лиц входил и Жуковский — он безусловно знал о стихотворении что-то такое, что позволило дать ему название «К Н**» с намеком на Николая I. Ведь прописной буквой с двумя звездочками Пушкин, как правило, обозначал имя (с тремя звездочками — фамилию).

Значит, в «тайну», по выражению Гоголя, могли быть посвящены Пушкиным по крайней мере три человека.

Если же никакой тайны не существовало и Пушкин ничего подобного никому из названных нами лиц не рассказывал, остается предположить существование некоего сговора этих трех лиц из его ближайшего окружения, которые в соответствии с их монархическими убеждениями нашли в стихотворении то, что им хотелось увидеть. И все же текст стихотворения, опубликованный Жуковским, не позволяет признать их устремления совсем уж беспочвенными. Он тоже заставляет вдумчивого читателя задуматься над содержащейся

в нем неопределенностью. Даже такой советский пушкинист, как Б. С. Ме́йлах, чьи суждения как будто бы всегда безукоризненно соответствовали идеологическим установкам времени, ощущал эту неопределенность. И потому завершил свою статью об этом стихотворении следующим неутешительным для себя пассажем: «Предпринятые нами попытки найти реальные поводы возникновения замысла стихотворения направлены к тому, чтобы в какой-то степени прояснить некоторые загадочные стороны его истории, которая в целом, однако, еще не может быть объяснена из-за недостаточности фактических данных»⁵¹³.

Хочется надеяться, что нам, пусть в малой степени, удалось прояснить «загадочные стороны» этого пушкинского произведения. Ведь отмеченная нами (вслед за Вацу́ро) иносказательность двух последних строф (3-й и 4-й) предоставляет такую возможность.

При этом в самом поэтическом тексте (как и в случае с «Героем») прямых намеков на императора будто бы нет. Правда, в черновых вариантах имеются некоторые «подозрительные» в этом смысле места:

... *могучий властелин*

С Гомером долго ты беседовал один (III, 885);

Страшась они твоих чуждались лучей (III, 886);

Приветствуешь меня с улыбкой *благосклонной* (III, 888).

Но на последующей стадии работы они были изменены, что отвечало установке на исключение «слишком конкретных реалий»...

В соответствии с этой же установкой Пушкин решил не включать в окончательный текст стихотворения

строфы 5 и 6, в которых вновь совершенно недвусмысленно угадывался Гнедич, обращавшийся в своем творчестве то к Риму («Подражание Горацию»), то к Илиону (перевод «Илиады»), то к Оссиану («Последняя песнь Оссиана»).

И наоборот, именно по этой причине советские пушкиноведы, дабы отместить самую возможность толкования стихотворения в духе Гоголя, пренебрегли сведениями Анненкова об имевшемся у него автографе и увеличили его текст за счет строф 5 и 6, непосредственная связь которых с Гнедичем очевидна.

5

Такие текстологические решения принимались иногда советской академической наукой.

По нашему глубокому убеждению, стихотворение должно печататься в том виде, в каком оно всегда публиковалось в России, начиная с 1841 года, с посмертного издания Собрания сочинений Пушкина, но без названия, что также, по-видимому, соответствовало бы авторской воле. Название, данное ему, скорее всего, Жуковским, столь же не отвечает содержанию, как и принятое ныне «Гнедичу». При этом строфы 5 и 6 обязательно должны приводиться в комментариях к стихотворению, что впервые было сделано Анненковым.

А вообще вся полемика по затронутой текстологической проблеме может быть сведена к одному частному вопросу: как был обозначен Пушкиным в последней строке стихотворения звук, издаваемый пчелами во время их кружения «над розой алой», — «журчанье» или «жужжанье»?

В автографе, исследованном Бельчиковым, ясно читается «жужжание». Жуковский и Анненков, оба державшие в руках подлинный пушкинский текст, прочли «журчанье», так же цитировал Гоголь, возможно, узнавший стихотворение от самого Пушкина.

Что же касается характеристики звука, издаваемого пчелами, то заметим следующее: «жужжание» — определение очень привычное и обыденное, в то время как «журчанье» указывает на мелодичность звука, его долговременность и отрешенность от мирской суеты. Все это так соответствует завершающему стиху пушкинского текста!

«КРИВ БЫЛ ГНЕДИЧ ПОЭТ...»

В 1829 году в переводе Н. И. Гнедича вышел полный текст Илиады Гомера на русском языке. Это событие в начале 1830 года вызвало восторженный отклик Пушкина в «Литературной газете» (1830, № 2):

«Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады!..» (XI, 88) — см. предыдущую статью.

К 8 ноября 1830 года относится столь же восторженный стихотворный отклик Пушкина на перевод Гнедича:

Слышу умолкнувший звук божественной
эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Однако в промежутке между заметкой и этими стихотворными строками, в которых Гнедичу должным

образом воздается за его «высокий подвиг», из-под пера Пушкина вышел еще один стихотворный отклик (датируется 1–10 октября 1830) эпиграмматического свойства:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Бокон одним с образцом схож и его перевод.

Существует мнение, что в процессе «изучения» труда Гнедича (см. заметку в «Литературной газете») Пушкин якобы ощутил «однообразную высоту»⁵¹⁴ его перевода.

Думается, это не так. Ближе к истине, как нам представляется, был В. В. Вересаев, заметивший, что Пушкин выступил здесь «с присущей ему озорной насмешливостью», соблазнившись случаем «противопоставить кривого Гнедича слепому Гомеру»⁵¹⁵.

Эпиграмма действительно остроумная и смешная, но несправедливая.

По-видимому, это как раз тот случай, про который говорится: ради красного словца не пожалеешь и родного отца. Именно поэтому она и была тщательно зачеркнута самим Пушкиным. Как замечает тот же Вересаев, «Пушкин устыдился своей эпиграммы и тщательно замазал ее чернилами»⁵¹⁶. Не только «замазал чернилами», добавим мы, но никогда и никому не показывал и не читал — во всяком случае, мы не знаем, чтобы кто-то из его современников упоминал эту эпиграмму или записал в своей тетради среди других пушкинских текстов, каковых (тетрадей) от того времени осталось множество.

Иное дело потомки, а главное, исследователи творчества поэта, пушкинисты! От их вездесущего взгляда

ничто не может укрыться. И вот, в 1910 году текст, 80 лет назад тщательно зачеркнутый самим автором, был ими прочитан:

«Совместными усилиями моими и Б. А. Модзалевского, с помощью значительного увеличения фотографического снимка, удалось восстановить текст этого двустишия, представляющего, как и известная надпись на перевод Илиады, совершенно правильный пентаметр» — так сообщал об этом П. О. Морозов⁵¹⁷.

То есть только технические средства начала XX века позволили пушкинистам прочесть зачеркнутые автором строки. Пушкин, как следует из этого сообщения, зачеркнул не понравившийся ему в конечном счете текст весьма добросовестно и вполне мог надеяться, что его никто и никогда не прочтет.

Трудно согласиться с П. О. Морозовым в объяснении мотивов этого поступка Пушкина: «...опасаясь, что эта вспышка юмора может как-нибудь дойти до крайне самолюбивого Гнедича и испортить существовавшие между обоими поэтами добрые отношения, поторопился ее зачеркнуть с особенною тщательностью...»⁵¹⁸. Трудно согласиться, потому что эпиграмма была записана среди других черновых записей, сделанных в Болдине с 1 по 10 октября 1830 года, и, конечно, никаким образом дойти до Гнедича не могла. Зачеркнул ее Пушкин, «устыдившись» (как верно заметил Вересаев) своей «озорной насмешливости», а вовсе не потому, что чего-то опасался.

Тем не менее зачеркнутая автором эпиграмма была прочтена, и с тех пор в собраниях сочинений Пушкина оба стихотворных отклика на перевод Гне-

дича печатаются почти рядом: сначала (в соответствии с датой написания) «Крив был Гнедич поэт...», а чуть дальше «Слышу умолкнувший звук ...». Противоречивость этих откликов, как и авторская воля Пушкина, издателей, похоже, нисколько не волнует. Между тем воля эта выражена предельно четко. Так, значит, и печатать эпиграмму наравне с другим стихотворным откликом на перевод «Илиады» совершенно неправомерно. Она, по логике вещей, могла бы печататься в примечаниях к двустихию «Слышу умолкнувший звук...» или в разделе «Другие редакции и варианты».

Как не вспомнить при этом возникающие порой бурные дискуссии пушкиноведов по поводу текстологии «Евгения Онегина» или «Бориса Годунова», обстоятельные доводы спорящих сторон, где важнейшим признается соблюдение авторской воли Пушкина.

Например, можно ли в хронологическом собрании сочинений Пушкина⁵¹⁹ помещать «Бориса Годунова» в 1825 год с ремаркой 1830 года («Народ безмолвствует»), как это сделал профессор С. А. Венгеров в самом авторитетном дореволюционном Собрании сочинений поэта⁵²⁰.

А вот при публикации эпиграммы «Крив был Гнедич поэт...» этот действительно наиважнейший довод почему-то во внимание не принимается.

Более того, появляются издания, где уже и не сообщается о том, что эпиграмма была тщательно зачеркнута Пушкиным и печатается, вообще-то говоря, без его ведома и разрешения. В примечаниях лишь поясняется, что оба двустихия связаны с выходом в свет перевода «Илиады», выполненного Гнедичем⁵²¹.

Такое отношение к пушкинским текстам, конечно, недопустимо. Эпиграмма не должна печататься в основном корпусе произведений Пушкина. Ее место, как уже указано выше, в примечаниях к двустию «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...» или в разделе «Другие редакции и варианты».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под грифом Института мировой литературы РАН.
- ² Кожевников В. А. О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека». Пушкин и Карамзин. // «Русский архив», 1990, № 1.
- ³ Редкими и тем более ценными исключениями из этого правила являются книги советских пушкинистов П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики» (М.: Федерация, 1828) и Д. Д. Благого «Социология творчества Пушкина» (М.: Мир, 1931), а также статьи русских эмигрантов первой волны П. М. Бицилли «Пушкин и Николай I» (Звено. Париж, 1928. № 6) и Г. П. Федотова «Певец империи и свободы» (Совр. записки. Париж. 1937. Т. 63).
- ⁴ *Войман (Есипов) В. М.* Пушкин и Николай I. Исследование и материалы. — СПб.: Нестор-История, 2019, вступительная статья (с.5–122).
- ⁵ Шекспир Уильям (1564–1616) — английский поэт и драматург.
- ⁶ Пущин Иван Иванович(1798–1859) — лицейский друг Пушкина, участник декабрьского восстания, был сослан в Сибирь.
- ⁷ Летопись жизни и творчества А С. Пушкина. В 4 т. Т. 2. М.: Слово, 1999. С. 101.

-
- ⁸ Лорер Николай Иванович (1795–1873) — декабрист, участник заграничного похода Русской армии 1813–1814 гг.
- ⁹ Рылеев Кондратий Федорович (1795–1836) — поэт, декабрист, казнен как один из главных заговорщиков.
- ¹⁰ Бестужев Александр Александрович (1797–1837) — писатель (публиковался под псевдонимом Марлинский), декабрист.
- ¹¹ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846) — ближайший друг Пушкина с лицейских лет, поэт, литературный критик, декабрист.
- ¹² Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) — лицейский друг Пушкина, поэт, издатель альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты».
- ¹³ *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. В 17 т. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т.13. С. 259 . В дальнейшем ссылки на это издание даются внутри текста: первая цифра — том, вторая — страница.
- ¹⁴ Вяземский Петр Андреевич (1782–1878) — друг Пушкина и его постоянный корреспондент, поэт, критик, либерал по убеждениям, младший брат Е. А. Карамзиной.
- ¹⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 120–121.
- ¹⁶ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — историк, автор «Истории государства Российского», высоко ценимой Пушкиным, поэт, прозаик-сентименталист.
- ¹⁷ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — друг Пушкина, поэт.
- ¹⁸ *Платонов А.* Пушкин — наш товарищ // Платонов А. Размышления читателя. М.: Современник, 1980. С. 10–11.
- ¹⁹ Пестель Павел Иванович (1793–1826) — полковник, участник войны 1812 г., декабрист, казнен как один из главных заговорщиков.

- ²⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 112.
- ²¹ Николай I.
- ²² Плетнев Петр Александрович (1792–1865) — друг Пушкина, поэт, критик.
- ²³ Осипова Прасковья Александровна (1781–1859) — помещица из с. Тригорское, соседка по с. Михайловскому, приятельница Пушкина.
- ²⁴ Процесс декабристов. М.: Издание И. А. Малинина, 1905. С. 107–111.
- ²⁵ Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1795–1826) — подполковник, участник войны 1812 г., декабрист, казнен как один из главных заговорщиков.
- ²⁶ Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801–1826) — подпоручик, декабрист, казнен как один из главных заговорщиков.
- ²⁷ Каховский Петр Григорьевич (1797–1826) — военнослужащий, декабрист, казнен как убийца военного губернатора Петербурга, участника войны 1812 г. генерала М. А. Милорадовича и полковника Н. П. Стюллера.
- ²⁸ Лопухин Петр Васильевич (1753–1827) — генерал-прокурор, министр юстиции.
- ²⁹ Верховный уголовный суд по делу декабристов. URL: ru.wikipedia.org.
- ³⁰ Процесс декабристов. С. 112.
- ³¹ *Пушкин*. Письма. Т. II. М.: Книга, 1990. С. 172.
- ³² *Николай Первый*. Высочайший манифест 13 (25) июля 1826 года (день казни пятерых декабристов). Процесс декабристов. С. 120.
- ³³ Остафьевский архив. Т. V. Вып. 2. СПб., 1913. С. 54–55.
- ³⁴ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. IX. СПб., 1884. С. 81.

- 35 *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 429–430.
- 36 *Фон-Адеркас Борис Антонович (1775–1831)* — псковский гражданский губернатор.
- 37 *Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849)* — псковский генерал-губернатор.
- 38 *Русская Старина.* 1908. Т. СXXXVI, октябрь. С. 416.
- 39 *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское // С.-Петербургские ведомости. 1866. № 163.
- 40 *Пушкина Надежда Осиповна (1775–1836)* — мать Пушкина, рожд. Ганнибал, внучка А. П. Ганнибала, любимца Петра I.
- 41 *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.* Т. 2. С. 99.
- 42 *Дибич Иван Иванович (1785–1831)* — военачальник, участник войны 1812 года.
- 43 *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.* Т. 2. С. 122.
- 44 Там же. С. 165.
- 45 *Потапов Алексей Николаевич (1772–1847)* — участник войны 1812 г., дежурный генерал Главного штаба.
- 46 Там же.
- 47 См. об этом подробнее: *Есипов В. М.* «К убийце гнусному явись...» и «Вокруг “Пророка”» // Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 127–172.
- 48 *Вацуро В. Э.* Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1974. С. 15.
- 49 *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества (1826–1837). М.: Худож. литература, 1987. С. 29.
- 50 *Корф Модест Андреевич (1800–1876)* — государственный деятель, учился вместе с Пушкиным в Лицее.

- ⁵¹ Кроме Корфа, при разговоре присутствовали графы Орлов и Вронченко.
- ⁵² *Корф М. А.* Записки. Русская Старина. 1900. Т. 101. С. 574.
- ⁵³ См. в Переписке: извлечение из письма А. А. Дельвигу от начала февраля 1826 года, то же в извлечении из письма П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 года.
- ⁵⁴ На это обстоятельство справедливо обратил внимание Н. Л. Гуданец в своей антипушкинской по сути статье «Пропасть комплиментов» («Крещатик». Киев. 2010. № 1).
- ⁵⁵ *Корф М. А.* Записка о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 122.
- ⁵⁶ *Вяземский П.* Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. С. 115.
- ⁵⁷ Тургенев Александр Иванович (1784–1846) – историк, государственный деятель.
- ⁵⁸ Архив братьев Тургеневых. Вып. VI. Прг., 1921. С. 42.
- ⁵⁹ Фактически совпадает с тем, как охарактеризовал встречу поэта с императором Вяземский в письме к Тургеневу: «...говорил с ним умно и ласково».
- ⁶⁰ Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – государственный деятель, генерал от кавалерии, участник войны 1812 года, один из самых приближенных Николая I, шеф жандармов и одновременно начальник III Отделения канцелярии Е.И.В.
- ⁶¹ См. там же.
- ⁶² Название стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» редакторское, у Пушкина оно названия не имело.
- ⁶³ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – литератор и государственный деятель, член литературного общества «Арзамас».
- ⁶⁴ Русский Архив. 1865. Стлб. 1248–1249.

- ⁶⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 340.
- ⁶⁶ Муравьева Александра Григорьевна (1804–1832) — жена декабриста Никиты Муравьева, одной из первых среди жен декабристов последовала за мужем в Сибирь. Пушкин передал с нею стихотворение «Во глубине сибирских руд...» и послание Пушкину «Мой первый друг, мой друг бесценный...».
- ⁶⁷ *Непомянувший В. С.* Комментарий к стихотворению «Во глубине сибирских руд...» // Пушкин. Полн. собр. соч., размещенных в хронологическом порядке. Т. V (1826–1827). М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 366.
- ⁶⁸ *Непомянувший В. С.* Комментарий к стихотворению «Во глубине сибирских руд...». С. 367.
- ⁶⁹ Именно это качество Николая I запечатлел Тютчев в эпиграмме 1855 года: «...Ты был не царь, а лицедей».
- ⁷⁰ Гримм Р. А. (1884–1903) — заведующий Императорский библиотекой.
- ⁷¹ Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I // Старина и новизна (исторические сборники). Кн. 6. СПб., 1903. С. 4. Выписки не датированы. Пер. с франц.
- ⁷² Булгарин Фаддей Венедиктович (Ян Тадеуш Кшишков) (1789–1859) — писатель, критик польского происхождения, впервые в России с 1825 года издатель политической и литературной частной газеты «Северная пчела», в которой начиная с марта 1830 года велась травля Пушкина и писателей его круга.
- ⁷³ Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 5.
- ⁷⁴ Вульф Алексей Николаевич (1805–1881) — воспитанник Дерптского университета, сын П. А. Осиповой от первого брака, приятель Пушкина.

- 75 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 416.
- 76 Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 5. Следует отнести к концу 1826 года.
- 77 В Ревеле.
- 78 Пушкин не приедет в Ревель.
- 79 6 июля 1827 года.
- 80 Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 6.
- 81 См.: Объяснение по поводу отрывка из «Андрея Шенья», получившего название «На 14-е декабря 1825 г.» от 17 января 1827 года (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М. – Л, Academia 1935. С. 745–746).
- 82 См.: Объяснение по поводу отрывка из «Андрея Шенья», получившего название «На 14-е декабря 1825 г.» от 29 июня 1827 года (Рукою Пушкина. С. 746–747).
- 83 См.: Объяснение по поводу отрывка из «Андрея Шенья» от 24 ноября 1827 года (Рукою Пушкина. С. 747–748).
- 84 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VIII. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1978. С. 349.
- 85 Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843) – боевой генерал, участник войны 1812 г., военный генерал-губернатор Петербурга.
- 86 См.: Показания по делу о «Гавриилиаде» 3–5 августа 1828 года (Рукою Пушкина. С. 749).
- 87 См.: Показания по делу о «Гавриилиаде» 19 августа 1828 года (Рукою Пушкина. С. 749–750).
- 88 Горчаков Дмитрий Петрович (1758–1824) – поэт-сатирик, драматург.
- 89 Толстой Петр Александрович (1771–1844) – управляющий Главным штабом.

- ⁹⁰ Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А. С. Пушкине. Предисловие С. Сухонина. СПб., 1906. С. 344.
- ⁹¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VIII. С. 18.
- ⁹² Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 425.
- ⁹³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VIII. С. 18
- ⁹⁴ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 446.
- ⁹⁵ Фон-Фок Максим Яковлевич (1777–1831) — управляющий III Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии.
- ⁹⁶ Для государства (*франц.*).
- ⁹⁷ Дела III Отделения... С. 82. Перевод франц. текста: «Пусть возвращается в свете, ищет девиц, поэтического вдохновения — игры».
- ⁹⁸ Дела III Отделения... С. 83.
- ⁹⁹ Толстой Федор Иванович (Американец) (1782–1846) — участник войны 1812 г., авантюрист, картежник, бретер, друг Д. И. Давыдова и Вяземского, посредник во время сватовства Пушкина к Наталье Гончаровой.
- ¹⁰⁰ Гончарова Наталья Николаевна (1812–1863) — с 18 февраля 1831 г. жена Пушкина.
- ¹⁰¹ Гончарова Наталья Ивановна, рожд. Загряжская (1785–1848) — мать Натальи Гончаровой.
- ¹⁰² В это же время, 26–27 марта в Петербурге выходит из печати поэма «Полтава», но рассмотрение фактов творческой биографии поэта не входит в наши задачи.
- ¹⁰³ Раевский Николай Николаевич (1771–1829) — боевой генерал, участник войны 1812 г.
- ¹⁰⁴ *Кони А. Ф.* Великая княгиня Елена Павловна // Пятидесятилетний юбилей 1861–1911. Главные деятели освобождения крестьян. М., 1911. С. 15.
- ¹⁰⁵ На самом деле ее автором был Дельвиг.
- ¹⁰⁶ Литературная газета. 1830. № 14. С. 212–213.

- ¹⁰⁷ С. 86–92 настоящей книги.
- ¹⁰⁸ Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1830. № 17. С. 303.
- ¹⁰⁹ Видок Эжен Франсуа — известный французский частный сыщик, бывший преступник.
- ¹¹⁰ Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852) — младший брат Пушкина, воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском лицее, офицер.
- ¹¹¹ Описка А. С. Пушкина в падежном окончании.
- ¹¹² Русская старина. СПб., 1903. № 8. С. 454–455.
- ¹¹³ Хитрово Елизавета Михайловна (1783–1839) — дочь полководца М. И. Кутузова, восторженная почитательница и друг Пушкина.
- ¹¹⁴ Пушкин Сергей Львович (1767–1840) — отец Пушкина, входил в литературный круг Н. М. Карамзина; никогда не был душевно близок Пушкину.
- ¹¹⁵ Сосланных в Сибирь декабристов.
- ¹¹⁶ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, писатель, журналист, издатель «Московского вестника».
- ¹¹⁷ *Пушкин А. С. Сочинения и письма* / под ред. П. О. Морозова. Т. 2. СПб., 1903. С. 497–498.
- ¹¹⁸ Литературная газета. 1830. № 61. 28 октября.
- ¹¹⁹ Сомов Орест Михайлович (1793–1833) — критик, писатель и журналист украинского происхождения, сотрудничал вместе с Дельвигом при издании «Литературной газеты» и альманаха «Северные цветы».
- ¹²⁰ Греч Николай Иванович (1787–1867) — писатель, издатель, журналист, филолог, находился в постоянной деловой связи с Булгариным.
- ¹²¹ Восстание в Петербурге 14 декабря 1825 года.
- ¹²² Военный Журнал Военно-Ученого Комитета. СПб., 1831. № II. С. 173–175.
- ¹²³ О пушкинском понимании «свободного и широкого взгляда» Николая I — см. выше.

- 124 20 мая 1831 года А. С. Пушкин будет переведен в чине поручика в Финляндский драгунский полк.
- 125 Император Николай I в 1830–1831 гг. (Из записок графа А. Х. Бенкендорфа) // Русская Старина. 1896. № 10. С. 87–90.
- 126 Там же.
- 127 Розен Егор Федорович (1800–1860) — поэт, драматург, критик.
- 128 *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С. 566.
- 129 Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — министр иностранных дел.
- 130 Дела III Отделения... С. 120.
- 131 Глинка Федор Николаевич (1786–1880) — поэт, ветеран войны 1812 г., участник деятельности умеренного крыла декабристов, Пушкин отмечал самобытность его поэмы «Карелия».
- 132 См. ниже в настоящей книге нашу статью «Пушкин и польский вопрос».
- 133 *Федотов Г. П.* Поэт империи и свободы // Нью-Йорк: Новый град, 1952, С. 243–268.
- 134 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 368.
- 135 Паскевич Иван Федорович (1782–1856) — командовал русской армией при подавлении Польского восстания.
- 136 Мартынов Николай Петрович (1794–1856) — генерал-майор, командир Астраханского и Суворовского полков, при штурме Воли 25 августа был тяжело ранен с потерей глаза, но остался жив.
- 137 Ефимович Матвей Яфимович, командир 1-й бригады 4-й пехотной дивизии; убит в сражении 26 августа 1831 года при взятии Варшавы.
- 138 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VIII. С. 21.

- ¹³⁹ Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882) — граф Рымникский, князь Италийский, внук знаменитого полководца. Варшава была взята русскими войсками еще 26 августа, но известие об этом достигло Царского Села лишь 4 сентября.
- ¹⁴⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VIII. С. 22.
- ¹⁴¹ Имеется в виду, что никакой информации о войне в Польше, кроме официальной, в том числе из зарубежных изданий, в России не публиковалось.
- ¹⁴² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VIII. С. 21.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 20.
- ¹⁴⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VIII. С. 20.
- ¹⁴⁶ Булгаринский «Анекдот», опубликованный в «Северной пчеле» 11 марта 1830 года.
- ¹⁴⁷ Судиенко Михаил Осипович (1802–1874) — адъютант Бенкендорфа.
- ¹⁴⁸ Яковлев Михаил Лукьянович (1798–1868) — лицейский товарищ Пушкина, фельетонист, очеркист.
- ¹⁴⁹ Ставка, назначенная за работу над историей Петра, составила 5000 руб.
- ¹⁵⁰ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 449.
- ¹⁵¹ Официальное собрание всех действующих законодательных актов Российской империи, расположенных в тематическом порядке, созданное при царе Николае I в 1826–1830 годах.
- ¹⁵² Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный и общественный деятель, приверженец реформ, законотворец; в его ведении находились государственные типографии.
- ¹⁵³ Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) (1694–1778) — французский философ-просветитель XVIII века, поэт, прозаик, историк, публицист.

- 154 Катенин Павел Александрович (1792–1853) — поэт, критик, драматург.
- 155 Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец.
- 156 *Пиксанов Н. К.* Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» // Пушкин и его современники. Вып. V. СПб., 1907. С. 51.
- 157 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 510.
- 158 Мордвинов Александр Николаевич (1792 –1769) — управляющий III Отделением канцелярии Е.И.В., ближайший помощник Бенкендорфа.
- 159 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 524.
- 160 Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1969) — литературовед, сотрудник Пушкинского Дома.
- 161 *Пиксанов Н. К.* Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник». С. 72–73.
- 162 Не пригласили.
- 163 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 93.
- 164 Пушкин потом, шутя, признается друзьям, что «хитрый малоросс украл» у него лучшие сюжеты.
- 165 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 94.
- 166 Сухозанет Иван Онуфриевич (1788–1861) — начальник артиллерии Гвардейского корпуса, участвовавшей в подавлении восстания 14 декабря 1825 г.
- 167 Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) — петербургский книгопродавец, издатель Пушкина, владелец книжного магазина.
- 168 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 121.
- 169 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 123.

- ¹⁷⁰ Вопрос был решен еще 30 декабря — об этом К. В. Нессельроде извещал министра двора князя П. В. Волконского (Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 130).
- ¹⁷¹ По воспоминаниям П. В. и В. А. Нащокиных, записанным первым русским пушкинистом П. И. Барте-невым в начале пятидесятих годов XIX века, «Велье-горский и Жуковский должны были обливать холодной водою нового камер-юнкера: до того он был взволно-ван этим пожалованием! Если б не они, он, будучи вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 192).
- ¹⁷² Вяземская Вера Федоровна (1790–1886) — жена П. А. Вяземского, друг Пушкина, как и ее муж.
- ¹⁷³ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 148.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 149.
- ¹⁷⁵ Пушкин Василий Львович (1766–1830) — дядя Пуш-кина, поэт, автор известной поэмы «Опасный сосед».
- ¹⁷⁶ Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л.: Нау-ка, 1969. С. 209.
- ¹⁷⁷ Коншин Николай Михайлович (1793–1859) — писа-тель, историк, с 1829 года служил в управлении Цар-ским Селом, хороший знакомый Пушкина.
- ¹⁷⁸ Нечаев Степан Дмитриевич (1792 –1860) — обер-прокурор Синода.
- ¹⁷⁹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 152–153.
- ¹⁸⁰ Письма последних лет. С. 211.
- ¹⁸¹ Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) — участник войны 1812 г., дежурный штаб-офицер корпуса жан-дармов, с 1835 г. —начальник корпуса.

- 182 Смирнова-Россет Александра Осиповна (1809–1882) — с 1826 по 1831 г. фрейлина императрицы, друг Пушкина, Вяземского, Гоголя и других известных писателей.
- 183 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 157.
- 184 Скарятин Яков Федорович (конец 1770–1850) — участник государственного переворота 1801 г.
- 185 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 158.
- 186 См. выше извлечение из этого письма.
- 187 Имеются в виду Екатерина II и Александр I, занявшие трон в результате дворцовых переворотов 1762 и 1801 годов.
- 188 Литта Модильяни-Луиджи (1803–1855) — старший обер-камергер.
- 189 Павел I.
- 190 Александр I.
- 191 Николай I.
- 192 Полетика Александр Михайлович (1800–1854) — полковник кавалергардского полка, петербургский знакомый Пушкина, муж Идалии Григорьевны Полетики (1806–1890), ставшей в конце жизни Пушкина его злейшим врагом.
- 193 Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — первый крупный русский ученый-естествоиспытатель.
- 194 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 209.
- 195 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 211.
- 196 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 211.
- 197 Там же. С. 212.
- 198 Волконский Петр Михайлович (1776–1862) — министр двора, генерал-адъютант, начальник Главного штаба.

- ¹⁹⁹ Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 10. Пер. с франц.
- ²⁰⁰ Там же. С. 10–11. Пер. с франц.
- ²⁰¹ Николай I.
- ²⁰² Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 212–239.
- ²⁰³ Долгорукова Ольга Александровна (1814–1865) — младшая дочь А. Я. Булгакова (1781–1863), московского почтового директора, перлюстрировавшего письмо Пушкина 20 и 22 апреля 1834 г. к жене.
- ²⁰⁴ Гончарова Екатерина Николаевна (1809–1843) — старшая сестра Н. Н. Пушкиной, впоследствии жена Дантеса.
- ²⁰⁵ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 255.
- ²⁰⁶ Державин Гавриил Романович (1743–1816) — крупнейший русский поэт 18 века, гос. деятель; см. стихотворение «Памятник».
- ²⁰⁷ См. выше письмо Бенкендорфу от 23 ноября 1834 года и ответ Мордвинова от 4 декабря 1834 года.
- ²⁰⁸ См. выше письмо Мордвинова от 4 декабря 1834 года.
- ²⁰⁹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 276.
- ²¹⁰ Павский Герасим Петрович (1787–1863) — богослов, филолог-лингвист.
- ²¹¹ Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1782–1867) — митрополит Московский и Коломенский, в 1828 г. Пушкин обменялся с ним стихотворными посланиями.
- ²¹² См. выше письмо Н. Н. Пушкиной от 8 октября 1833 года и письма Бенкендорфу от 7–10 февраля 1834 года.
- ²¹³ *Пушкин*. Письма последних лет, Л.: Наука, 1969, С. 84–85.

- 214 14 мая 1835 года родится сын Григорий.
- 215 Уваров Сергей Семенович (1786–1855). В апреле 1834 года долго скрываема взаимная неприязнь между Пушкиным и Уваровым вырвалась наружу.
- 216 Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1794–1869) — ограниченный, невежественный, по отзывам современников, вице-президент Академии.
- 217 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 298.
- 218 Одоевский Владимир Федорович (1804–1869) — писатель и философ.
- 219 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 306.
- 220 «Господи, как у вас тут хорошо. А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!» — вспоминала впоследствии М. И. Осипова, дочь владелицы имения (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 424).
- 221 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 313.
- 222 Дела III Отделения... С. 155.
- 223 Дела III Отделения... С. 157.
- 224 Дела III Отделения... С. 160.
- 225 Канкрин Егор Францевич (1774–1845) — министр финансов.
- 226 *Родофиникин* Константин Константинович (1760–1838) — дипломат, государственный деятель.
- 227 Дела III Отделения... С. 164.
- 228 См. Завещание Николая I сыну.
- 229 *Биццлли П. М.* Пушкин и Николай I // Звено. Париж, 1928. № 6. С. 319.
- 230 Поленов Василий Алексеевич (1876–1851) — филолог, историк, академик Российской академии.
- 231 Письма последних лет. С. 273–274.

- 232 Юрьев Василий Гаврилович — прапорщик инвалидной роты, ростовщик.
- 233 Не отпускает в деревню.
- 234 Не разрешает газету.
- 235 Е. И. Загряжская.
- 236 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 349.
- 237 Корноулл Барри (Брайан Уоллер Проктер) (1787–1874) — английский поэт и драматург.
- 238 Дела III Отделения... С. 168–169.
- 239 Эти надежды не оправдались.
- 240 Дела III Отделения... С. 170.
- 241 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 377.
- 242 Сентябрьский выпуск, *вышел* в декабре 1835 года.
- 243 Шереметев Дмитрий Николаевич (1803–1871) — богат и благотворитель, который официально не был женат, в 1835 году перенес тяжелую болезнь; на его двоюродной сестре был женат Уваров.
- 244 Дела III Отделения... С. 172.
- 245 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 378.
- 246 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 378.
- 247 *Пушкин*. Письма последних лет. С. 119–120.
- 248 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 413.
- 249 Николая I.
- 250 Брант — голландский корабельный мастер; починил морскую лодку царя Алексея Михайловича, в связи с чем в 1723 году Петр устроил торжественное чествование боту, названному дедушкой русского флота (10, 237).
- 251 Казы Гирей Султан (1808–1863) — черкес, корнет, позднее генерал-майор.

- 252 Николая I.
- 253 Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) — двоюродный брат А. П. Ермолова, партизан во время войны 1812 г., генерал-лейтенант, поэт и военный писатель.
- 254 Дурова Надежда Андреевна (1883–1866) — участница войны 1812 г., прослужила в кавалерии десять лет, писательница, автор автобиографических «Записок».
- 255 «Искры» (приложение к «Русскому Слову»). 1909. № 45. С. 357.
- 256 Чаадаев Яковлевич (1794–1856) — философ, писатель, автор «Философических писем», запрещенных в России до 1917 г.
- 257 Публикация в «Телескопе» первого «философического письма».
- 258 Нарышкин Дмитрий Львович (1768–1838) — обер-егермейстер двора, муж Марии Четвертинской, многолетней любовницы Александра I.
- 259 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 523.
- 260 Там же. С. 524.
- 261 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 539.
- 262 Барант Амаль-Гильом-Проспер-Брюжьер де (1785–1866) — французский историк, публицист, посол Франции в Петербурге.
- 263 Арендт Николай Федорович (1886–1759) — знаменитый врач, лейб-медик Николая I.
- 264 За нарушенное обещание не стреляться на дуэли и за дуэль.
- 265 Записка эта после прочтения Пушкину была возвращена Николаю I по его требованию. Текст ее известен по пересказу А. И. Тургенева в письме П. А. Вяземскому — см. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. С. 595.

- 266 Там же.
- 267 Архив Опеки Пушкина. М., 1939. С. 2 (Летописи Гос. лит. музея. Т. 5). При этом частные долги Пушкина составили 92 500 руб.
- 268 На девятый день после смерти.
- 269 Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 11. Пер. с франц.
- 270 Строганов Григорий Александрович (1770–1857) — дипломат, двоюродный брат тещи Пушкина Н. И. Гончаровой.
- 271 Данзас Константин Карлович (1801–1870) — инженер-подполковник при лейб-гвардии конном полку, лицейский *товарищ* Пушкина, секундант Пушкина на дуэли.
- 272 Как участник дуэли в качестве секунданта Пушкина.
- 273 Тургенев А. И. сопровождает тело Пушкина на кладбище в Святогорский монастырь.
- 274 Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 11–12. Пер. с франц.
- 275 «Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869; Сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры, 2006. С. 156–178.
- 276 «Россия под надзором». С. 165–166.
- 277 *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. С. 368.
- 278 «Борис Годунов».
- 279 Александра I: «В лице и в жизни арлекин» из пушкинского стихотворения «К бюсту завоевателя» (1829).
- 280 «Божией милостью» (*лат.*).
- 281 *Бицилли П.* Пушкин и Николай I. С. 320–321.
- 282 См. выше, окончание раздела «Дуэль и смерть».

- 283 Царское «опять» свидетельствует о том, что и прежние выпады (быть может, болгаринский «Анекдот», опубликованный в «Северной пчеле» 11 марта 1830 г.) против Пушкина вызывали его неудовольствие и обсуждались с Бенкендорфом, но, к сожалению, эта переписка до нас не дошла.
- 284 Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I // С. 7–8.
- 285 Это признавал и сам Пушкин.
- 286 Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 8.
- 287 На самом деле поездка на Кавказ в 1829 году вдохновила Пушкина на ряд замечательных стихотворений, среди которых есть и непосредственные отклики на военные события: «Из Гафиза», «Олегов щит», «Дон», «Делибаш», оставшиеся в черновиках набросках «Опять увенчаны мы славой...», «Был и я среди донцов», «Благословен твой подвиг новый...».
- 288 См. письмо А. Х. Бенкендорфа Пушкину от 14 декабря 1826 г. (13, 313).
- 289 «Литературная газета», 1830, № 14. С. 212–213.
- 290 Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 8–9.
- 291 Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 9.
- 292 Имеется в виду седьмая глава «Евгения Онегина».
- 293 Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I. С. 9–10.
- 294 Указал Н. Л. Гуданец.
- 295 Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. XIX/XX. С. 146.
- 296 Болгаринский «Анекдот», опубликованный в «Северной пчеле» 11 марта 1830 г.
- 297 *Благой Д. Д.* С. 5.

- 298 Единственная публикация «Анчара», где вместо «гне-
вом» читаем: «зноем».
- 299 Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3.
С. 464.
- 300 Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3.
С. 450.
- 301 См.: Пушкин «Стихотворения из “Северных цветов
1832 года”» под общей редакцией Дэвида М. Бетеа.
М.: Новое издательство, 2016. С. 5–32.
- 302 *Измайлов Н. В.* Из истории пушкинского текста «Ан-
чар, дерево яда» // Пушкин и его современники, вып.
XXXI–XXXII. Л.: Отдел. Русского языка и словесно-
сти Академии наук СССР, 1927. С. 6, 9, 14.
- 303 *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–
1830). М.: Сов. писатель, 1967. С. 180–202.
- 304 *Пушкин А. С.* Полное собр. соч.. В 17 т. Т. 17.
М.: Воскресение, 1997. С. 30.
- 305 *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–
1830). С. 159.
- 306 *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–
1830). С. 180.
- 307 *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизнен-
ных изданиях Пушкина. С. 302.
- 308 *Пушкин А. С.* Полное собр. соч. В 10 т. Т. VIII.
С. 19.
- 309 Позднее, в письме от 3 сентября 1831 г. Пушкин вновь
сообщит Нащокину эту новость.
- 310 Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3.
С. 362.
- 311 См. Переписку.
- 312 Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3.
С. 373.
- 313
- 314 *Измайлов Н. В.* Из истории пушкинского текста «Ан-
чар, дерево яда». С. 4.

- 315 *Измайлов Н. В.* Из истории пушкинского текста «Анчар, дерево яда». С. 7
- 316 *Измайлов Н. В.* Из истории пушкинского текста «Анчар, дерево яда». С. 13–14.
- 317 Примечания к стихотворению «Анчар» // Пушкин А. С. Собрание сочинений, размещенных в хронологическом порядке. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. VI. С. 481.
- 318 В упомянутом современном комментированном издании «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“» сомнения Н. П. Смирнова-Сокольского относительно даты письма обстоятельно рассмотрены и отвергнуты как несостоятельные. — см. с. 23–25.
- 319 В письме Пушкина ошибочно поставлена дата 7 января: январь кончился, но Пушкин автоматически еще датирует письмо январем.
- 320 8 сентября 1826 года во время личной встречи с Пушкиным во дворце Чудова монастыря в Кремля Николай I вызвался быть цензором Пушкина.
- 321 Так же воспринимается эта ситуация и в упомянутом комментированном издании «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“».
- 322 Официальное собрание всех действующих законодательных актов Российской империи, расположенных в тематическом порядке, впервые созданное при Николае I в 1826–1830 годах. Для составления этого собрания законов Николаем I в 1826 году было создано II Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое работало под неофициальным руководством М. М. Сперанского вплоть до 1830 года.
- 323 Подарок царя Пушкину — еще одно подтверждение императорского благорасположения.
- 324 *Долинин А. А.* Из разысканий вокруг «Анчара». — В кн.: А. А. Долинин. Пушкин и Англия. Цикл статей. М.: НЛО, 2007.

- ³²⁵ Долинин А. А. Из разысканий вокруг «Анчара». С. 81.
- ³²⁶ Там же.
- ³²⁷ Пушкин. «Стихотворения из „Северных цветов 1832 года“». С. 28.
- ³²⁸ Карамзин Н.М.. Мнение русского гражданина [dugward.ru>library/karamzin...mnenie...grajdanina.html](http://dugward.ru/library/karamzin...mnenie...grajdanina.html)
- ³²⁹ Предместье Варшавы.
- ³³⁰ Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина.
- ³³¹ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Полит. история России первой половины XIX ст. М.: Мысль, 1990. С. 6.
- ³³² Орлов Михаил Фёдорович (1788–1842) – генерал-майор, участник войны 1812 года с Наполеоном, в 1820–е гг. получил известность как общественный деятель либерального направления, декабрист, частый собеседник Пушкина.
- ³³³ Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – работал переводчиком в 1818 г. для российской власти в Варшаве, в частности во время открытия польского сейма Александром I, по приглашению царя принимал участие в разработке российской конституции, но проект был «положен под сукно».
- ³³⁴ Вяземский не разделял антипольскую позицию Орлова.
- ³³⁵ Перевод Вяземского не был пропущен цензурой.
- ³³⁶ «Арзамас». Сборник в 2 кн. Кн.2. Из литературного наследия «Арзамаса». М.: Худож. лит., 1994. С. 447.
- ³³⁷ Сафонов М. М. Речь Посполитая и декабризм. Часть III. Узловые проблемы в истории российско-польских отношений. СПб.: Эйдос, 2013. С. 162.
- ³³⁸ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. Издательство: М.: Наука, 1989. С. 85–86.

- 339 Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — один из
трех братьев Тургеневых, экономист и публицист, ак-
тивный участник декабристского движения, член «Ар-
замаса», где общался с Пушкиным.
- 340 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. М.: Век,
1994. С. 103.
- 341 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. С. 105.
- 342 См.: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы.
Политическая борьба в России в начале XIX в.
- 343 Пушкин, вероятно, надеялся опубликовать эти стихи
и, чтобы отвести прямое сопоставление с русским ца-
рем, подбирал к нему заглавия, приемлемые для про-
хождения цензуры: «Кумир Наполеона», «Бюст На-
полеонов» и, наконец, безличное, «Бюст завоевателя».
- 344 См.: Кока Г. М. Стихотворение «К бюсту завоевате-
ля», feb-web.ru>Пушкин>serial/is2/is2-324-.htm...
- 345 Какое тяжелое лицо (*итал.*).
- 346 Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т.
Т II (1825–1828). С. 447.
- 347 Граф Олизар Густав Филиппович (1798–1865) —
польский поэт, общественный деятель, встречался
с Пушкиным в Кишиневе, Каменке, Киеве; в 1822 году
Пушкин получил от него стихотворное послание на
польском языке.
- 348 Имеется в виду воцарение Лжедмитрия I в Москве
в 1605 г. и Русско-польская война 1605–1618 гг.
- 349 В результате штурма Праги (предместья Варшавы)
в 1794 году войсками Александра Суворова было уби-
то большое количество ее мирных жителей в качестве
отмщения за уничтоженный русский гарнизон, остав-
ленный в Варшаве.
- 350 Олизар сватался к М. Н. Волконской, но отец ее, ге-
нерал Н. Н. Раевский, герой войны 1812 года с Напо-
леоном, не пожелал выдать дочь за поляка-католика.

Это и стало поводом для написания Пушкиным стихотворения.

351 См.: стихотворение «Сто лет минуло, как тевтон...».

352 Комаровский Егор Евграфович (1803–1875) – граф, петербургский знакомый Пушкина.

353 Русский Архив. М., 1879, № 3. На взятие Варшавы. С. 385.

354 Имеются в виду правительственные польские войска.

355 То есть оставил бы столицу восставшим.

356 *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М.: Изд. Академии наук СССР, 1963. С. 206.

357 См. Письмо: В. А. Жуковский – А. С. Пушкину. Вторая половина (не ранее 16 августа) 1831 года: «Сейчас Государь присылал у меня просить твоих стихов; у меня их не случилось. Но он велел просить у твоей жены экземпляра. Не худо, когда и для Государя и для Императрицы перепишешь по экземпляру и скорее им доставишь экземпляры».

358 Мирный договор между Россией и Речью Посполитой на 13,5 лет, завершивший русско-польскую войну (1654–1666) за Украину и Белоруссию.

359 А внешнеполитическая ситуация состояла в том, что в период Польского восстания 1830–1831 годов и после его жестокого подавления в начале осени 1831 года Россия подвергалась в Европе резкой критике. При этом особое внимание было привлечено к холере в русской армии, что убедительно исследовано А. А. Долининым в его статье об «Анчаре» (Долинин А. А. Из разысканий вокруг «Анчара» // Пушкин и Англия. Цикл статей. М.: НЛО, 2007. С. 54–94).

Польская и европейская пропаганда обвиняла Николая I в том, что он намеренно отправлял в Польшу зараженных солдат. Эти обвинения были поддержа-

ны либеральными политиками и деятелями культуры Западной Европы, сочувствовавшими восставшей Польше.

360 *Вяземский П.А.* Записные книжки. С. 212.

361 *Вяземский П.А.* Записные книжки. С. 212.

362 Паскевич командовал русской армией при подавлении Польского восстания.

363 *Вяземский П. А.* Записные книжки. С. 214.

364 Скржинецкий Ян (1896–1860) — польский генерал, в феврале — августе 1831 г. главнокомандующий Польской армией.

365 Блудов Д. Н., статс-секретарь Николая I.

366 Поражение Наполеона в войне 1812 года и перенос военных действий на земли Варшавского герцогства и Германии в 1813 году.

367 Вопросы литературы, 1995, № 6.

368 Фрэнкленд Кольвиль (1797–1876) — английский флотский офицер, которому после перенесенной летом 1829 г. болезни врачи рекомендовали провести зиму в холодном климате. Он выбрал для этого Швецию и Россию. По результатам этих поездок он издал в 1832 году в Лондоне книгу «Рассказ о посещении дворов России и Швеции в 1830 и 1831 годах», в которой и содержатся дневниковые записи о трех встречах с Пушкиным в мае 1831 г. Нас интересует первая.

369 Цитируется по статье Казанского Бориса Васильевича (1889–1962) «Разговор с англичанином» в его переводе с английского // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 2. М.; Л., 1936. С. 302–314, 308.

370 Указ. соч.. С. 309.

371 Там же. С. 311.

372 Там же, С. 309–310.

373 *Благой Д. Д.* Социология творчества Пушкина. Этюды. М., Федерация, 1929.

- ³⁷⁴ *Щеголев П. Е.* Пушкин и мужики. М., 1928. С. 79.
- ³⁷⁵ Запрет сохранялся до 1905 г.
- ³⁷⁶ Радищев Александр Николаевич (1749–1802) — прозаик, поэт, философ.
- ³⁷⁷ Весь текст разговора с англичанином выпущен в белой редакции.
- ³⁷⁸ Фонвизин Денис Иванович (1745–1792) — драматург, создатель бытовой комедии.
- ³⁷⁹ Однако далее следовало признание: «Все это, конечно, переменялось, и я полагаю, что французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина» (II, 231), исключенное в окончательном тексте статьи по цензурным соображениям.
- ³⁸⁰ См.: Казанский Б. В. Указ. сочинение.
- ³⁸¹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т.7, 1978. С. 492.
- ³⁸² Можно предположить, что, наоборот, он боялся «переборщить» в защите крепостного права.
- ³⁸³ См. Первую статью настоящей книги «Пушкин и Николай I. Хроника отношений».
- ³⁸⁴ Крестьянское движение 1827–1860 годов, вып. I, 1931. С. 19.
- ³⁸⁵ См.: А. Ф. Кони. Великая княгиня Елена Павловна // Пятидесятилетний юбилей 1861–1911. Главные деятели освобождения крестьян. М., 1911. С. 15.
- ³⁸⁶ *Казанский Б. В.* Указ. соч. С. 308.
- ³⁸⁷ Обе статьи не были опубликованы из-за цензуры.
- ³⁸⁸ «Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры, 2006. С. 156–178.
- ³⁸⁹ Подробнее см. об этом в уже упомянутой выше фундаментальной работе П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики».

- ³⁹⁰ *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина в конце 20–30-х годов // Н.В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина, Л.: Наука, 1976. С. 234.
- ³⁹¹ *Измайлов Н. В.*, упомянутое соч. С. 260–261.
- ³⁹² Полное собр. соч. В 10 т. Т.II. Л.: С. 375.
- ³⁹³ *Цявловская Т. Г.* Собр. соч. В 10 т. Т.I. С. 682.
- ³⁹⁴ *Тынянов Ю. Н.* Пушкин // Пушкин и его современники. С. 131.
- ³⁹⁵ Майков А. Н. О стихотворениях Пушкина «Туча» и «Аквилон» // Историко-литературные очерки. СПб., 1895.
- ³⁹⁶ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 19 т. Т.19, М.: «Воскресенье», 1995, Путеводитель по Пушкину. С. 895.
- ³⁹⁷ Летопись жизни и творчества Пушкина. В 4 т. Т.I. С. 374, 433.
- ³⁹⁸ Полное собр. соч. В 10 т. Т.III. С. 435.
- ³⁹⁹ Собр. соч. В 10 т. М.: Худож. литература, 1974. Т.2. С. 564.
- ⁴⁰⁰ *Тынянов Ю. Н.* Пушкин // Пушкин и его современники. С. 131.
- ⁴⁰¹ *Тынянов Ю. Н.* Смерть Вазир-Мухтара. М.: Худож. литература, 1988. С. 3.
- ⁴⁰² *Измайлов Н. В.*, упомянутое соч. С. 260.
- ⁴⁰³ Этому предшествовали предварительные переговоры, начавшиеся в апреле 1835 года.
- ⁴⁰⁴ Летопись жизни и творчества Пушкина: В 4 т. Т.IV. С. 173.
- ⁴⁰⁵ Красовский Александр Иванович (1780–1857) — пользовался репутацией тупого и фанатичного цензора, см., например, пушкинские «Послания к цензору» 1822 и 1824 гг., а также эпиграмму «Тимковский царствовал...».

- ⁴⁰⁶ Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) — литературный критик, в 1834–1835 гг. был цензором пушкинских произведений, его правки в «Анжели» и «Сказке о золотом петушке» возмутили Пушкина.
- ⁴⁰⁷ Бируков Александр Степанович (1772–1844) — цензор, отличавшийся строгостью и тупостью, вышел в отставку в 1830 г. Его имя всегда соединялось с именем Красовского (см. сноску выше).
- ⁴⁰⁸ Полное собр. соч. В 10 т. Т. VIII. С. 47.
- ⁴⁰⁹ Вацуро В. Э., Гилельсон М. И. Сквозь умственные платины. М.: Книга, 1986. С. 188.
- ⁴¹⁰ Летопись жизни и творчества Пушкина. В 4 т. Т. IV. С. 629.
- ⁴¹¹ Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л.: Наука, 1974. С. 68.
- ⁴¹² Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. С. 69.
- ⁴¹³ Оливие Александр Карлович — полковник, у него квартировал Пушкин с семьей.
- ⁴¹⁴ Ободовская И. М., М. А. Дементьев. Вокруг Пушкина: Сестры Гончаровы и их письма. — <http://www.pushkin-lit.ru/pushkin/family/obodovskaya-dementev-vokrug-pushkina/sestry-goncharovy-i-ih-pisma.htm>.
- ⁴¹⁵ Пушкин и его современники, вып. XVII–XVIII. СПб., 1914. С. 168.
- ⁴¹⁶ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина.
- ⁴¹⁷ Пушкин и его современники, вып. XXI–XXII, СПб., 1915. С. 168.
- ⁴¹⁸ Екатерина Николаевна Карамзина (1806–1867), в браке княгиня Мещерская.
- ⁴¹⁹ Екатерина Гончарова, в рассматриваемый момент жена Дантеса.
- ⁴²⁰ Абрамович С. А. Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб.: «Дмитрий Булавин», 1994. С. 269–270.

- 421 *Ахматова Анна*. О Пушкине. Л.: Советский писатель, 1977. С. 136.
- 422 *Абрамович С. А.* Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 268.
- 423 *Скрынников Р. Г.* Пушкин. Тайна гибели. СПб.: «Нева», 2005. С. 275.
- 424 *Скрынников Р. Г.* Пушкин. Тайна гибели. С. 275.
- 425 *Абрамович С. А.* Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 288.
- 426 *Ахматова Анна*. О Пушкине. С. 141.
- 427 «Московский телеграф», 1831, Ч. 42. С. 255, 256.
- 428 *Ахматова А. А.* Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. №1.
- 429 *Алексеев М. П.* «К истории села Горюхина» // Пушкин: Статьи и материалы. Вып. 2. Одесса, 1926. С. 70–87.
- 430 *Рак В. Д.* Ирвинговская реминисценция в «Каменном госте» // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Вып. 20. С. 163–169.
- 431 *Есипов В. М.* Семейные истории Гриневых и Уартонов // Пушкин в зеркале мифов. — М.: Языки славянской культуры, 2006.—560 с. С. 403–416.
- 432 Это совпадение — еще одно свидетельство пушкинской заинтересованности Америкой летом 1836 г.
- 433 *Есипов В. М.* Семейные истории Гриневых и Уартонов. С. 403–415.
- 434 См. стихотворение 1835 г. «Туча».
- 435 См. выше в настоящей книге статью «Последняя туча рассеянной бури...».
- 436 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т.8. С. 379.
- 437 В дальнейшем для краткости — «Памятник».
- 438 *Мурьянов М. Ф.* Из символов и аллегорий Пушкина. М.: «Наследие», 1996. С. 64.

- 439 См. «Милость к падшим...» в главе «Пушкин и декабристы» // В. М. Есипов. Мифы и реалии пушкиноведения, С. 137–144.
- 440 *Grégoir H.* Horace et Pouchkine // les Etudes classiques. Namur. 1937. Т. 6. Р. 525–535.
- 441 *Шанский Н. М.* Exegi monumentum // Русский язык в школе. 1989. № 1. С. 70–71.
- 442 *Фомичев С. А.* Памятник нерукотворный // Русская литература. 1990. № 4. С. 214.
- 443 *Мурыянов М. Ф.* Указ. соч. С. 60–67. В первом выпуске «Вопросов литературы» за 2008 год в статье «Будет ли когда-нибудь прочитан Пушкин?» ту же позицию подтвердил Г. Г. Красухин, но статья его, по существу, не содержит нового по сравнению с работами названных авторов.
- 444 *Мейлах М. Б.* Еще раз об «Александрийском столпе» // Пушкин и его современники. Сб. науч. трудов. Вып. 4 (43). СПб.: ИРЛИ РАН, «Нестор-История»; «Гуманитарное агентство "Академический проект"», 2005. С. 340–363.
- 445 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 141.
- 446 *Виролайнен М. Н.* Культурный герой Нового времени // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: «Гуманитарное агентство "Академический проект"», 1994. С. 334–335.
- 447 *Мейлах М. Б.* Указ. соч. С. 346.
- 448 Как и другой его работы на ту же тему — см.: *Мейлах М. Б.* Поэзия и власть // Лотмановский сборник. Т. 3. М., 2004. С. 717–744.
- 449 *Непомнящий В. С.* Поэзия и судьба. М.: «Советский писатель», 1983. С. 24.
- 450 *Непомнящий В. С.* Указ. соч. С. 390.
- 451 *Мурыянов М. Ф.* Указ. соч. С. 66.

- 452 *Мейлах М. Б.* Указ. соч. С. 361.
- 453 *Проскурин А. О.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: «НЛО», 1999. С. 278–282.
- 454 *Мейлах М. Б.* Указ. соч. С. 348.
- 455 Там же. С. 350.
- 456 *Мейлах М. Б.* Указ. соч. С. 352.
- 457 *Проскурин А. О.* Указ. соч. С. 277.
- 458 Перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского.
- 459 Сравним с ахматовским: «И долговечней *царственное слово*».
- 460 *Мурьянов М. Ф.* Указ. соч. С. 62.
- 461 *Проскурин О. А.* Указ. соч. С. 284.
- 462 Атлас чудес света. М.: БММ АО, 1995. С. 128.
- 463 Словарь Античности. М.: «Прогресс», 1989. С. 599.
- 464 *Мурьянов М. Ф.* Указ. соч. С. 65.
- 465 *Фомичев С. А.* Памятник нерукотворный // «Русская литература». 1990. № 4. С. 214.
- 466 *Мейлах М. Б.* Указ. соч. С. 347.
- 467 О. А. Проскурин подвергает сомнению версию об александрийском маяке на том основании, что он «давно исчез с лица земли» (с. 277), но и Гораций, и Пушкин сравнивают свои памятники с пирамидой (Гораций) и с Фаросом (Пушкин) лишь по высоте. Долговечность сравнивается у Горация с медью (в переложении Державина — с металлами), у Пушкина это сравнение вообще отсутствует.
- 468 *Фомичев С. А.* Указ. соч. С. 214.
- 469 *Тынянов Ю. Н.* Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. С. 133.
- 470 *Мейлах М. Б.* Указ. соч. С. 347.
- 471 *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.-Л.: Academia, 1935; Очерки по истории русского литературного

- языка XVII–XIX веков. изд. 3-е. М.: Высш. школа, 1982.
- 472 *Винокур Г.О.* Избранные труды по русскому языку, М.: Гос. учебно-педагогическое изд. Мин. просвещения РСФСР., 1959.
- 473 *Горшков А.И.* Теория и история русского литературного языка. М.: Русский язык, 1984.
- 474 *Словарь языка Пушкина: в 4 т., М.: Азбуковник, 2000 (2-е издание).*
- 475 *Пеньковский А.Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Издание второе, испр. и доп. — М.: Индрик, 2003.
- 476 *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики М.: Языки славянской культуры, 2005.
- 477 *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики. С. 6–7.
- 478 Сноб. МОЙ ВЫБОР 12:02.
- 479 Сноб. МОЙ ВЫБОР 13.09.2018. Промахи Пушкина-прозаика (из цикла «Пятна на Солнце»).
- 480 *Словарь языка Пушкина. В 4 т. С. 88.*
- 481 *Словарь Академии Российской, Часть IV, СПб., 1793, стб. 1118. Значок /после гласной означает обычное (акутовое) ударение на соответствующем слоге, \ — грависное ударение на слоге; с помощью сочетания е» здесь кодируется «ять».*
- 482 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: А/О Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. стб. 1534 («запирать»), стб. 1613 («затворить»), С. 1534, 1613.
- 483 Сноб. МОЙ ВЫБОР.
- 484 *Магазаник Л.* «Пушкин и теоретико-литературная мысль». М., 1999. С. 41.

- 485 *Чумаков Ю. Н.* Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассматриваний. М., 2008. С. 12.
- 486 *Красухин Г. Г.* Два в одном, или Еще раз о жанре «Пиковой дамы» Пушкина. — Знамя, 2014, № 9.
- 487 *Губайловский В.* Топология «Пиковой дамы» 31 июля 2015 в разделе: Филология — <http://novymirjournal.ru/index.php/blogs/entry/topologiya-pikovoj-damy>.
- 488 *Есинов В. М.* От Баркова до Мандельштама». СПб.: Нестор-История, 2016. С. 137–142.
- 489 *Бочаров С. Г.* Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. Случай или сказка. С. 142.
- 490 Именно этим объясняется, например, едкое замечание критика о том, что Германн, сидящий на окошке в спальне Лизаветы Ивановны, должен был бы выглядеть как «мокрая курица». Критик не учел, что со времени проникновения в дом графини находившегося под снегопадом Германна и этим разговором прошло около трех часов, и его сюртук, сшитый, по-видимому, из добротного сукна, наверняка успел в достаточной степени высохнуть
- 491 *Васильев Н. А.* Пушкин: язык классика, поэтика романа «Евгения Онегина», писатель и его современники. Монография / Н. А. Васильев. Музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино»; Нижний Новгород, Нижегородский университет (Арзамасский филиал). — Саранск, 2013. С. 8.
- 492 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1955. С. 256.
- 493 *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1986. С. 209–210.
- 494 *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 175–176.
- 495 *Бельчиков Н. Ф.* Пушкин и Гнедич в 1832 году // Пушкин. Сборник первый / Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924. С. 180.

- ⁴⁹⁶ Там же. С. 182.
- ⁴⁹⁷ *Бельчиков Н. Ф.* Пушкин и Гнедич в 1832 году. С. 180.
- ⁴⁹⁸ Там же. С. 181.
- ⁴⁹⁹ *Пушкин А. С.* Собр. соч. В 6 т. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. С. 464.
- ⁵⁰⁰ Автограф этот также исследовал Бельчиков в 1924 году в упомянутой работе.
- ⁵⁰¹ *Вацуро В. Э.* Поэтический манифест Пушкина // «Записки комментатора». СПб., 1994. С. 19–20. Беловой автограф, о котором упоминает Вацуро, содержит лишь восемь стихов.
- ⁵⁰² *Вацуро В. Э.* Поэтический манифест Пушкина. С. 24.
- ⁵⁰³ *Саводник В. Ф.* Заметки о Пушкине // «Русский Архив». М., 1904. № 5. С. 145.
- ⁵⁰⁴ *Вацуро В. Э.* Указ. соч. С. 27.
- ⁵⁰⁵ *Вацуро В. Э.* Указ. соч. С. 25.
- ⁵⁰⁶ *Гоголь Н. В.* О лиризме наших поэтов // Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1986. С. 209–210.
- ⁵⁰⁷ *Елунов А. Н.* Гомер в русских переводах. М.; Л., 1964. С. 259.
- ⁵⁰⁸ Поэтому мы отказываемся принять интерпретацию стихотворения, предложенную Л. М. Аринштейном, столь же однозначную и прямолинейную, хотя и с противоположным выводом, как и трактовка советских пушкиноведов («Пушкин. «Непричесанная биография». М., 1998. С. 142–147).
- ⁵⁰⁹ *Гоголь Н. В.* Указ. соч. С. 209.
- ⁵¹⁰ *Гоголь Н. В.* О лиризме наших поэтов. С. 209.
- ⁵¹¹ *Смирнова-Россет А. О.* Записки. М., 2003. С. 382. См. выше главу «Подлинны по внутренним основаниям...».
- ⁵¹² *Пушкин А. С.* Сочинения и письма / Под ред. П. О. Морозова. Т. II. С. 497–498.

-
- ⁵¹³ *Мейлах Б. С.* С Гомером долго ты беседовал один... // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. Л., 1974. С. 221.
- ⁵¹⁴ *Кибальник С. А.* Гнедич Н. И. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: «Большая советская энциклопедия», 1992. С. 587.
- ⁵¹⁵ *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина: В 2 т. Т. 2. С. 318.
- ⁵¹⁶ Там же.
- ⁵¹⁷ *Морозов П.* Эпиграмма Пушкина на перевод Илиады // Пушкин и его современники. Вып. XIII. СПб., 1910. С. 14.
- ⁵¹⁸ Там же.
- ⁵¹⁹ В ИМЛИ им. Горького РАН издается Собрание сочинений А. С. Пушкина, расположенных в хронологическом порядке.
- ⁵²⁰ *Пушкин А. С.* Собр. соч. В 6 т. / Под ред. С. А. Венгерова.
- ⁵²¹ *Пушкин А. С.* Поэзия. М.: АСТ, 2008. С. 782–783.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович С.Л. 219, 221
Адеркас Б.А. 19, 21
Александр I 20, 23, 59, 75, 89, 93, 100, 166–173, 183, 199, 201–204, 226, 235–23, 244–247
Александр II 92, 110
Александр Македонский 241–242
Алексеев М.П. 223
Анненков П.В. 78, 258–264, 267, 275
Аракчеев А.А. 65, 90
Арапова П.А. 220
Арендт Н.Ф. 65
Ахматова А.А. 215, 218–220, 222
Бартенев П.И. 27
Белинский В.Г. 257, 262–263
Бельчиков Н.Ф. 259–261, 267, 275
Бенкендорф А.Х. 5, 25–27, 29, 31–34, 38–40, 42–54, 56–63, 67–69, 71–77, 83–91, 93–101, 102–109, 117–118, 122, 126–128, 130–131, 140–149, 155–156, 160–162, 164, 193–194, 206–209, 231
Берестов В.Д. 78
Бестужев А.А. 12, 195
Бестужев-Рюмин М.П. 16
Бетеа Дэвид М. 153, 158
Бируков А.С. 209
Бицилли П.М. 8, 110, 111, 131, 138, 139

- Благой Д.Д. 8, 10, 23,
149, 153, 154, 188,
201–203, 280
Блудов Д.Н. 27, 52
Бобринский А.А. 85,
216
Бомон де-Г. 225
Бонди С.М. 23
Бочаров С.Г. 252
Брант 120
Брюсов В.Я. 257
Вацууро В.Э. 23, 263,
266–268, 273
Вашингтон Д. 230
Венгеров С.А. 278
Вересаев В.В. 276–277
Виноградов В.В. 248
Винокур Г.О. 248
Виролайнен М. Н. 237
Волконская М.Н. 350
Волконский П.В. 103
Вольтер (Франсуа-Мари
Аруэ) 74
Вульф А.Н. 33, 218
Вяземский П.А. 12, 13,
18, 20, 25 38, 40,
50, 54, 56, 59. 62,
63, 75–77, 168, 170,
180, 182–183, 185,
188, 208, 219, 229,
237, 255
Вяземская В.Ф. 85
Геккерт А-Б 218, 220
Глинка Ф.Н. 63, 156
Глинка Ю.К. 116
Гнедич Н.И. 5,
263–266, 269–270,
275–278
Гоголь Н.В. 82, 258,
262, 268–272
Голенищев-Кутузов
П.В. 40
Голицын Н.Б. 228
Гомер 5, 255, 258,
265, 270–273,
275–276
Гончаров А.Н. 53, 74,
132
Гончарова А.Н.
215–222
Гончарова Е.Н. 101,
215–216, 218
Гончарова Н.И. 43
49. 50, 108, 131
Гораций (Квинт Гораций
Флакк) 238–239,
243, 245, 275
Горчаков Д.П. 40
Горшков А.И. 248
Грегуар А. 236, 239,
243
Греч Н.И. 56, 75, 76
Гримм Р.А. 31
Губайловский В.А.
253
Данзас К.К. 129

- Дантес Ж. 127, 138, 218–221
- Дельвиг А.А. 12 13, 20, 51, 52, 56, 57, 68, 69, 144, 148
- Державин Г.Р. 119, 238, 245
- Дементьев М.А. 216–217
- Джексон Э. 227
- Дибич И.И. 20–21
- Дмитриев И.И. 76, 202
- Долинин А.А. 162
- Долгорукова О.А. 101,
- Дондуков-Корсаков М.А. 105, 106, 112, 115, 118, 209
- Дубельт Л.В. 88, 128
- Дурова Н.А. 123,
- Екатерина II 132, 197, 226, 229–230
- Есипов В.М. 7, 223, 229, 280
- Жобар А. 119, 120
- Жуковский В.А. 13, 15, 19, 52, 63, 65, 75, 77, 89, 93–99, 128, 156, 157, 178, 182–183, 207–208, 229, 233, 246, 258–259, 262, 264, 267, 270–272, 275
- Измайлов Н.В. 153, 157, 158, 165, 199, 206, 210, 213
- Ирвинг В. 223
- Казанский Б.В. 306
- Казы-Гирей С. 122
- Канкрин Е.Ф. 109, 113–115, 126, 207
- Канкрин Е.З. 113
- Карамзин Н.М. 8, 13, 167, 170, 179
- Карамзина Е.Н. 218
- Карамзина С.Н. 218
- Катенин П.А. 75, 240
- Каховский П.Г. 16,
- Киреевский И.В. 77, 160, 208, 230
- Княжевич Д.М. 90, 91
- Кожевников В.А. 280
- Комаровский Е.Е. 175, 177
- Кони А.Ф. 45
- Коншин Н.М. 87
- Корноулл Б. 114
- Корф М.А. 23–25, 283–284
- Красовский А.И. 307
- Красухин Г.Г. 252, 313
- Крылов А.Л. 118
- Крылов И.А. 202
- Купер Ф. 223, 229–230
- Кутузов М.И. 175–176

- Кэмпбелл Т. 163–164, 318
Кюхельбекер В.К. 12, 15, 35, 36
Лебедев Ф.Ф. 87
Лернер Н.О. 262–263
Ливен К.А. 160, 208
Литта Ю. 91
Ломоносов М.В. 94, 121
Лопухин П.В. 16, 282
Лопухин П.П. 169
Лорер Н.И. 11, 281
Лотман Ю.М. 134, 141
Луи-Филипп 224
Ляфонтен Ж. 202
Магазаник Л. 252
Майков А.Н. 201
Мейлах Б.С. 273
Мейлах М.Б. 236–237, 240, 243–244, 246
Мироненко С.В. 169
Митьков В.Ф. 40
Мицкевич А. 175, 184
Модзалевский Б.А. 277
Моисей 266–268
Монферран О. 241
Мордвинов А.Н. 77, 81, 100
Моро де Бразе Ж. 116
Морозов П.О. 277
Муравьев-Апостол С.И. 16
Муравьева А.Г. 29
Мурьянов М.Ф. 235–236, 239, 244
Наполеон I Бонапарт 100, 178, 201–203, 226, 246, 271
Нарышкин Д.А. 125
Нащокин П.В. 61, 66, 69, 74, 75, 154, 156, 217
Непомнящий В.С. 158, 239, 243
Нессельроде К.В. 19, 63,
Нечаев С.Д. 87
Никитенко А.В. 209.
Николай I 6, 7, 110, 15–140, 142, 146–147, 149, 156, 162–163, 176, 182, 194, 207, 210–211, 229–230, 233, 262, 268–269, 271–272, 282–286, 288–289, 290, 294–295, 297–299, 301, 305
Ободовская И.М. 216–217
Одоевский В.Ф. 106
Олизар Г.Ф. 173, 177
Орлов М.Ф. 168, 170

- Осипова П.А. 16, 21, 61, 66, 106, 115, 155, 218
Оссиан 257, 259, 274
Павел I 89
Павский Г.П. 104
Паскаль Б. 203.
Паулуччи Ф.О. 19
Пеньковский А.Б. 248–249, 253, 255
Перовский В.А. 81, 82
Пестель П.И. 15, 16
Петр I 28, 29, 45, 62, 74, 84, 107, 116, 120, 121. 132, 137, 155, 206, 226, 229–233, 269
Петрунина Н.Н. 212–213
Пиксанов Н. К 77
Пиндемонти И. 213. 221, 228, 233
Платонов А.П. 14, 15
Плетнев П.А. 15, 16, 19, 50, 59, 75, 156, 164, 229, 233
Погодин М.П. 55, 56, 77, 80, 271
Потапов А.Н. 21
Потемкин Г.А. 119
Проскурин О.А. 236, 240, 242
Пугачев Е.И. 82, 83, 86–89, 99, 100, 132, 207, 230
Пушкин А.А. 217.
Пушкин В.Л. 86, 87,
Пушкин Л.С. 52, 59, 108, 196
Пушкин С.Л. 33, 54, 108,
Пушкина (Гончарова) Н.Н. 59, 74, 76, 78, 79, 86, 92, 94, 95, 99, 106, 113. 114. 122, 123, 127, 136, 215–221
Пушкина Н. О. 20, 108
Пушкина О.С. 216
Пушин И.И. 11, 12, 15,
Радищев А.Н. 189, 193, 195, 197
Раевский Н.Н. 44
Раевский Н.Н. –сын 42
Рак В.Д. 223
Родофинкин К.К. 109
Романов К.П. (Константин) 168
Романов М.П. 85, 102
Россет К.О. 125
Рылеев К.Ф. 12, 15, 16, 281
Саводник В.Ф. 262–263, 266–267

- Сидоров М. 320
Скарятин Я.Ф. 89
Скотт В. 47, 216
Скржинецкий Я. 183
Скрынников Р.Г. 219, 221
Смирдин А.Ф. 82, 113
Смирнов-Сокольский Н.П. 154
Смирнова-Россет А.О. 63, 89, 125, 271–272
Соловьева О.С. 264
Сперанский М.М. 74, 87, 134, 162
Столпянский П.Н. 320
Строганов Г.А. 129
Суворов А.А. 64
Суворов А.В. 64
Судиенко М.О. 70
Сухозанет И.О. 83
Тарасенко-Отрешков Н.И. 76, 77
Теннер Д. 224–226, 231
Токвиль де-А. 224–226
Толстой П.А. 41, 42
Толстой Ф.И. (Американец) 43
Томашевский Б.В. 153, 189, 200, 204
Торвальдсен Б. 172–173
Тургенев А.И. 25, 129, 185, 219
Тургенев Н.И. 170
Тютчев Ф.И. 203, 237
Тынянов Ю.Н. 200, 204, 206, 246
Уваров С.С. 105, 106, 112, 15, 117, 118, 209–210
Федотов Г.П. 8, 157, 280
Филарет (Дроздов В.М.) 104
Фомичев С.А. 236, 244–245
Фонвизин Д.И. 190
Фон-Фок М.Я. 42, 64, 65, 81
Фридендер Г.М. 212–213
Фридрих Вильгельм III 65, 110
Фрэнклэнд К. 5, 7, 186–191, 194
Хитрово Е.М. 52, 58, 62, 97, 102, 171, 173, 176, 180, 184
Цявловский М.А. 23, 200, 204
Цявловская Т.Г. 307

-
Чаадаев П.Я.	13, 125,	Шенье А	34
	184, 226, 231, 240	Шереметев Д.Н.	117
Чумаков Ю. Н.	252	Эйдельман Н.Я.	23,
Шайтанов И.О.	184		141
Шанский Н.М.	236	Эпштейн	
Шильдер Н.К.	283	М.Н.	249-253
Щеголев П.Е.	8, 23,	Юрьев В.Г.	113, 123
	128, 189, 280	Яковлев М.Л.	70
Шекспир В.	11, 12. 13	Якушкин И.Д.	169

ЛИТЕРАТУРА

- Архив братьев Тургеневых. Вып. VI. Прг., 1921.
- Архив Опекы Пушкина. М., 1939 (Летописи Гос. Литературного музея. Т. 5).
- Атлас чудес света. М.: БММ АО, 1995.
- Бельчиков Н. Ф. Пушкин и Гнедич в 1832 году.
- Благой Д. Д. Социология творчеств Пушкина, М.: Мир, 1931.
- Вацуrow В. Э. Поэтический манифест Пушкина // «Записки комментатора». СПб., 1994.
- Вересаев В. В. Спутники Пушкина. В 2 т.
- Виролайнен М. Н. Культурный герой Нового времени // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: «Гуманитарное агентство "Академический проект"», 1994.
- Вогман (Есипов) В. М. Пушкин и Николай I. Исследование и материалы. — СПб.: Нестор-История, 2019.
- Военный Журнал Военно-Ученого Комитета. СПб., 1831. № II.
- Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992.
- Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. IX. СПб., 1884.
- Гоголь Н. В. Собр. Соч. В 7 т. Т. 6. М., 1986.
- Грегюар А. Horace et Pouchkine // les Etudes classiques. Namur. 1937. Т. 6.

Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А. С. Пушкине. Предисловие С. Сухонина. СПб., 1906.

Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Звено. Париж, 1928. № 6.

«Искры» (приложение к «Русскому Слову»). 1909. № 45.

Красный Архив. М., 1923. Т. III.

Крещатик. Киев, 2010. № 1.

Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. М.: Слово, 1999.

Литературная газета. 1830. № 14.

Литературная газета. 1830. № 61.

Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995.

Мейлах Б. С. С Гомером долго ты беседовал один... // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. Л., 1974.

Мейлах М. Б. Еще раз об «Александрийском столпе» // Пушкин и его современники. Сб. науч. трудов. Вып. 4 (43). СПб.: ИРЛИ РАН, «Нестор-История»; «Гуманитарное агентство "Академический проект"», 2005.

Мурьянов М. Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. М.: «Наследие», 1996.

Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М.: «Советский писатель», 1983.

Остафьевский Архив. Т. V. Вып. 2. СПб., 1913.

Платонов А. Размышления читателя. М.: Современник, 1980.

Проскурин А. О. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: «НЛО», 1999.

Процесс декабристов. М.: Издание И. А. Малинина, 1905.

Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Худож. литература, 1974.

Пушкин и его современники. Вып. V. СПб., 1907.

Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XIX/XX. Пг., 1914.

Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л.: Наука, 1969.

Пушкин. Письма. Т. II. М.: Книга, 1990.

Пушкин А. С. Собр. Соч. В 6 т. / Под ред. С. А. Венгерова.

Пушкин. Полн. собр. соч., размещенных в хронологическом порядке. Т. V (1826–1827). М.: ИМЛИ РАН, 2015.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1978.

Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 17 т. Т. 13–16. М.: Воскресение, 1996.

Пушкин А. С. Сочинения и письма / под ред. П. О. Морозова. Т. 2. СПб., 1903.

Пятидесятилетний юбилей 1861–1911. Главные деятели освобождения крестьян. М., 1911.

«Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869; Сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры, 2006.

Смирнова-Россет А. О. Записки. М., 2003. Русский Архив. М., 1865.

Русская Старина. СПб., 1896. № 10.

Русская Старина. СПб., 1900. Т. 101.

Русская старина. СПб., 1903. № 8.

Русская Старина. 1908. Т. CXXXVI, октябрь.

Саводник В. Ф. Заметки о Пушкине // «Русский Архив». М., 1904. № 5.

Словарь Античности. М.: «Прогресс», 1989.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989.

С.-Петербургские ведомости, 1866, № 163.

Старина и новизна (исторические сборники). СПб, 1903. Кн. 6.

Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1830. № 17.

Фомичев С. А. Памятник нерукотворный // Русская литература, 1990.

Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903.

Эйдельман Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества (1826–1837). М.: Худож. литература, 1987.

Литературно-художественное издание
Literary Studies & Philology

Виктор Есипов

ПУШКИН

Тридцатые годы

Ведущий редактор: *Екатерина Пелифосова*
Художественное оформление: *Анастасия Телиус*
Компьютерная верстка: *Ольга Степкина*
Корректурa: *Татьяна Антонова*

ООО «Флобернум»
www.flaubertium.ru

Директор: *Ольга Аминова*
Директор по развитию: *Татьяна Булатова*
Дизайн обложки: *Александр Кудрявцев*
Литературный редактор: *Ольга Аминова*

*В оформлении обложки использована репродукция
автопортрета А.С.Пушкина*

Для отзывов и предложений:
flaubert-agency@mail.ru

16+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*

Подписано в печать 13.03.2024
Формат 84×108/32
Усл. печ. л. 20,50

RUGRAM

ISBN 978-5-517-11493-8

9 785517 114938

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109548, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8print.ru; info@t8print.ru
Тел.: +7 (499) 322-38-30